

Магнитогорский государственный технический университет
им. Г. И. Носова

Libri Magistri

2023. № 3 (25)

Научный рецензируемый журнал

Издается 4 раза в год
Основан в феврале 2015

Магнитогорск
2023

Nosov Magnitogorsk State Technical University

Libri Magistri

2023. № 3 (25)

Scientific peer-reviewed journal

Published four times a year
Founded in February 2015

Magnitogorsk
2023

2023. 3 (25).

Редакционная коллегия:

С. В. Рудакова – главный редактор, д-р филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Т. Е. Абрамзон – ответственный редактор, директор института гуманитарного образования, д-р филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Т. Е. Автухович – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русской филологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Беларусь, Гродно);

М. Боровски – канд. гуманитарных наук, адъюнкт по кафедре русской литературы и культуры Вроцлавского университета (Польша, Вроцлав);

Р. Кидэра – канд. филол. наук, внештатный преподаватель, Досия университет в Японии (Япония, Киото);

Н. В. Кононова – д-р филологии, Рижская основная школа имени ВалдаАвотиня, центр развития (Латвия, Рига);

А. Ю. Леонтьева – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы НАО «Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева» (Республика Казахстан, Петропавловск);

Е. В. Ничипорчик – д-р филол. наук, заведующий кафедрой русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины (Беларусь, Гомель);

И. Регеци – д-р философии, д-р литературы и культурных исследований (Dr. Habil), адъюнкт-профессор, доцент Института славистики, Дебреценский университет (Венгрия, Дебрецен);

Л. Росси – профессор русской литературы Миланского государственного университета (Италия, Милан);

А. Ф. Строев – д-р филол. наук, профессор кафедры сравнительного литературоведения университета Париж-III (Новая Сорбонна) (Франция, Париж);

Слободанка Владив-Гловер – адъюнкт-профессор в Школе языков, литератур, культуры и лингвистики, университет Монаша (Австралия, Мельбурн);

З. П. Табакова – д-р филол. наук, профессор; профессор кафедры русского языка и литературы НАО «Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева» (Республика Казахстан, Петропавловск);

М. А. Амелин – русский поэт, переводчик, литературный критик и издатель, главный редактор «Объединенного гуманитарного издательства» (Россия, Москва);

А. П. Власкин – д-р филол. наук, профессор, независимый исследователь (Россия, Магнитогорск);

А. К. Гладков – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Отдела западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН (Россия, Москва);

М. Л. Ковшова – д-р филол. наук, ведущий сотрудник сектора теоретического языкознания ФГБУН «Институт языкознания РАН» (Россия, Москва);

В. Л. Коровин – д-р филол. наук, доцент кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва);

В. А. Котельников – главный научный сотрудник Отдела новой русской литературы Института русской литературы («Пушкинский дом»), зав. группой по изучению и изданию наследия К. Н. Леонтьева (Россия, Санкт-Петербург);

О. Г. Лазареску – д-р филол. наук, профессор кафедры русской литературы Московского педагогического государственного университета (Россия, Москва);

Н. В. Налегач – д-р филол. наук, профессор кафедры журналистики и русской литературы XX века Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета (Россия, Кемерово);

Н. В. Патроева – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Петрозаводского государственного университета (Россия, Петрозаводск);

А. В. Растягаев – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой филологии и массовых коммуникаций Самарского филиала Московского городского педагогического университет (Россия, Самара);

С. Е. Рахманкулова – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Искусственный интеллект и когнитивные исследования», профессор кафедры английского языка Высшей школы перевода Нижегородский государственный лингвистический университет им. Добролюбова (Россия, Нижний Новгород);

С. А. Песина – д-р филол. наук, профессор кафедры лингвистики и перевода Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Ю. В. Сложеникина – д-р филол. наук, профессор кафедры филологии и массовых коммуникаций Самарского филиала Московского городского педагогического университета, декан филологического факультета (Россия, Самара);

О. Ю. Колесникова – канд. филол. наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

Н. В. Позднякова – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовых коммуникаций Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

А. Л. Солдатченко – докт. пед. наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

О. В. Франчук – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовых коммуникаций Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск);

А. В. Петров – д-р филол. наук, профессор, независимый исследователь (Россия, Магнитогорск);

Т. Б. Зайцева – технический редактор, д-р. филол. наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова (Россия, Магнитогорск).

Фото на обложке – автор Нуждина Е. С., магистр-филолог МГТУ им. Г. И. Носова).

2023. 3 (25).

Editorial Board:

Svetlana Rudakova – Editor-in-Chief, Doctor of Sciences (Philology), Head of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Tatiana Abramzon – Deputy Editor, Doctor of Sciences (Philology), Director of the Institute for the Humanities, Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Tatiana Avtukhovich – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Russian Philology, Yanka Kupala State University of Grodno (Belarus, Grodno);

Marcin Borowski – PhD, Assistant Professor, Department of Russian Literature and Culture, University of Wrocław (Poland, Wrocław);

Ritsuko Kider – Associate Professor, Candidate of Sciences (Philology), Part-time Lecturer, Doshisha University in Japan (Japan, Kyoto);

Natalia Kononova – Doctor of Sciences (Philology) (Latvia, Riga);

Anna Yurievna Leontyeva – Candidate of Philology, Associate Professor; Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, North Kazakhstan University named after Manash Kozybayev (Republic of Kazakhstan, Petropavlovsk);

Alena Nichyporchyk – Doctor of Sciences (Philology), Head of the Department of Russian, General and Slavic Linguistics (Belarus, Gomel);

Ildikó Regéczy – Academic degree: Dr. Habil. in Literature and Cultural Studies, Kandidátus (PhD) Degree in Literature, Associate Professor, Institute of Slavic Studies, University of Debrecen (Hungary, Debrecen);

Laura Rossi – Professor of Russian Literature, University of Milan (Italy, Milan);

Alexandre Stroev – Doctor of Philology, Professor of the Department of Comparative Literary Studies, University Paris-III (New Sorbonne) (France, Paris);

Slobodanka Vladiv-Glover – Adjunct Associate Professor in the School of Languages, Literatures, Cultures and Linguistic, Monash University (Australia, Melbourne);

Zinaida Petrovna Tabakova – Doctor of Philology, Professor; Professor of the Department of Russian Language and Literature, North Kazakhstan University named after Manash Kozybayev (Republic of Kazakhstan, Petropavlovsk);

Maxim Amelin – Russian Poet, Translator, Literary Critic and Publisher, Chief Editor of the United Humanitarian Publishing House;

Alexander Vlaskin – Doctor of Sciences (Philology), Professor (Russia, Magnitogorsk);

Alexander Gladkov – Candidate of Historical Sciences, Senior Scholar of the Department of the Western European Middle Ages and Early Modern times of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow);

Maria Kovshova – Doctor of Sciences (Philology), leading Researcher, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow);

Vladimir Korovin – Doctor of Sciences (Philology), Department of History of Russian Literature, Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow);

Vladimir Kotelnikov – Doctor of Sciences (Philology), General Research Officer of Department of New Russian Literature of Russian Literature Institute (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences, Group Curator of K. N. Leontiev writings Publication Group (Russia, Saint Petersburg);

Natalia Nalegach – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Journalism and Russian Literature of the 20th century, Kemerovo State University;

Olga Lazarescu – Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of the Russian Literature, Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow);

Natalia Patroeva – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of the Russian Language, Petrozavodsk State University (Russia, Petrozavodsk Petrozavodsk);

Andrey Rastyagaev – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Philology and Mass Communications, Moscow City University (Samara Branch) (Russia, Samara);

Svetlana Rakhmankulova – Doctor of Sciences (Philology), Senior researcher at Artificial Intelligence and Cognitive Research Laboratory, Full Professor at the Department of the English Language, Higher School of Translation and Interpreting, Linguistics University of Nizhny Novgorod (Russia, Nizhny Novgorod);

Julija Slozhenikina – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Philology and Mass Communications, Moscow City University (Samara Branch) (Russia, Samara);

Svetlana Pesina – Doctor of Sciences (Philology), Professor, of the Department of Linguistics and Translation, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Olga Kolesnikova – PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Natalia Pozdnyakova – PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of the Russian Language, General Linguistics and Mass Communication, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Aleksandr Soldatchenko – Doctor of Sciences (Pedagogy), Assistant Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);

Oksana Franchuk – PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of the Russian Language, General Linguistics and Mass Communication, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk);
Alexej Petrov – Doctor of Sciences (Philology), Professor (Russia, Magnitogorsk);
Tatiana Zaitseva – Technical Editor, Doctor of Sciences (Philology), Professor of the Department of Linguistics and Literary, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Russia, Magnitogorsk).

Author of the photo on the cover: Nuzhdina E. S., Master's Degree in Philology of NMGU.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ. Материалы Международного круглого стола «Русское слово: взгляд молодых исследователей», посвященного Году русского языка, проведенного 17 мая 2023

(Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины; Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова; Южный федеральный университет; Новосибирский государственный технический университет; Тверской государственный университет)

Аксёничкова-Бирюкова А. А. К ВОПРОСУ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ЯВЛЕНИЙ ДЯНЬГУ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА КИТАЙСКОЙ ПОЭТЕССЫ ЛИ ЦИНЧЖАО) 14

Аксёничков-Бирюков С. Ю. О ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-ОНИМОМ 25

Анисимова О. В., И. В. Гладилина СПРАВЕДЛИВОСТЬ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ. КАРТИНА МИРА: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ 34

Бармина В. С., Лиханова Н. А. КОММУНИКАТИВНЫЕ НЕУДАЧИ В ЖАНРЕ УЛИЧНОГО ОБЪЯВЛЕНИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ 43

Воронич Е. А., Е. В. Ничипорчик УСТОЙЧИВЫЕ СОЧЕТАНИЯ С КОМПОНЕНТОМ *ИМЕТЬ / TO HAVE* В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ 57

Воронцова К. А., Мандруева А. С. ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ «СТУДЕНТ СТУДЕНТА ЛУЧШЕ ПОЙМЁТ»: МАКРО- И МИКРОСТРУКТУРА СЛОВАРЯ И ЦЕЛЕВАЯ АУДИТОРИЯ КАК ИНДИКАТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ *ПРОДУКТА* 72

Глазова М. М. ОЧЕРКОВОЕ ТВОРЧЕСТВО ВАС. ИВ. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА 84

Григорьева О. И. ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ВЫСКАЗЫВАНИЙ С МОДАЛЬНОСТЬЮ ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ

С ФРАНЦУЗСКОГО НА РУССКИЙ И С РУССКОГО
НА ФРАНЦУЗСКИЙ 96

Лопатина В. Е., Пермякова Т. Н. РЕАЛИЗАЦИЯ
ДИСКРЕДИТИРУЮЩИХ ТАКТИК В СОВРЕМЕННЫХ
МЕДИАТЕКСТАХ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 109

Малинкина Е. В. ЖАНРООБРАЗУЮЩИЕ ФАКТОРЫ
ПРОЗАИЧЕСКОЙ МИНИАТЮРЫ: ЭСТЕТИЧЕСКИЙ
И ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ
ПОЗИЦИИ 119

Малявка К. С. РАЗРАБОТКА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО
ПРОЕКТА КАК СРЕДСТВО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ 132

Матюшкина П. А., Гладилина И. В. ПОНЯТИЕ СЧАСТЬЯ
В ИДИОЛЕКТЕ А.П.ЧЕХОВА 143

Мусатова Т. О., Пантелеев А. Ф. КАЛАМБУР
КАК ОСОБЕННОСТЬ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ТЕКСТА
(НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА А. АСТВАЦАТУРОВА) 151

Предеина С. А. МОТИВ ПРЕОДОЛЕНИЯ
РАЗОБЩЕННОСТИ БЫТИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Е. ЛЕТОВА 160

Ромашенко Н. А., Чурляева Т. Н. «ДЕЙСТВИЕ
БЕЗ НАДЕЖДЫ НА УСПЕХ», ИЛИ К ВОЗМОЖНОСТИ
«ОРГАНИЗАЦИИ» ХАОСА (В. С. МАКАНИН «ДОЛОГ НАШ
ПУТЬ») 169

Сажко Д. С., Гладилина И. В. ЛЕКСЕМЫ МУЗЫКИ
В ТВОРЧЕСТВЕ ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА («ГРОМОКИПЯЩИЙ
КУБОК», «АНАНАСЫ В ШАМПАНСКОМ», МЕНЕСТРЕЛЬ»,
«ЗЛАТОЛИРА», «ЛИТАВРЫ СОЛНЦА») 179

Слащева М. Ю. ПРОДУКТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО
ПРОЕКТА «СТУДЕНТ СТУДЕНТА ЛУЧШЕ ПОЙМЁТ»
КАК МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ РЕСУРС: УСПЕХИ И ТРУДНОСТИ
РЕАЛИЗАЦИИ 189

Степаненко И. М., Русанова С. В.
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ

ЗАИМСТВОВАНИЙ ИЗ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА В ГОВОРАХ
СТАРООБРЯДЦЕВ (СЕМЕЙСКИХ) ЗАБАЙКАЛЬЯ 200

Сухоносова Э. А., Дубровская Е. М. УЧЕТ
ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ
ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИГРОВОЙ МЕТОДИКИ В ОБУЧЕНИИ
РУССКОМУ КАК ИНОСТРАННОМУ 210

Чурилина Л. Н., Стрелкова А. И. ПРИНЦИП КАЛАМБУРА
В ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ 221

Чурилина Л. Н., Мурзина В. А. ЭТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ
В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННОЙ РОК-ПОЭЗИИ 231

Якименко А. А., Ничипорчик Е. В. ПОСЛОВИЦЫ
В ЗАГОЛОВКАХ НОВОСТНЫХ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕНИЙ 242

АВТОРАМ 255

CONTENTS

**PART I. Scientific Life. Materials of the International Round Table
"The Russian Word: the Young Researchers' View " dedicated to the
Year of the Russian Language, held on May 17, 2023 (Francisk Skorina
Gomel State University, Nosov Magnitogorsk State Technical
University, Southern Federal University, Novosibirsk State Technical
University, Tver State University)**

Aksionchikova-Biryukova A. A. TO THE QUESTION
OF THE TRANSLATION INTO THE RUSSIAN LANGUAGE
OF PRECEDENT PHENOMENA OF DIANGU (IN THE WORKS
OF THE CHINESE POETESS LI QINGZHAO) 14

Aksyonchikov-Biryukov S. Yu. ABOUT THE INNER FORM
OF RUSSIAN IDIOMS WITH THE PROPER NAME COMPONENT 25

Anisimova O. V., Gladilina I. V. JUSTICE IN THE RUSSIAN
LANGUAGE. PICTURE OF THE WORLD: YESTERDAY AND TODAY 34

Barmina V. S., Likhanova N. A. COMMUNICATION FAILURES
IN THE STREET ANNOUNCEMENT GENRE: A REGIONAL ASPECT

Voronich E. A., Nichiporchik E. V. STEADY COMBINATIONS
WITH A COMPONENT *ИМЕТЬ / TO HAVE* IN THE RUSSIAN
AND ENGLISH LANGUAGES 57

Vorontsova K.A., Mandrueva A. S. THE LEXICOGRAPHIC
PROJECT: «A STUDENT UNDERSTANDS A STUDENT BETTER»:
MACRO- AND MICROSTRUCTURE OF THE DICTIONARY
AND THE TARGET AUDIENCE AS AN INDICATOR
OF THE EFFECTIVENESS OF THE PRODUCT 72

Glazova M. M. AN ESSAY IN THE WORKS
OF VAS. IV. NEMIROVICH-DANCHENKO IN THE CONTEXT
OF THE WORLD LITERARY PROCESS 84

Grigoryeva I. O. THE PECULIARITIES OF TRANSLATION
OF STATEMENTS WITH THE MODALITY OF THE OBLIGATION
FROM FRENCH INTO RUSSIAN AND FROM RUSSIAN INTO FRENCH 96

Lopatina V. E., Permyakova T. N. THE IMPLEMENTATION
OF DISCREDITING TACTICS IN MODERN MEDIA TEXTS:
A LINGUISTIC ASPECT 109

Malinkina E. V. GENRE-FORMING FACTORS OF THE PROSE
MINIATURE: AESTHETIC AND ETHICAL ASPECTS
OF EXPRESSION THE AUTHOR'S POSITION 119

Maliavka K. S. THE DEVELOPMENT OF A LEXICOGRAPHIC PROJECT
AS A MEANS OF PROFESSIONAL ORIENTATION OF STUDENTS 132

<i>Matyushkina P. A.</i> THE CONCEPT OF HAPPINESS IN THE IDIOLECT OF A.P. CHEKHOV	143
<i>Musatova T. O., Panteleev A. F.</i> A PUN AS A FEATURE OF THE POSTMODERN TEXT (AS ILLUSTRATED IN THE WORKS OF A. ASTVATSATUROV)	151
<i>Predeina S. A.</i> THE MOTIF OF OVERCOMING THE DISUNITY OF BEING IN THE WORK OF E. LETOV	160
<i>Romashenko N. A., Churlyayeva T. N.</i> «ACTION WITHOUT HOPE FOR SUCCESS» OR THE POSSIBILITY TO «ORGANIZE» CHAOS (V. MAKANIN «OUR WAY IS LONG»)	169
<i>Sazhko D. S., Gladilina I. V.</i> MUSIC LEXEMES IN IGOR SEVERYANIN'S WORKS («THE THUNDERING CUP», «PINEAPPLES IN CHAMPAGNE», «MINSTREL», «GOLDEN LYRE», «TIMPANI OF THE SUN»)	179
<i>Slashcheva M. Y.</i> THE PRODUCT OF THE LEXICOGRAPHIC PROJECT "THE STUDENT WILL UNDERSTAND THE STUDENT BETTER" AS A MULTIMEDIA RESOURCE: ACHIEVEMENTS AND DIFFICULTIES OF IMPLEMENTATION	189
<i>Stepanenko I. M., Rusanova S. V.</i> WORD-FORMATION ACTIVITY OF THE BORROWINGS FROM THE BURYAT LANGUAGE IN THE DIALECTS OF OLD BELIEVERS (SEMEISKIE) OF TRANSBAIKALIA	200
<i>Sukhonosova E. A., Dubrovskaya E. M.</i> TAKING INTO ACCOUNT LINGUISTIC AND CULTURAL PECULIARITIES WHEN USING GAME TECHNIQUES IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE	210
<i>Churilina L. N., Strelkova A. I.</i> THE PRINCIPLE OF PUN IN THE ORGANIZATION OF THE TEXT: TRADITIONS AND INNOVATIONS	221
<i>Churilina L. N., Murzina V. A.</i> ETHICAL CONCEPTS IN THE TEXTS OF MODERN ROCK POETRY	231
<i>Yakimenko A. A., Nichiporchik E. V.</i> PROVERBS IN THE HEADLINES OF INTERNET NEWS REPORTS	242
TO AUTHORS	255

РАЗДЕЛ I. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ. Материалы Международного круглого стола «Русское слово: взгляд молодых исследователей», посвященного Году русского языка, проведенного 17 мая 2023 (Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины; Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова; Южный федеральный университет; Новосибирский государственный технический университет; Тверской государственный университет)

ББК 81.411.2-8:83.3(5Кит)-8Ли Цинчжао
УДК 811.161.1'25'373:821.581-1*Ли Цинчжао

А. А. Аксёничкова-Бирюкова¹
ORCID 0000-0002-5053-3417
Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины
246019, Беларусь, г. Гомель, ул. Советская, д.108
angelaleks99@mail.ru

**К ВОПРОСУ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК
ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ЯВЛЕНИЙ ДЯНЬГУ
(НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА КИТАЙСКОЙ ПОЭТЕССЫ
ЛИ ЦИНЧЖАО)**

Цель данного исследования заключается в выявлении и описании прецедентных явлений *дяньгу* в поэтических текстах Ли Цинчжао и рассмотрении версий их перевода на русский язык. Объектом изучения являются стихотворения Ли Цинчжао, в которых присутствуют прецедентные явления *дяньгу*, и их русскоязычные переводы. Предметом исследования являются особенности функционирования прецедентных явлений *дяньгу* в произведениях Ли Цинчжао и специфика их переводов на русский язык. Актуальность работы состоит в необходимости изучения в китайской классической женской поэзии прецедентных явлений *дяньгу*, которые передают эмоциональное состояние автора. В данном исследовании использованы следующие методы: общенаучный описательный,

---

¹ Аксёничкова-Бирюкова Ангелина Александровна, ассистент кафедры русского, общего и славянского языкознания, Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, г. Гомель, Беларусь.

семантико-смысловый анализ, сравнительно-сопоставительный анализ, метод сплошной выборки и контекстологический метод исследования.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые осуществлена попытка исследования прецедентных явлений *дяньгу* в поэтических произведениях Ли Цинчжао, а также анализ специфики их переводов на русский язык. В ходе исследования выявлены *дяньгу*, которые имплицитно выражают эмоциональное состояние поэтессы. Определены варианты перевода данных выражений на русский язык поэтами-переводчиками А. Алексеевой и М. И. Басмановым. Установлены классические источники, реализующие определенные смыслы данных понятий.

Практическая значимость данного исследования состоит в том, что его основные результаты можно использовать при преподавании курса «Китайская литература» для студентов специальности «Русский язык и литература. Иностранный язык (китайский)», а также при проведении спецкурсов по когнитивной и гендерной лингвистике.

Ключевые слова: Ли Цинчжао, китайский язык, русский язык, дяньгу, эмоции, специфика перевода, китайская классическая поэзия

Китайская литература, по словам филолога-китаиста, переводчика академика В. М. Алексеева, является мировой по значению, так как она оказала огромное влияние на культуру, язык и литературу таких стран, как Япония и Корея. Она «в отличие от многих мировых литератур никогда не уничтожалась, ни на один исторический момент не прекращалась, а наоборот, все время развивалась» [5, 41].

Изучение и перевод китайской классической поэзии *шигэ* 诗歌 дает возможность читателям лучше понять культуру, обычаи и менталитет китайского народа. По мнению В. М. Алексеева, это возможно «для читателя некитайца только при помощи подлинно художественного и в то же время научного перевода» [1]. Китайский ученый Сюй Юаньчунь, предложил правило трех критериев – «трех красот», говоря о красоте смысла стихотворения, красоте звука и красоте формы. В книге «文学与翻译» «Литература и перевод» он писал:

«译诗要像原诗一样能感动读者的心, 这是意美; 像原诗一样有悦耳的韵律, 这是音美; 还要尽可能保持原诗的形式, 这是形美». – *Перевод должен согреть душу того, кто читает оригинал, постигая красоту смысла; в переводе необходимо сохранить*

А. А. Аксёникова-Бирюкова

музыкальность оригинала и особенность его структуры – красота в звуке и в форме [18].

Трудность перевода китайской классической поэзии заключается в особенностях китайской письменности, так как иероглиф может иметь разные значения и относиться к разным частям речи. Переводчик И. С. Лисевич подчеркивал, что сложность художественного перевода связана с тем, что иероглиф может обладать несколькими значениями [11]. Переводчик-китаист Л. Н. Меньшиков отмечал яркую образность китайской классической поэзии, требующую обширных знаний в области истории и культуры китайского народа и создающую трудности при переводе [16]. С. А. Горощев обращал внимание на то, что при переводе поэтических произведений с китайского языка на русский теряется их смысловая насыщенность, что обусловлено огромными различиями лингвокультурологии двух языков [14]. При переводе стихотворений могут изменяться структура оригинала или пропускаться некоторые национальные культурные реалии. При этом переводчик, работая с текстами древней китайской поэзии, должен обратиться к лингвокультурологическим особенностям древнего Китая, вникнуть в особенности менталитета китайцев и ознакомиться со спецификой мировоззрения, биографии китайского поэта, стихотворения которого он переводит на русский язык [17]. По мнению В. М. Алексева, переводчику необходимо «передать читателю истинную полноту поэтического чувства автора, его подлинную мысль» [7].

В китайской филологии существует термин *дяньгу* 典故, которым принято называть прецедентные явления, имеющие отношение к текстам китайской классической литературы [2]. По утверждению И. С. Смирнова, в китайской поэзии часто встречаются «реминисценции, аллюзии, цитаты из классических памятников, географические названия, отсылки к деталям биографии, названия стихотворений» [13]. Прецедентные явления *дяньгу* применяются в стихотворениях для создания определенного смысла, передачи эмоционального состояния поэта; и это необходимо сохранять при переводе произведений с китайского языка на русский.

Изучением *дяньгу* занимались как российские, так и китайские ученые. Н. Н. Воропаев исследовал и классифицировал китайские фразеологизмы, образованные на основе прецедентных феноменов [4]. В. П. Былевский анализировал функции *дяньгу*, используемых в текстах СМИ КНР [3]. Чжао Паньпань исследовал прецедентные явления в поэзии Ли Бо [17]. А. А. Демидовец рассматривала прецедентные феномены, зафиксированные в современной китайской

поэзии [6]. В то же время особенности функционирования *дяньгу* в поэтических произведениях классической китайской поэзии исследованы недостаточно полно.

Величайшей поэтессой Китая является Ли Цинчжао (1084–1151). Для её произведений характерна насыщенность яркими образами, метафорами и аллюзиями. В своем творчестве Ли Цинчжао зачастую обращалась к произведениям поэтов-предшественников. Цель данного исследования заключается в выявлении и описании прецедентных явлений *дяньгу* в поэтических текстах Ли Цинчжао и рассмотрении версий их перевода на русский язык. Объектом изучения являются стихотворения Ли Цинчжао, в которых присутствуют прецедентные явления *дяньгу*, и их русскоязычные переводы.

Материалом исследования послужили оригиналы стихотворения Ли Цинчжао, в которых зафиксированы прецедентные явления [10] и поэтические переводы, выполненные А. Алексеевой [15] и М. И. Басмановым [8]. В исследовании применен общенаучный описательный метод, семантико-смысловый анализ, сравнительно-сопоставительный анализ, метод сплошной выборки и контекстологический метод исследования.

Рассмотрим отрывок из стихотворения «薄雾浓云愁永昼» «Прозрачной дымкой, тучею кудлатой уходит долгий, непогожий день...» на мелодию «醉花阴» «Любуясь цветами при луне», которое было написано Ли Цинчжао после того, как её муж надолго уехал по служебным делам: 莫道不销魂，帘卷西风，人比黄花瘦。 – *Не говорю, что не теряю душу, западный ветер скручивает занавеску, человек, как истощенный желтый цветок.*

Дяньгу 销魂 – *терять душу* в значении ‘высшая степень тоски и горя’ [11] является аллюзией на строки «别赋» «Прощального фу» Цзян Яня (444–505), писателя периода Южных династий (420–589). В «Прощальном фу» он писал о некоторых особенностях расставаний и страданиях в разлуке. Писатель сделал вывод, что *единственное, от чего теряю душу, – это прощание. Либо весной начинает расти мох, либо вдруг начинает дуть осенний ветер, сердце разрывается и глубоко печалюсь.* – 黯然销魂者，唯别而已矣。是以行子肠断，百感悽恻。

Ли Цинчжао, используя выражение 销魂 *терять душу*, указывает причину тоски и горя – разлука с любимым человеком.

В переводе М. И. Басманова, выражение 销魂 – это *страдание*. Согласно «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова,

А. А. Аксёникова-Бирюкова

страдание – ‘физическая или нравственная боль, мучение’ [9]. Величину этих ощущений, по мнению поэта, невозможно измерить: *Какой измерить мерою страданье! / А ветер западный / Рвет и торы полотно... / Ты желтой хризантемы увяданье / Увидеть мог бы, заглянув в окно («Прозрачной дымкой, тучею кудлатой уходит долгий, непогожий день...») – М. И. Басманов).*

В переводе А. Алексеевой 销魂 – это *тоска сердца*. Понятия *душа* и *сердце* в русской культуре во многом тождественны. Сердце представляет собой часть человеческой души, средоточие всех чувств и настроений человека. Тоска, в соответствии с «Толковым словарем русского языка» С. И. Ожегова, – ‘душевная тревога, уныние’ [9]. Причина данного чувства, по мнению переводчицы, – западный ветер, ворвавшийся в сад: *Нельзя и сказать, / как сердце тоскует о том, / Что западный ветер вторгается в сад, / Цветы хризантем увянут, боюсь, за окном («Туман, облака, долгий пасмурный день...») – А. Алексеева).*

Следует отметить, что в стихотворении «薄雾浓云愁永昼» «Прозрачной дымкой, тучею кудлатой уходит долгий, непогожий день...» Ли Цинчжао применяет *дяньгу* 西风 *западный ветер*.

Западный ветер в китайской культуре олицетворяет холод, хаос и запустение. В «Истории династии Поздняя Хань» «后汉书» сказано: 自冬涉春，讫无嘉泽，数有西风，反逆时节 – *При переходе от зимы к весне не было своевременного дождя, но многократно был западный ветер, что не соответствует смене времен года.*

В стихотворении «忆秦娥·箫声咽» «Воспоминание о Циньэ. Флейта задыхается от горя» Ли Бо, говоря о событиях прошлого, передавал боль одиночества, а также глубокую печаль в связи с тем, что его страна потеряла былое величие: 箫声咽，秦娥梦断秦楼月。秦楼月，年年柳色，灞陵伤别。 / 音尘绝，西风残照，汉家陵阙 – *Задыхается от горя звук флейты, Звуков голосов и клубов пыли уже нет, / Западный ветер... заря вечерняя, и могилы и дворцы ханской династии.* Западный ветер в данном случае символизирует смерть и разрушение.

В «Чанганьских мотивах» «长干行» Ли Бо писал: 八月西风起，想君发 扬子。去来悲如何，见少离别多 – *В августе дует западный ветер, я хочу в Чанъань. Как сильно я тоскую в разлуке.* Поэт использовал прецедентное выражение *западный ветер*, чтобы выразить печальные чувства, которые связаны с воспоминаниями о друзьях и о родном городе, который он был вынужден покинуть.

В стихотворении Ли Цинчжао «薄雾浓云愁永昼» «Прозрачной дымкой, тучею кудлатой уходит долгий, непогожий день...» западный ветер, подняв занавеску, открыл взору поэтессы желтые увядающие цветы хризантем, которые она сравнила с человеком. Хризантемы – символ благородного, стойкого, независимого человека. Используя дянгу *西风 западный ветер*, Ли Цинчжао усилила ощущение печали, говоря, что человек не всегда сохраняет спокойствие, тоскуя в одиночестве.

М. И. Басманов в переводе стихотворения сделал акцент на силе ветра – *западный ветер рвет шторы полотна*, открывая взору увядающие цветы. При этом автор отметил одиночество героини, говоря, что нет того, кто бы мог увидеть желтые хризантемы.

В переводе А. Алексеевой выражение *западный ветер* приобретает новую коннотацию – страх, опасение. Героиня опасается за судьбу хризантем, растущих в саду: *западный ветер вторгается в сад, / Цветы хризантем увянут, боюсь, за окном*. Подчеркивается враждебность ветра. Согласно «Толковому словарю русского языка», *вторгнуться* – ‘войти силой’ [9].

Интерес представляет отрывок из стихотворения Ли Цинчжао «元宵» («落日熔金...») «Праздник фонарей» («Солнце на закате плавится золотом...») на мелодию: «永遇乐» «Долгая радость встречи». В нем поэтесса обращается к прецедентному выражению «梅花三弄» «Песня о цветах сливы в трех куплетах»: *染柳烟浓, 吹梅笛怨, 春意知几许*. – *Ропщет флейта, играет «Падение цветов сливы», предчувствую любовную тоску*.

Песня «梅花三弄» «Песня о цветах сливы в трех куплетах», известная также под названиями «Цветение сливы», или «Падение цветков сливы», – это название одного из самых знаменитых древних китайских музыкальных произведений для флейты. Цветы сливы обладают такими качествами, как морозостойкость, чистота, аромат. Они характеризуют людей с возвышенными нравами. Основная мелодия песни повторяется три раза и описывает мужество цветков сливы, которые распускаются на морозе и противостоят ветру. Большая часть музыки при этом выражает эмоции обиды и печали.

Впервые выражение *梅花三弄* «песня о цветах сливы в трех куплетах» [12] упоминалось в «晋书·列传五十一» «Истории династии Цзинь. Биографии знаменитых людей том 51» и в сочинении Лю Ицина (404–444) «世说新语» «Новое изложение рассказов в свете ходящих». В них говорилось о том, что Хуань И, генерал династии

А. А. Аксёникова-Бирюкова

Восточная Цзинь, сыграл «Песня о цветах сливы в трех куплетах» о цветках сливы для вольнодумца Ван Хуэйчжи.

В стихотворении Ли Бо (701–762) «黄鹤楼闻笛» «Башня Желтого журавля» сказано: 黄鹤楼中吹玉笛, 江城五月落梅花。 – *Играют на нефритовой флейте в Башне Желтого журавля, цветы сливы падают в Цзянчэне в мае.* Поэт рассказал о том, как в мае отправился в изгнание и обернулся, чтобы посмотреть на родной город. При этом он услышал прекрасные звуки мелодии «Падение цветов сливы» и словно наяву увидел парящие в воздухе лепестки сливы, которая цветет холодной зимой. Ли Бо употребил в стихотворении выражение 梅花 – *падение цветов сливы*, чтобы выразить скорбь в связи с отъездом из столицы, ностальгию по прошлому, а также холод, царящий в его душе.

Поэт Гао Ши (700–765) в стихотворении «塞上听吹笛» «Слушая флейту на границе» размышлял: 借问梅花何处落? 风吹一夜满关山。 – *Могу я спросить, куда падают цветы сливы? Ночью ветер дует над горами Гуаньшань.* Поэт рассказывал о солдатах в заснеженной крепости, которые слушали мелодию «Падение цветов сливы» и вспоминали великолепные весенние пейзажи в родной стороне. В величественных строках выражалось чувство тоски по родному дому и в то же время спокойствие.

Название мелодии «Падение цветков сливы» стало символом печали и тоски. В стихотворении Ли Цинчжао «元宵» («落日熔金...») «Праздник фонарей» («Солнце на закате плавится золотом...») флейта ропщет, играя мелодию «Падение цветов сливы». Согласно «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова, *роптать* – ‘выражать недовольство, обиду, сетовать’ [9]. Выражение *吹梅笛* *песня о цветах сливы* позволило поэтессе выразить чувства, которые пробудила в ней мелодия флейты – ностальгию по прошлому, любовную тоску и обиду в связи с разлукой с мужем и одиночеством.

В переводе А. Алексеевой сохранены образы флейты и сливы, однако нет указания на название мелодии «Падение цветов сливы», в связи с чем чувства поэтессы переданы не в полной мере: Печалится флейта о сливе одна, – / Все тайны весны не познаешь сполна (А. Алексеева «Расплавленным золотом льется закат...»). Переводчица акцентирует внимание на одиночестве флейты, которая печалится о сливе мэй.

М. И. Басманов использует в тексте образы сливы и флейты, при этом название мелодии «Падение цветков сливы» утрачено. В то же время поэт указывает причину грусти флейты – увядание

сливы: *Дымятся ветки опушенной ивы, / И звуки флейты грустные слышны, Поет она про увяданье сливы – / О, таинства извечные весны!* (М. И. Басманов «Расплавленное золото заката...»). Согласно «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова, *увядать* – ‘блекнуть, отцветать, сохнуть’ [9]. Увядающие цветы – символ старости. В данном случае использование слова *увядание* наряду со словом *таинство* в значении ‘бракосочетание’ позволяет передать ностальгию стареющей женщины и чувство любовной тоски.

В ходе исследования выявлено, что стихотворения Ли Цинчжао содержат большое количество прецедентных феноменов *дяньгу*, в числе которых можно выделить *销魂 терять душу, 西风 западный ветер, «梅花三弄» «Песня о цветах сливы в трех куплетах»*. Использование прецедентных явлений дало возможность поэтессе завуалированно передавать сложнейшие эмоциональные состояния – любовную тоску, обиду, ностальгию, печаль, а также обстоятельства, ставшие их причиной – разлука с любимым человеком.

Переводчики А. Алексеева и М. И. Басманов большое внимание уделили пониманию образов китайской классической поэзии, используя дословный перевод *дяньгу – 西风 западный ветер* или удачную замену: *销魂 терять душу* – тоска сердца. Однако можно отметить, что в некоторых случаях при переводе описание прецедентов упрощается, что негативно влияет на смысловую насыщенность произведений.

Список источников

1. Алексеев В. М. Китайская литература. Избранные труды. Москва: Наука. 595 с.
2. Большой китайско-русский словарь / В. С. Кузес [и др.]; под общ. ред. И. М. Ошанина. Т. 1–4. Москва: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1983–1984.
3. Былевский В. П. Прецедентные феномены (дяньгу) в дискурсе СМИ КНР: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. Москва, 2016. 275 с.
4. Воропаев Н. Н. Прецедентные имена в китайскоязычном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02. Москва, 2012. 315 с.
5. Встречи и расставанья. Лирика китайских поэтесс в переводах М. И. Басманова., Москва: Художественная литература, 1993. 352 с.
6. Демидовец А. А. Прецедентные феномены в современной китайской поэзии // Система знаний: структурные преобразования и перспективные направления развития научной

А. А. Аксёникова-Бирюкова

мысли. Сборник научных трудов. Казань: ООО «СитИвент», 2022. С. 75–79.

7. Китайская классическая проза / В переводе акад. В. М. Алексеева. Москва: Изд-во АН СССР, 1958. 388 с.

8. Ли Цинчжао. Строфы из граненой яшмы. Переводы с китайского Михаила Басманова. Москва: Художественная литература, 1974. 104 с.

9. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. Москва: ИТИ Технологии, 2003. 944 с.

10. Печали и радости. Двенадцать поэтов эпохи Сун: Пер. с кит. Сост. Е. А. Серебряков и Г. Б. Ярославцев. Москва: Летопись-М, 2000. 494 с.

11. Семанов В. И. Китайская пейзажная лирика III–XIV веков. Москва: Изд-во Московск. ун-та, 1984. 320 с.

12. Словарь дяньгу [Электронный ресурс]. URL: <https://sou-yun.cn/AllusionsIndex.aspx?page=9>. (дата обращения: 25.01.2023).

13. Смирнов И. С. Китайцы ценят в литературе «пресность» [Электронный ресурс]. URL: <https://pay.diary.ru/~yuelu/p127166753.htm?oam>. (дата обращения: 15.04.2023).

14. Торопцев С. А. Интервью. [Электронный ресурс]. URL: <http://politics.ntu.edu.tw/RAEC/comm2/InterviewRFESAT.pd>. (дата обращения: 15.03.2023).

15. Цинчжао Л. Яшмой звенящие цы. В переводах Алёны Алексеевой. «Издательские решения», 2019. 37 с.

16. Чистый поток: Поэзия эпохи Тан (VII–X вв.) / в пер. Л. Н. Меньшикова. Санкт-Петербург: «Петербургское Востоковедение», 2001. 315 с.

17. Чжао Паньпань. Смысловая репрезентация поэзии Ли Бо в русскоязычных переводах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Чжао Паньпань. Уфа, 2020. 181 л.

18. 许渊冲. 文学与翻译. 北京: 北京大学出版社, 2003 年. 84 页. / Сюй Юаньчунь. Литература и перевод / Сюй Юаньчунь. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2003. 84 с.

REFERENCES

1. Alekseev V. M. Kitajskaya literatura. Izbrannye Trudy. Moscow, 1978. 595 p. (In Russ.).

2. Bol'shoj kitajsko-russkij slovar' / V. S. Kuzes [i dr.]; pod obshch. red. I. M. Oshanina. T. 1–4. M., 1983–1984. (In Russ.).

3. Bylevskij V. P. Precedentnye fenomeny (dyan'gu) v diskurse SMI KNR: dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.10 / V. P. Bylevskij. Moscow, 2016. 275 p. (In Russ.).

4. Voropaev N. N. Precedentnye imena v kitajskoyazychnom diskurse: dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.02. Moscow, 2012. 315 p. (In Russ.).
5. Vstrechi i rasstavan'ya. Lirika kitajskih poetess v perevodah M. I. Basmanova., Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1993. 352 p. (In Russ.).
6. Demidovec A. A. Precedentnye fenomeny v sovremennoj kitajskoj poezii // Sistema znaniy: strukturnye preobrazovaniya i perspektivnye napravleniya razvitiya nauchnoj mysli. Sbornik nauchnyh trudov. Kazan': OOO «SitIvent», 2022. P. 75–79. (In Russ.).
7. Kitajskaya klassicheskaya proza / V perevode akad. V. M. Alekseeva. Moscow, 1958. 571 p. (In Russ.).
8. Li Cinchzhao. Strofy iz granenoy yashmy. Perevody s kitajskogo Mihaila Basmanova. Moscow: Izdatel'stvo «Hudozhestvennaya literatura», 1974. 104 p. (In Russ.).
9. Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. 4-e izd. Moscow: ITI Tekhnologii, 2003. 944 p. (In Russ.).
10. Pechali i radosti. Dvenadcat' poetov epohi Sun: Per. s kit. Sost. E. A. Serebryakov i G. B. YAroslavcev. Moscow: OOO Izdatel'skij dom Letopis'- M, 2000. 496 p. (In Russ.).
11. Semanov V. I. Kitajskaya pejzazhnaya lirika III - XIV vekov. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1984. 320 p. (In Russ.).
12. Slovar' dyan'gu [Elektronnyj resurs]. URL: <https://souyun.cn/AllusionsIndex.aspx?page=9>. (accessed 25.01.2023). (In Russ.).
13. Smirnov I. S. Kitajcy cenyat v literature «presnost'» [Elektronnyj resurs]. URL: <https://pay.diary.ru/~yuelu/p127166753.htm?oam>. (accessed 15.04.2023). (In Russ.).
14. Toropcev S. A. Interv'yu. – [Elektronnyj resurs]. URL: <http://politics.ntu.edu.tw/RAEC/comm2/InterviewRFESAT.pd>. (accessed 15.03.2023). (In Russ.).
15. Toropcev S. A. Interv'yu. – [Elektronnyj resurs]. URL: <http://politics.ntu.edu.tw/RAEC/comm2/InterviewRFESAT.pd>. (accessed 15.03.2023). (In Russ.).
16. CHistyj potok: Poeziya epohi Tan (VII–X vv.) / v per. L. N. Men'shikova. SPb.: «Peterburgskoe Vostokovedenie», 2001. 315 p. (In Russ.).
17. CHzhao Pan'pan' Smyslovaya reprezentaciya poezii Li Bo v russkoyazychnykh perevodah: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.20 / CHzhao Pan'pan'. Ufa, 2020. 181 p. (In Russ.).
18. 许渊冲. 文学与翻译. 北京: 北京大学出版社, 2003 年. 84 页. / Syuj YUan'chun'. Literatura i perevod / Syuj YUan'chun'. Pekin: Izdatel'stvo Pekinskogo universiteta, 2003. 84 p. (In Russ.).

**TO THE QUESTION OF THE TRANSLATION INTO
THE RUSSIAN LANGUAGE OF PRECEDENT PHENOMENA
OF DIANGU (IN THE WORKS
OF THE CHINESE POETESS LI QINGZHAO)**

Aksionchikova-Biryukova Anhelina Aleksandrovna

Assistant, Francisk Skorina Gomel State University (Gomel, Belarus)

Abstract

The purpose of this study is to identify and describe the precedent phenomena of diangu in the poetic texts of Li Qingzhao and consider the versions of their translation into Russian. The object of study is the poems of Li Qingzhao with precedent phenomena of diangu, and their translations into Russian. The subject of the research is the peculiarities of the functioning of diangu precedents in the texts of Li Qingzhao and the specificity of their translations into Russian. The work is important because it is necessary to study the precedent phenomena of diangu in Chinese classical women's poetry, which convey the emotional state of the author. The following methods were used in the study: general scientific descriptive, semantic and meaning analysis, comparative analysis, continuous sampling method and contextual research method.

The scientific novelty of the work lies in the fact that for the first time an attempt was made to study the precedent phenomena of diangu in the poetic works of Li Qingzhao, also the specifics of their translations into Russian was analysed. The study revealed diangu, which implicitly express the emotional state of the poetess. The variants of translation of these expressions into Russian by poets-translators A. Alekseeva and M. I. Basmanov are determined. Classical sources realizing certain meanings of these concepts are established.

The practical significance of this study lies in the fact that its main results can be used in teaching the course «Chinese Literature» for students of the specialty «Russian Language and Literature. Foreign Language (Chinese)», as well as when conducting special courses in cognitive and gender linguistics.

Keywords: Li Qingzhao, Chinese language, Russian language, diangu, emotions, specifics of translation, Chinese classical poetry

Для цитирования: Аксёничкова-Бирюкова А. А. К вопросу перевода на русский язык прецедентных явлений *дяньгу* (на примере творчества китайской поэтессы Ли Цинчжао) // Libri Magistri. 2023. № 3 (25). С. 14–24.

Поступила в редакцию 23.07.2023

ББК 81.411.2-36

УДК 811.161.1'42'373.4:398.92(=161.1)

С. Ю. Аксёничков-Бирюков²

ORCID: 0009-0004-5443-8590

Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины

246019, Республика Беларусь, г. Гомель, ул. Советская, 104

arhares33@gmail.com

О ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-ОНИМОМ

В статье анализируются русские устойчивые выражения с точки зрения органической связи семантики их компонентного состава с духовной культурой русского народа. Материалом исследования служат фразеологические единицы русского языка с компонентом именем собственным, имеющие затемнённую внутреннюю форму. Предметом исследования выступает взаимосвязь духовной культуры и фразеологизмов. Цель работы – проанализировать особенности процесса затемнения внутренней формы некоторых устойчивых выражений русского языка, одним из компонентов которых является имя собственное.

Внутренняя форма является исходным мотивирующим образом, семантически организует процесс образования фразеологизмов и содержит коннотации, указывающие на сведения о культуре и истории народа.

Во фразеологическом фонде русского языка имеются немотивированные фразеологизмы, в которых не прослеживается связь между их компонентами и исходным образом, послужившим основой формирования их семантики. Такие немотивированные, или «затемнённые» устойчивые выражения имеют множественные и малоубедительные версии происхождения, указанные в разных источниках. Фразеологизмы с затемнённой внутренней формой как носители уникальной этнокультурной информации представляют особый научный интерес, что определяет актуальность исследования.

Выступая в качестве эквивалента отдельных слов, фразеологизмы по своим изобразительным свойствам богаче

---

² Аксёничков-Бирюков Святослав Юрьевич, аспирант кафедры русского, общего и славянского языкознания, Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, г. Гомель, Беларусь.

отдельных слов, так как они, как правило, обладают экспрессивностью и содержат оценку внешнего вида или внутренних качеств человека.

Одним из основных аспектов исследования «затемнённых» устойчивых выражений является рассмотрение их функционирования в различных художественных и публицистических текстах. Помимо рассмотрения этимологических данных фразеологических единиц в работе приводятся примеры их использования в различных литературных источниках, что предполагает более детальное рассмотрение связи культурной и языковой составляющей устойчивых выражений.

Ключевые слова: фразеологизм, устойчивое выражение, оним, внутренняя форма, мотивированность, семантика, оценка

Фразеологизм – языковая единица, интерес к которой не ослабевает на протяжении уже очень долгого времени. В отличие от лексики, фразеология любого языка в наименьшей степени подвержена языковым изменениям, благодаря чему сохраняет архаичные формы и устаревшие слова. Во фразеологии русского языка, как и в других языках, отражены реалии народной материальной и духовной культуры.

В современной науке выделяются следующие отличительные черты фразеологической единицы: её состав (фразеологизм состоит более чем из одного слова), воспроизводимость (возможность неоднократного повторения в готовом виде), устойчивость (фразеологизм – раздельнооформленная единица языка).

Первую базу для семантической классификации создал профессор Б. А. Ларин, куда включены следующие направления:

1. Переменные словосочетания – переходные от свободных к устойчивым сочетаниям слов.

2. Метафорические словосочетания, обладающие стереотипностью и характеризующиеся метафорическим переосмыслением и отходом от первоначального значения.

3. Идиомы – устойчивые выражения с ослабленной семантической членораздельностью, необходимой для метафорического переосмысления [5, 222–223].

В дальнейшем академик В. В. Виноградов углубил идеи об идиоматичности фразеологических единиц и разграничил все устойчивые выражения на следующие типы:

1. Фразеологические сращения (неделимые, неразложимые устойчивые сочетания), значения которых не связаны со значениями компонентов и не выводятся из них [2, 145].

2. Фразеологические единства – устойчивые сочетания слов, обладающие мотивированностью компонентов, семантическое значение которых не равно значению их компонентов [2, 151–152].

3. Фразеологические сочетания – устойчивые образные словосочетания, где понимание отдельных слов обязательно для понимания целого фразеологизма [2, 159].

В особую группы устойчивых словосочетаний можно выделить фразеологизмы, имеющие в своём составе онимы. Специфика фразеологических единиц, одним из компонентов которых является имя собственное, заключается в отражении особенностей национальной культуры, истории, традиций и обычаев народа. Ономастические компоненты в составе фразеологизмов называют предметы либо лица, актуальные для данного языкового сообщества.

Материалом работы служат фразеологические единицы, одним из компонентов которых являются антропонимы, тесно связанные с русской народной культурой. К антропонимам относят личные имена в своей полной и краткой формах, уменьшительно-ласкательной и увеличительно-уничижительной формах, а также отчества, фамилии, патронимы и т. д. [6, 96]. Одной из особенностей антропонимов является их статусно-ролевой характер, благодаря чему можно судить о том, какой характеристикой в данной культуре обладает тот или иной носитель имени или фамилии.

Целью работы является не только выявление внутренней формы фразеологизмов русского языка посредством обращения к данным этимологии, но и анализ их функционирования в широком культурно-историческом контексте, благодаря чему становится возможным выявить первоначальную образную основу фразеологических единиц.

Рассмотрим фразеологизм *валять ваньку*, имеющий множество значений, таких как ‘поступать не так, как следует’, ‘шутить, дурачиться, притворяться глупым’ ‘обманывать кого-л., хитрить’, ‘оттягивать, тянуть время’, ‘праздно проводить время, бездельничать’ [1, 71].

Иван – русское личное имя древнееврейского происхождения, которое имеет уникальные производные варианты в русском языка: *Ваня, Ванька, Ванюша, Ванечка* и др. *Ванька*, народный вариант имени *Иван*, как компонент данного фразеологизма, пишется с маленькой буквы, что связано с компонентной деонимизацией – переходом данного имени собственного в разряд имен нарицательных [10, 180].

Выражение *валять ваньку* – производное от *валять дурака*, на что указывает сопоставление указанных двух выражений. Оба выражения схожи семантикой, и именно это сходство позволяет

выявить источник происхождения выражения *валять ваньку*: одним из значений слова *дурак*, как приводится в словаре В. И. Даля, является ‘шут, промышляющий дурью, шутовством’ [3, 558].

Оним *Ванька* в составе фразеологизма – производная от имени Иван уничижительная форма обращения, при анализе которой выявляются такие семантические признаки, как «отсутствие ума» и «глупое поведение» [14, 114]. Образ фразеологизма связывают с древнейшей обрядовой деятельностью – ряжением. Слово *валять* в данном устойчивом выражении, вероятно, ранее означало перекатывание ряженого шута во время народных гуляний и праздников [12, 343–345]. Для русской культуры характерно широкое использование именных фразеологизмов *Ванька-дурак*, *Иванушка-дурачок*, что, как правило, связано с высоким уровнем предельности данного имени [15, 66].

Не менее важно отметить, что антропоним *Иван* может быть найден во многих русских волшебных сказках, где имеется множество его вариантов: *Иван*, *Иван-царевич*, *Иван – кухаркин сын*, *Иван Быкович*, *Ванюша*, *Иван нянькин*, *Иван Кобыльников*, *Иван – Солнцец сын*, *Иван – Месяцев сын* и др. Ценность народных сказок заключается, на наш взгляд, в том, что они являются зеркалом национальной культуры и особенностей речевого поведения. Сказка воспринимается, как «символическое выражение глубочайшей мудрости. Некогда, во времена глубокой древности, эта мудрость, казалось, была явной и открытой» [11, 117].

Анализ контекста употребления фразеологизма показывает, что в настоящее время фразеологизм имеет широкое значение и часто используется в значении ‘притворяться глупым, непонимающим’: «И, хотя слова подбирались довольно деликатные, стало ясно: меня хотят сделать осведомителем. Я понял, что должен сосредоточить все усилия, чтобы не «влипнуть». И стал «валять Ваньку»: «Конечно, у нас даже в уставе Суворовского училища было записано, что мы должны удерживать товарищей от дурных поступков, быть примером и т. д.» [9].

Сложную внутреннюю форму имеет также фразеологизм *кондрашка хватил*, означающий ‘кто-л. скоропостижно умер, скончался’ [7, 306]. В народной речи существует множество схожих форм этого выражения: *Кондратий хватил*, *Кондратий стукнул*, *Кондратий Иванович хватил*, что, вероятно, указывает на то, что *кондрашка* – производное от имени *Кондратий*. Словарь Русских народных говоров содержит указание на то, что в Нижегородских говорах имеется выражение *кондрашка обшиб*, где *кондрашка* означает ‘обморок’ [13, 248]. Более полно

внутренняя форма раскрывается с учётом данных Толкового словаря русского языка Д. Н. Ушакова, где *кондрашка* означает 'апокалептический удар; внезапная смерть'.

Примечательно использование слова *кондрашка* в русской литературе. Так, например, в Литературных воспоминаниях Н. К. Чуковского (1959–1965), приводится стих Олейникова «Блоха мадам Петрова», где *кондрашка* выступает синонимом чего-то тёмного, отталкивающего, неясного:

Но прославленный милашка
Оказался просто хам,
И в душе его кондрашка,
А в головке тарарам [8].

Рассмотрим внутреннюю форму устойчивого словосочетания *филькина грамота*, которое используется для обозначения записки, не имеющей силы документа. При обращении к данным этимологии выясняется, что *филька* – одна из производных форм имени *Филипп*. В одной из работ В. В. Виноградова приводятся данные о связи производного имени *Филька* и слова *простофиля*, означающего глупого, несообразительного человека. Вероятно, в результате сближения семантики двух слов уничижительное имя *филька* обобщается и теряет свойства имени собственного, так как используется для выражения негативной оценки человека. Тот факт, что уничижительное имя *Филя* выступает в качестве синонима неудачника и простака, зафиксирован в русских пословицах и поговорках, ср. устойчивое выражение *филя тобольский*, имеющее определение 'о несообразительном, рассеянном человеке' [7, 701].

Часто имя *Филипп*, превращенное затем в просторечного *Филю*, *Фильку*, *Филюху*, помещики давали своим слугам. В качестве иллюстрации можно привести фамусовское обращение к своему Фильке: «Ты, Филька, ты прямой чурбан, В швейцары произвёл ленивую тетерю...» [4].

Посредством анализа использования выражения *филькина грамота* в широком контексте, обнаружено, что наибольшее распространение фразеологизм получает в литературе, связанной с темой юриспруденции. В то же время в художественных произведениях его значение может расширяться и в целом означать документ, не представляющий никакой значимости: «И я, дурак, попрусь на ночь глядя, под изморосью пакостной, в другой конец города, на пустыри... а там и не будет никакого Фила! То-то смеху! Но тогда, вообще-то, по совести говоря, мне это надо знать наверняка.

С. Ю. Аксёничков-Бирюков

Фил это или филькина грамота... (Вячеслав Рыбаков. Трудно стать Богом (1996))».

Таким образом, анализ возникновения, развития и функционирования фразеологизмов с ономастическим компонентом в различных текстовых источниках позволяет более отчетливо раскрыть внутреннюю форму устойчивых словосочетаний и подтверждает тесную связь явлений языка с внеязыковой действительностью.

Список источников

1. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / Под ред. В. М. Мокиенко. Москва: Астрель; АСТ; Хранитель, 2007. 926 с.

2. Виноградов В. В. Лексикология и лексикография: Избр. труды / Отв. ред. и авт. предисл. В. Г. Костомаров; АН СССР, Отд-ние литературы и яз. Москва: Наука, 1977. 312 с.

3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / Под ред. А. Н. Филиппова. Москва: РИПОЛ классик, 2006. Т. 1: А – З. 2006. 752 с.

4. Колосова Е. И. Этнокультурная специфика паремий с компонентом-антропонимом // Славянские языки и культуры в современном мире: III Международный научный симпозиум: Труды и материалы (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 23-26 мая 2016 г.). Москва: МАКС Пресс, 2016. С. 309–311.

5. Ларин Б. А. Очерки по лексикологии, фразеологии и стилистике / отв. ред. проф. Б. А. Ларин. Ученые записки Ленинградского ордена Ленина государственного университета им. А. А. Жданова. Серия филологических наук. № 198. Вып. 24. 1956. 234 с.

6. Мадиева Г. Б., Супрун В. И. Антропонимы как средство выражения национальной культуры // Известия ВГПУ. Проблемы ономастики. 2010. №6. С. 96–102.

7. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. Москва: ЗАО «ОЛМА Медиа групп», 2007. 784 с.

8. Национальный корпус русского языка: поиск [Электронный ресурс]. URL:<https://ruscorpora.ru/results?search=CkIqGAoICAQQChgyIAoQBSAAQAVqBDAuOTV4ADICCAE6AQFCHwodChsKA3JlcRIUChLQutC%2B0L3QtNGA0LDRiNC60LAWAQ=> (дата обращения: 03.06.2023).

9. Национальный корпус русского языка: поиск [Электронный ресурс]. URL:<https://ruscorpora.ru/results?search=CkkqGAoICAAQChgyIAoQBSAAQAVqB>

DAuOTV4ADICCAE6AQFCJgokCiKA3JlcRlbChnQstCw0LvRj9GC0Ywg0LLQs
NC90YzQutGDMAE= (дата обращения: 03.06.2023).

10. Нерознак В. П., Ханичев Р. З. Аппеллонимика: между именем собственным и именем нарицательным // Вавилонская башня: Слово. Текст. Культура. Москва: Изд-во МГЛУ, 2002. С. 180–182.

11. Пропп В. Я. Русская сказка. Москва: Лабиринт, 2000. 416 с.

12. Славянская мифология. Энциклопедический словарь / Институт славяноведения и балканистики Российской Академии наук; редкол.: В. Я. Петрухин [и др.]. Москва: Эллис Лак, 1995. 417 с.

13. Словарь русских народных говоров: в 52 вып. / редкол.: Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников [и др.]. Москва: Наука, 1965–2021. Вып. 14. Кобзарик-Корточки / Ф. П. Филин (гл. ред.) [и др.]. 1978. 376 с.

14. Султанова, А. П. Особенности многозначных процессуальных фразеологизмов с компонентом-онимом в русском языке // Вестник ТГГПУ. 2021. №4. С. 111–117.

15. Татарникова О. Н. Антропоним *Иван* как объект лингвокультурологического анализа волшебных и новеллистических сказок // МИРС. 2015. №4. С. 38–42.

REFERENCES

1. Birich A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. Russian phraseology. Historical and etymological dictionary / Ed. V. M. Mokienko. Moscow: Astrel; AST; Chranitel, 2007. 926 p. (In Russ.).

2. Vinogradov V. V Lexicology and lexicography: Selected. works / Ex. ed. and author's preface by V.G. Kostomarov; USSR Academy of Sciences, Department of Literature and Language. Moscow: Nauka, 1977. 312 p. (In Russ.).

3. Dal V. I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes / Ed. A. N. Filippov. Moscow: RIPOL classic, 2006. Vol. 1: A - Z. 2006. 752 p. (In Russ.).

4. Kolosova E. I. Ethnocultural specificity of proverbs with an anthroponym component // Slavic Languages and Cultures in the Modern World: III International Scientific Symposium: Proceedings and Materials (Moscow, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philology, May 23-26, 2016). Moscow: MAKS Press, 2016. P. 309–311. (In Russ.).

5. Larin B. A. Essays on lexicology, phraseology and style / ex. ed. prof. B. A. Larin. Scientific Notes of the A. A. Zhdanov Leningrad Order of Lenin State University. Series of Philological Sciences. № 198. Vol. 24. 1956. 234 p. (In Russ.).

6. Madieva G. B., Suprun V. I. Anthroponyms as a means of expressing national culture // News of the VSPU. Problems of onomastics. 2010. No. 6. P. 96–102. (In Russ.).

7. Mokienko V. M., Nikitina T. G. Big Dictionary of Russian Sayings. Moscow: CJSC "OLMA Media Group", 2007. 784 p. (In Russ.).

8. National corpus of the Russian language: search [Electronic resource]. URL: <https://ruscorpora.ru/results?search=CkIqGAoICAQQChgyIAoQBSAAQAVqBD AuOTV4ADICCAE6AQFCHwodChsKA3JlcRIUChLQutC%2B0L3QtNGA0LDRiNC60LAWAQ=> (access 03.06.2023). (In Russ.).

9. National corpus of the Russian language: search [Electronic resource] / National corpus of the Russian language. – Access mode: <https://ruscorpora.ru/results?search=CkkqGAoICAAQChgyIAoQBSAAQAVqBD AuOTV4ADICCAE6AQFCJgokCiIKA3JlcRiBChnQstCw0LvRj9GC0Ywg0LLQsNC90YzQutGDMAE=> (access 03.06.2023). (In Russ.).

10. Neroznak V. P., Khanichev R. Z. Appellonyms: between a proper name and a common noun // Tower of Babel: The Word. Text. Culture. Moscow: Moscow State Linguistic University press, 2002. P. 180–182. (In Russ.).

11. Propp V. Ya. Russian fairy tale. Moscow: Labyrinth, 2000. 416 p. (In Russ.).

12. Slavic mythology. Encyclopedic Dictionary / Institute of Slavic and Balkan Studies of the Russian Academy of Sciences; editorial board: V. Ya. Petrukhin [and others]. Moscow: Ellis Lak, 1995. 417 p. (In Russ.).

13. Dictionary of Russian folk dialects: in 52 vol. / editorial board: F. P. Filin, F.P. Sorokoletov, S.A. Myznikov [and others]. Moscow: Nauka, 1965–2021. Vol. 14. Kobzarik-Kortochki. 1978. 376 p. (In Russ.).

14. Sultanova A. P. Features of multi-valued procedural phraseological units with an onym component in Russian language // News of the TSGPU. 2021. № 4. P. 111–117. (In Russ.).

15. Tatarnikova O. N. Anthroponym *Ivan* as an object of linguoculturological analysis of fairy tales and short stories // MIRS. 2015. № 4. P. 38–42. (In Russ.).

ABOUT THE INNER FORM OF RUSSIAN IDIOMS WITH THE PROPER NAME COMPONENT

Svyatoslav Yu. Aksyonchikov-Biryukov

Postgraduate student of Department of Russian, General and Slavic Linguistics, Francisk Skorina Gomel State University (Gomel, Belarus)

Abstract

The article analyzes Russian set expressions from the point of view of the fundamental connection of the semantics of their component composition with the spiritual culture of the Russian people. The research material is phraseological units of the Russian language with a proper name

component, which have an obscure internal form. The subject of the study is the relationship between spiritual culture and phraseological units. The purpose of the work is to analyze the features of the process of obscuring the internal form of some set expressions of the Russian language, one of the components of which is a proper name.

The internal form is the initial motivating image that semantically organizes the process of formation of phraseological units and contains connotations which have information about the culture and history of the people.

In the phraseological fund of the Russian language there are unmotivated phraseological units in which there is no connection between their components and the original image that served as the basis for the formation of their semantics. Such unmotivated, or "obscure" set expressions have multiple and unconvincing versions of their origin, which are given in various sources. Phraseologisms with an obscure inner form as carriers of unique ethno-cultural information are of particular scientific interest, which determines the relevance of the study.

Acting as the equivalent of individual words, phraseological units are richer in their imaginal properties than individual words, since they, as a rule, have expressiveness and contain an assessment of the appearance or internal qualities of a person.

One of the main aspects of the study of "obscure" set expressions is the consideration of their functioning in various literary and journalistic texts. In addition to considering the etymological data of phraseological units, the article provides examples of their use in various literary sources, which implies a more detailed consideration of the relationship between the cultural and linguistic components of set expressions.

Keywords: phraseological unit, set expression, onym, internal form, motivation, semantics, evaluation

Для цитирования: Аксёничков-Бирюков С. Ю. О внутренней форме русских фразеологизмов с компонентом-онимом // Libri Magistri. 2023. № 3 (25). С. 24–33.

Поступила в редакцию 01.07.2023

О. В. Анисимова, И. В. Гладиллина

УДК 811.161.1

ББК 81.411.2

О. В. Анисимова¹

ORCID: 0009-0009-4056-3119

Тверской государственный университет

170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33.

ovanisimova@edu.tversu.ru

И. В. Гладиллина²

ORCID: 0000-0002-7363-4122

Тверской государственный университет

Gladilina.IV@tversu.ru

СПРАВЕДЛИВОСТЬ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ. КАРТИНА МИРА: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Статья посвящена исследованию концепта «справедливость» в русском языке. Выявлены изменения значения понятия в прошлом и в настоящее время. Проанализирован процесс формирования концепта и то, что оно означает сейчас. На контекстных примерах, корреляции с другими понятиями, было выявлено изменение восприятия, значения данного концепта. Предметом исследования является значение понятия «справедливость». Целью работы является выявление значения концепта, прослеживание изменения коннотации в зависимости от контекста и дополнительных слов. Для развернутого анализа концепта были взяты примеры контекстов и дополнительных слов из НКРЯ. Разница в восприятии концепта, разные значения «справедливости» определяют актуальность исследования. С помощью методики сравнения примеров употребления слов были выявлены результаты: различие значения, ситуации, в которых применим данный концепт. Исследование показало многогранность слова, отразило особенности его использования в разных ситуациях, что определило значимость работы. Понятие «справедливость» связано с другими понятиями, такими как «равенство», «благо», «право» и т.д. Исследование этих связей поможет лучше понять,

---

¹ Анисимова Ольга Вячеславовна, студент, Тверской государственный университет, г. Тверь, Россия.

² Гладиллина Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, заместитель декана по научной работе, зав. кафедрой русского языка, Тверской государственный университет, г. Тверь, Россия.

как правильно применять концепт «справедливость» в разных сферах жизни. Так, исследование понятия «справедливость» в русском языке позволяет понять, как оно изменилось со временем, как зависит от контекста использования и как связано с другими понятиями. Значения слова могут меняться в зависимости от времени, места и обстоятельств, необходимо учитывать контекст при его использовании. Исследование концепта «справедливость» помогает понять, как изменяется восприятие идеи справедливости в зависимости от ситуации.

Ключевые слова: концепт, справедливость, контекст

Введение. Справедливость является одним из основных концептов, на которых строится наша жизнь. Она является смысловым центром многих философских и общественных теорий и является неотъемлемой частью нашего повседневного общения.

Одним из интересных аспектов при исследовании концепта «справедливость» является его изменение со временем. В прошлом слово было связано с религией и нравственностью, а в настоящее время оно ассоциируется с правосудием и законом. Изменение коннотации, разные значения концепта связаны с сочетанием с другими словами.

Цель: проследить изменение коннотации концепта на примере контекстов, узнать значение и происхождение слова.

Актуальность данного исследования заключается в частом использовании концепта в повседневном общении, слово «справедливость» часто употребляется в сочетании с другими словами, такими как «закон», «правосудие» и т. д. Это позволяет проследить изменение значения слова в зависимости от контекста использования

В работе использовались словари С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [11], Большой энциклопедический словарь [2], философский энциклопедический словарь [14], словарь А. П. Евгеньевой [7]. Из Национального корпуса русского языка [10] приведены примеры словосочетаний с рассматриваемым концептом.

1. Понятие концепта «справедливость»

Концепт «справедливость» является одним из главных понятий русского языка. Известный лингвист А. Д. Шмелев отмечает, что «в русской культуре существует особое чувство – любовь к справедливости или страсть справедливости» [13, 202].

В первую очередь, обратимся к значению слова «справедливость» в разных словарях [2; 7; 11; 13; 14; 17; 19].

Так, согласно толковому словарю С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, справедливость – это справедливое отношение к чему-либо, беспристрастие [11].

Большой энциклопедический словарь трактует «справедливость» как категорию морально-правового и социально-политического сознания, понятие о должном, связанную с исторически меняющимися представлениями о неотъемлемых правах человека [2].

Философский энциклопедический словарь определяет «справедливость» как к «понятие о должном, соответствующее определенным представлениям о сущности человека и его неотъемлемых правах» [14].

Проанализировав определения «справедливости» из различных источников, можно сделать вывод, что это понятие связано с идеями равенства, беспристрастия, личностной целостности и моральных ценностей.

2. Происхождение концепта «справедливость»

Если обращаться к происхождению, то слово «справедливость» берет начало от праславянского слова «правъ»- со значениями: 1) прямой, правильный; 2) право, договор, присяга; 3) Правъ – мир богов и вселенский нравственный закон. После чего слово преобразовалось с помощью сложения корней слов «правда» и «ведать». Совместив значения приведённых слов, можно получить трактовку «ведать Правъ» или «ведать с Правью», что будет означать «знать божественный закон».

Можно сделать вывод, что концепт «справедливость» изначально имел нравственно-ценные значения.

Слово «справедливость» появилось в русском языке не так давно. До конца XVI века оно не использовалось в деловых и судебных документах. Первые упоминания слова нашлись в дипломатической переписке московского и польско-литовского государств в XVI–XVII веках, но по сравнению со словом ««правда» оно употреблялось гораздо реже. Впоследствии слово “справедливость” получило значение “истина”, “точность” в деловых и научных текстах. Также развилось значение “воздаяние должного»» [8, 13]. Справедливость – это понятие, которое используется для описания справедливого, честного и равного отношения к людям. Она является важной составляющей правовой системы и социальной справедливости.

3. Идея справедливости и значения

Идея справедливости является важной чертой русского этноса.

Существует множество высказываний о том, что такое справедливость, но на самом деле нет ни одной теории, которая бы её полностью объясняла [5; 6; 8; 9; 12; 15; 16]. Тем не менее, справедливость как явление всегда была важной для людей. А. Г. Шабуров пишет, что проблема справедливости существует независимо от того, что мы о ней знаем, и достаточно просто взглянуть вокруг [16]. Многие люди заботятся о справедливости, но теория справедливости не интересует почти никого. Многие действия совершаются во имя справедливости, и ей посвящены фильмы, песни, книги и концепции. Однако одна и та же вещь может быть описана совершенно по-разному, и это может привести к разным пониманиям. А. Г. Шабуров объяснял это так: «Прелесть языка в том, что об одной и той же вещи, тем более о такой абстрактной, можно сказать совершенно по-разному, а сказанное можно точно так же по-разному понимать» [16, 275].

Абстрактное значение понятия «справедливость» можно рассмотреть на действиях-предикатах. Понимание «справедливости» варьируется в зависимости от высказывания.

Изменение семантики возможно увидеть на примерах предикатов и применении их в контексте:

1. Хотеть: *Ты хочешь справедливости?* (С. Довлатов) [10].

2. Жажда: *Она жаждала справедливости* (В. Быков) [10];
• искать: *Не один ты, а и другие люди ищут справедливости!* (А. А. Фадеев) [10].

3. Защищать: *Я думал, что все же в милиции немало честных ребят, готовых защищать справедливость и истинную законность* (Ю. Азаров) [10].

4. Установить: *И на развалинах старого мира установит свое вечное царство всеобщей справедливости* (Л. Юзефович) [10].

5. Взывать: *Взывать поэтому к справедливости не стал* (А. Азольский) [10].

6. Искать: *Не один ты, а и другие люди ищут справедливости!* (А. А. Фадеев) [10].

Кроме того, понимание концепта меняется и от того, какую роль, функцию в контексте выполняет справедливость:

• торжествует: *...справедливость обязательно восторжествует!* (Ю. О. Домбровский) [10];

• не позволяет: *...но и промолчать тоже справедливость не позволяла* (С. Носов) [10];

• существует: *...существует ли полная справедливость...* (Е. Евтушенко) [10].

Свидетельствует об относительности понятия концепта и его толкования. Справедливым могут стать: *закон, суд, правосудие, наказание, обвинение, работа, оплата, доход, общество, репутация, гордость, дело, речь, оговорка, речь, теория, вывод, требования, судьба и т. д.*

Справедливость – это понятие, которое может быть интерпретировано по-разному в зависимости от контекста, слов. Оно определяется через соответствие предмета суждения некоторым основным требованиям, которые могут быть выбраны в качестве меры справедливости. Например, слова, которые оцениваются, различаются по предметной характеристике, но их объединяет соответствие определенным требованиям. Таким образом, справедливость относительна, поскольку она зависит от контекста и может меняться в зависимости от того, какие требования выбраны в качестве меры. Например, то, что считается справедливым в одной культуре, может быть несправедливым в другой.

По мнению Витгенштейна, справедливый человек принимает взвешенное решение (норма-формулировка); Х принимает взвешенное решение. Значит Х является справедливым (поступает по справедливости) [3].

Понятие «справедливость» коррелирует с другими понятиями, что позволяет по-разному интерпретировать его значение. Часто встречается употребление с правом, законом, порядком: *...все будет сделано по справедливости и по закону* (Е. А. Салиас) [10]; *...восстановить нарушенную идею справедливости и порядок* (А. И. Куприн) [10]. Встречаются и другие сочетания (например, со словами честь, Бог, добро: *...чувство справедливости и чести* (Г. П. Данилевский) [10]; *Бог – это справедливость* (С. Довлатов) [10]; *...к светлым идеалам добра и справедливости* (А. П. Чехов) [10] и т. д.

Выводы. Как видим, концепт «справедливость» раскрывается по-разному, зависит от корреляции. Можно сделать вывод, что справедливость – это понятие, которое может иметь разные значения в зависимости от сферы, в которой оно используется. В русском языковом сознании справедливость – это понятие, которое сочетает в себе истину, веру, закон, право, честь, честность, равноправие и любовь (см. подробнее: [4; 8; 18]). Оно определяется через соотношение с различными предметными областями, существует множество представлений о том, что является справедливым. Однако справедливость оказывается относительной, так как зависит

от определённых норм, которые применяются к оценочным суждениям. Под справедливостью понимается высшая ценность чего-то. Люди стремятся к справедливости, добиваются её, жаждут, хотят, насаждают, даруют, защищают и могут забывать о ней. Но справедливость существует, а может и вершиться, и царствовать.

Справедливость зависит от норм. Под справедливостью понимается некая высшая ценность и активное начало в русском языковом сознании.

Эту моральную категорию отличают такие качества, как признание нравственного характера правды-справедливости, несогласие с судом и законом, признание её ценности и божественности, а также болезненная чувствительность к несправедливости, правдолюбие и правдоискательство, и это остается неизменными на протяжении столетий.

Список источников

1. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. Москва: Русский язык, 1986. 600 с.
2. Большой энциклопедический словарь. гл. ред. А. М. Прохоров. Москва: Советская энциклопедия; Санкт-Петербург: Фонд «Ленингр. галерея», 2002. 1628 с.
3. Витгенштейн Л. Философские работы. Москва: Гнозис, 1994. Ч. 1. 612 с.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. Москва: Русские словари, 1997. 416 с.
5. Воркачев С. Г. Специфичность универсального: идея справедливости в лингвокультуре. Волгоград: Парадигма, 2010. 299 с.
6. Гулевич О. А. Социальная психология справедливости. Москва: Ин-т психологии РАН, 2011. 288 с.
7. Евгеньева А. П. Словарь синонимов русского языка. Москва: Астрель-Аст, 2001. 648 с.
8. Касьянова К. (Чеснокова В. Ф.) О русском национальном характере. Москва: Академический проект, 2003. 560 с.
9. Кряхтунова О. В. Шифтерный лингвокультурный концепт «справедливость» (на материале русской лингвокультуры): автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.19. Волгоград, 2010. 24 с.
10. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.04.2023).
11. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Москва: Азбуковник, 1998. 944 с.

12. Печенев В. А. Истина и справедливость. Москва: Политиздат, 1989. 288 с.
13. Словари русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.classes.ru/> (дата обращения: 28.04.2023).
14. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др. Москва: Сов. энциклопедия, 1983. 839 с.
15. Хаузер М. Мораль и разум: Как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла. Москва: Дрофа, 2008. 639 с.
16. Шабуров А. Г. Справедливость / Несправедливость как ключевой концепт политико-философского дискурса // Дискурс Пи. 2010. Т. 9. № 12. С. 274.
17. Шаров С. А. Частотный словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.artint.ru/projects/frqlist.php> (дата обращения: 10.04.2023).
18. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. Языки славянской культуры. Москва: Изд. дом «Яск», 2002. 224 с.
19. Шушков А. А. Толково-понятийный словарь русского языка: 600 семантических групп: около 16500 слов и устойчивых выражений. Москва: АСТ-Астрель-Хранитель, 2008. 988 с.

REFERENCES

1. Aleksandrova, Z. E. Slovar' sinonimov russkogo yazyka. Moscow: Russkiy yazyk, 1986. 600 p. (In Russ.)
2. Bol'shoj jenciklopedicheskiy slovar'. gl. red. A. M. Prohorov. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija; Sankt-Peterburg: Fond «Leningr. galereja», 2002. 1628 p.
3. Wittgenstein L. Filosofskie raboty [Philosophical studies], part I, Moscow, Gnosis Publ., 1994, 612 p. (In Russ.)
4. Vezhbiczkaya, A. Yazyk. Kultura. Poznanie. Moscow: Russkie slovari, 1997. 416 p. (In Russ.)
5. Vorkachev S. G. Specifichnost' universalnogo: ideya spravedlivosti v lingvokulture. Volgograd: Paradigma, 2010. 299 p. (In Russ.)
6. Gulevich O. A. Sotsialnaja psikhologja spravedlivosti [The social psychology of Justice], Moscow, Psychology Institute of Russian Academy of Sciences, 2011, 288 p. (In Russ.)
7. Evgeneva A. P. Slovar' sinonimov russkogo yazyka. Moscow: Astrel-Ast, 2001. 648 p. (In Russ.)
8. Kasyanova K. (Chesnokova V. F.) O russkom nacionalnom kha-raktere. Moscow: Akademicheskij proekt, 2003. 560 p. (In Russ.)

9. Kryaxtunova O. V. Shifterny`j lingvokul`turny`j koncept «spravedlivost`» (na materiale ruskoj lingvokul`tury'). Avtoref. dis. ... kand. Fil. nauk.. Volgograd, 2010. 24 p. (In Russ).
10. Nacional`ny`j korpus ruskogo yazy`ka. URL: <http://ruscorpora.ru/>. (accessed 10.04.2023). (In Russ.)
11. Ozhegov S.I., Shvedova N. Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language. Moscow, Azbukovnik, 1998. 944 p. (In Russ).
12. Pechenev V. A. Istina i spravedlivost`. Moscow: Politizdat, 1989. 288 p. (In Russ).
13. Slovarei ruskogo yazy`ka. E`lektronny`j resurs]. URL: <http://www.classes.ru/> (accessed 28.04.2023). (In Russ.)
14. Filosofskij jenciklopedicheskij slovar' / gl. red. L. F. Il'ichev i dr. Moscow: Sov. jenciklopedija, 1983. 839 p.
15. Xauzer M. Moral' i razum: Kak priroda sozdavala nashe universal`noe chuvstvo dobra i zla. Moscow: Drofa, 2008. 639 p. (In Russ.)
16. Shaburov A. G. Spravedlivost' / Nespravedlivost' kak kljuchevoj koncept politiko-filosofskogo diskursa // Diskurs Pi. 2010. T. 9. № 12. С. 274.
17. Sharov S. A. Frequency Dictionary of the Russian Language. [Electronic resource]. Russian Research Institute of Artificial Intelligence. URL: <http://www.artint.ru/projects/frqlist.php> (accessed 10.04.2023) (In Russ).
18. Shmelev A. D. Russkaya yazy`kovaya model` mira: Materialy` k slovarju. Yazy`ki slavyanskoj kul`tury. Moscow: Izd. dom «Yask», 2002. 224 p. (In Russ).
19. Shushkov A. A. The Explanatory-Conceptual Dictionary of The Russian Language: 600 semantic groups: about 16500 words and stable expressions. Moscow, AST-Astrel, 2008. 988 p. (In Russ).

**JUSTICE IN THE RUSSIAN LANGUAGE. PICTURE
OF THE WORLD: YESTERDAY AND TODAY**

Olga V. Anisimova
Tver State University
Irina V. Gladilina

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head
of the Department of the Russian Language, Tver State University
(Tver, Russia)

Abstract

The article is devoted to the study of the concept «justice» in the Russian language. The changes in the meaning of the concept in the past and at the present time are revealed. The process of word

formation and what it means now are analyzed. Using contextual examples, the correlation with other concepts, changes of perception and meaning of this concept were revealed. The subject of the research is the meaning of "justice". The purpose of the research is to identify the meaning of the concept, tracing the change of the connotation depending on the context and additional words. For a complete analysis of the concept the examples of contexts and additional words in the National Corpus of the Russian language were taken. The difference in the perception of the concept, different meanings of «justice» determine the relevance of the research. With the help of the technique of comparison of examples of the use of words, the following results were achieved: the difference in meaning, situations in which the concept is applied. The study showed the versatility of the word, reflected the peculiarities of its use in different situations, which determined the significance of the research. The concept «justice» is connected with other concepts, such as «equality», «good», «right», etc. The study of these connections will help to better understand how to properly apply the concept of «justice» in different spheres of life. Thus, the study of the concept «justice» in the Russian language allows us to understand how it has changed over time, how it depends on the context in which it is used and how it is related to other concepts. The meanings of the word can change depending on time, place and circumstances, and it is necessary to take the context into account when using it. The study of this concept helps to understand how the perception of the idea of justice changes depending on the situation.

Keywords: concept, justice, context

Для цитирования: Анисимова О. В., Гладиллина И. В. Справедливость в русском языке. Картина мира: вчера и сегодня // Libri Magistri. 2023. № 3 (25). С. 34–42.

Поступила в редакцию 15.06.2023

УДК 81'38:659.13
ББК ББК 81-5:76.0

В. С. Бармина¹

ORCID: 0009-0003-9735-2167

Новосибирский государственный
технический университет,

630073, Россия, г. Новосибирск, пр-т К.Маркса, 20
vika.barmina@mail.ru

Н. А. Лиханова²

ORCID 0000-0002-5690-5728

Новосибирский государственный
технический университет,

630073, Россия, г. Новосибирск, пр-т К.Маркса, 20
nadezh-l@yandex.ru

КОММУНИКАТИВНЫЕ НЕУДАЧИ В ЖАНРЕ УЛИЧНОГО ОБЪЯВЛЕНИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Статья содержит информацию о лингвистическом ландшафте, источником его формирования выступает жанр уличного объявления. Языковой материал представлен в рамках регионального аспекта, на материале города Новосибирска. В работе рассматриваются типы коммуникативных неудач, функционирование их в тексте жанра уличного объявления. Актуальность работы обусловлена тем, что городская среда влияет на современную языковую ситуацию в многонациональном мегаполисе. Как известно, жанр уличного объявления появился ещё в XVIII веке и продолжает активно изучаться в региональных лингвистических работах.

Цель данной работы – выявить и проанализировать проявление коммуникативных неудач в жанре уличного объявления на языковом материале Новосибирска. Объектом исследования в работе является жанр уличного объявления. Предметом исследования является описание коммуникативных неудач, выявленные в жанре уличного объявления.

---

¹Бармина Виктория Сергеевна, студент-бакалавр 4 курса кафедры филологии, Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Россия.

²Лиханова Надежда Анатольевна, канд. филол. наук, доц. кафедры филологии, Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Россия.

В результате работы над заявленной тематикой использовался метод лингвистического наблюдения, описательно-аналитический метод, выборка, интерпретация и анализ полученного регионального материала. Практическая значимость исследования заключается в том, что материалы могут быть использованы для формирования картотеки по лингвистическому ландшафту города, описания современной языковой ситуации города, разработки методики анализа жанра уличного объявления, выявления особенностей регионального подхода. В работе делается вывод о том, что проблема коммуникативных неудач в жанре уличного объявления распространенное явление в городской среде. Коммуникативные неудачи не позволяют авторам текстов уличных объявлений в полном объеме донести информацию до адресата. Дальнейшая перспектива изучения данной проблематики может быть связана с исследованием причин появления коммуникативных неудач в жанре уличного объявления, необходимостью разработки рекомендаций по правильному составлению текста уличного объявления.

Ключевые слова: региональный аспект, лингвистический ландшафт, жанр уличного объявления, коммуникативные неудачи, прагматика

Введение. Актуальность изучения текстов жанра уличного объявления обусловлена его распространенностью в городском пространстве. С текстом уличных объявлений жители города встречаются каждый день. Жанр объявления рассматривается как один из источников формирования лингвистического ландшафта города Новосибирска.

Как известно, под термином «лингвистический ландшафт» (далее – ЛЛ) или «языкового ландшафта» (далее – ЯЛ) подразумевается «использование письменного языка в городской сфере» [18, 2]. Исследователь Л. Л. Федорова в своей работе [15] понимает языковой ландшафт как «всё множество графических и письменных знаков и текстов, которые доступны наблюдателю в общественном пространстве» [15]. Выделяют статический и динамический языковой ландшафт.

Под термином «лингвистический ландшафт» или «языковой ландшафт» ученые понимают «область социолингвистических исследований, в рамках которой изучаются способы публичной демонстрации письменных форм языка в физическом пространстве определенной страны или города» [14, 64]. В ЛЛ проводится анализ письменных текстов в визуальном пространстве города:

информационные и рекламные вывески, названия улиц, знаки городской навигации, элементы декора, содержащие языковые знаки, а также уличные объявления [14, 64]. Соответственно ЛЛ отражает прагматический аспект языка.

На сегодняшний день нашу картотеку текстов уличных объявлений составляют более 250 примеров, найденных в ЛЛ Новосибирска за период 2022–2023 гг.

1. Жанр уличного объявления

Исследователь жанра уличного объявления И. Ф. Исламова определяет жанр уличного объявления как «малый письменный жанр, средство трансляции социальных, экономических, бытовых отношений; одна из форм речевого поведения человека» [7, 31]. Уличные объявления, по словам исследователя, представляют собой «поле письменной стихийной коммуникации жителей города». Такая коммуникация должна отличаться оперативностью, т. е. «работать» быстро, эффективно, в силу своей непродолжительной жизни, а также языковой интенсивностью, т. е. экономичностью, «в минимуме слов – максимум содержания», тогда коммуникация будет успешной, а коммуникативные цели уличного объявления будут достигнуты [7, 31].

По мысли И. Ф. Исламовой, коммуникативными целями уличного объявления могут быть:

1. Передача информации (*Юридическая компания съехала! Офис закрыт; Вход в торговый центр, СДЭК, Дыммастер – там -->; Временно! Буфет работает с 9:30 до 16:00; Уважаемые покупатели! В течение месяца Рамадан скидка 10% на всё...*).

2. Оценка (*Не сморкаться; *Принадлежат Мета, признанной в РФ экстремистской организацией, и её деятельность запрещена на территории РФ; Подработка студентам / Распространение билетов / Очень хороший заработок*).

3. Императив (*Используйте санитайзер; Заглуши двигатель! Пользуйся звонком!; Цветы не рвать!!!!!!!!!!*).

4. Этикет (*Курение запрещено; В связи с эпидемией коронавируса, просим соблюдать санитарно-эпидемиологические меры*).

5. Развлечение (*В подъезд внимательно входи, не хлопай дверь за собой...*) [8].

Эти цели соответствуют главным целям уличного объявления: оказать максимальное воздействие на эмоции и разум адресата, побудить адресата к действию, совершению поступка: позвонить, купить товар, не делать чего-то и т. д.

Уличное объявление характеризуется краткостью, стандартизованностью, конкретностью, целенаправленностью, оно

должно быть без двусмысленности, логичным, доходчивым, сжатым, лаконичным, не содержащим «пустых», малоинформативных слов. Автор уличного объявления обычно стремится к упрощенной форме передачи мысли и экономии затраченных усилий. Н. В. Михайлюкова отмечает, что основной текстовой характеристикой уличного объявления является «информационная сжатость (в один момент с насыщенностью), смысловая редукция, которая дешифруется адресатом и «разворачивается» в полноценное высказывание» [13].

2. Коммуникативные неудачи в жанре уличного объявления

В коммуникативно неудачных объявлениях отсутствуют представленные характеристики. Любые нарушения правил коммуникативного кодекса обозначается термином коммуникативные неудачи.

Б. Ю. Городецкий определяет коммуникативные неудачи как «сбой в общении, при котором определенные речевые произведения не выполняют своего предназначения (цели)» [2, 23]. Проще говоря это определение на жанр уличных объявлений, можно сказать, что тексты уличных объявлений не соответствуют своим целям, о которых было сказано выше. Хотя существуют различия в подходах, но исследователи согласны друг с другом в том, что коммуникативные неудачи – «вполне обычное явление в реальном человеческом общении» [3, 64].

Исследователь Н. И. Формановская считает, что коммуникативные неудачи, сбой в коммуникации имеют многообразие причин: внешних, экстралингвистических, языковых. Коммуникативные неудачи могут быть обусловлены различиями в картинах мира, национально-культурной спецификой, социальное положение коммуникантов, нарушение места и времени собственно коммуникации. Но коммуникативные неудачи обычный процесс в общении людей в любых формах [16, 229–234].

В статье О. Н. Ермаковой и Е. А. Земской коммуникативные неудачи авторами понимаются как «неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего, обусловленное различными причинами» [4, 30]. Причин может быть большое количество, однако исследователи выделяют три главных типа коммуникативных неудач. Рассмотрим их.

1) Коммуникативные неудачи, происходящие за счёт устройства языковой системы:

Например, в уличном объявлении «*НА ЛЕСТНИЦЕ НЕ ПИСАТЬ*» (рис.1) поставлено ударение в слове *писать*, так как в языке есть другое слово, которое в данном контексте можно

понять не так, и оно нуждается в ударении, чтобы не было двусмысленности, но это внимание на ударении породило коммуникативную неудачу.

Рис. 1

В следующем уличном объявлении: «*РОЗЫСК! Пропала бенгальская кошка...*» (рис. 2) акцент ставится на слове розыск. В «Современном толковом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой: «розыск – это система мероприятий, проводимых следственными органами по обнаружению преступников, похищенного имущества и т. п.» [5, 103]. В типовых объявлениях не пишут этого слова, так как оно относится к другому контексту. Неправильный выбор слова привёл к коммуникативной неудаче.

Рис. 2

2) Коммуникативные неудачи, зависящие от адресата и адресанта:

Рис. 3

В тексте уличного объявления *«Большой брат следит за тобой!»* (рис. 3) – коммуникативная неудача заключается в том, что адресат может и не понять отсылку к книге Дж. Оруэлла «1984» – это антиутопия, в которой «Большой брат» является диктатором государства Океания, где за каждым шагом людей идет слежка. Эта фраза является точной цитатой из книги.

Соответственно сочетание «Большой брат» часто воспринимают неправильно или не знают, откуда этот «образ». Здесь видим проблему в том, что адресат и адресант могут быть с разным опытом восприятия языковой картины мира. Коммуникативная цель уличного объявления будет достигнута не полностью. В типичных уличных объявлениях обычно пишут: *«Ведётся видеонаблюдение»*, что сразу становится понятной языковой личности.

3) Коммуникативные неудачи, формирующиеся за счет прагматических факторов;

Г. Г. Матвеева в своём исследовании пишет, что под прагматикой текста понимается «аспект функционирования языковых единиц, выбор которых определяется интенциональными воздействующими задачами отправителя текста, учитывающего ситуативные условия акта общения и принятые в данном функциональном стиле нормативные способы употребления языка» [11, 7].

Как показывает наше региональное исследование, жанр уличного объявления в городе Новосибирск включает в себя несколько стилей:

1. Разговорный (*«Закрето! Совсем! Не работаем! Переехали!»*; *«Я где-то очень рядом, но вы мне всё же позвоните. +7961...»*).

2. Официально-деловой (*«Уважаемые собственники! УК «КМС-Позитив» информирует Вас о том, что гидравлические испытания тепловых сетей на плотность и прочность будут производиться в период с...»*; *«Выгул собак на территории гимназии №15 строго запрещён! Ведётся видеонаблюдение! Администрация»*).

3. Публицистический/рекламный (*«Гадание на кофейной гуще и на картах. Предсказываю ...»*; *«Мастер маникюра у вас под боком...»*).

4. Художественный (*«Окуроч на пол не бросай, / Бумажку с пола подними – / Подъезд не мусорный сарай, / Ты в чистоте его храни ...»*).

По Н. Д. Арутюновой, прагматика – это «закрепленное в языковой единице отношение говорящего или к действительности, или к содержанию сообщения, или даже к адресату» [1, 5]. Это отношение или оценка уже встроена в содержательную сторону языковой единицы, она постоянна (рис. 4). В жанре уличного

объявлениях проявляется креолизованный текст, т. е. текст, «сочетающий в себе вербальную и невербальную семиотические системы, в ходе чего формируется единое функциональное и структурное целое, которое имеет свои собственные прагматические функции» [11, 2].

В данном примере (рис. 4) надпись «*Опять выключили свет*», подходящая по коммуникативной ситуации, сделана на распространенном интернет-меме.

Рис. 4

Исследователи Е. П. Карташова и А. Р. Ахмедзянова в работе про интернет-мемы пишут, что «постоянная репликация мемов в речи интернет-пользователей постепенно привела к тому, что узнаваемыми, тиражируемыми и, как следствие, вирусными стали не только весь мем как высказывание, но также его вербальная и иконическая части» [9, 427]. Как видно, интернет-мем популяризируется и выходит за границы интернета на улицы города, включается в лингвистический ландшафт города, в уличные объявления. Интернет-пользователи переносят интернет-мемы в городское пространство.

Можно предположить, что автор этого объявления молодой человек, который надеется на удачную коммуникацию, используя юмор, иронию. Но люди, которые не знают данного интернет-мема, не воспринимают информацию – «мужчина закатывает глаза», что нацеливает на агрессию, неясность мысли. Это может привести к речевому конфликту.

3. Анализ коммуникативно неудачного уличного объявления

Коммуникативные неудачи в объявлениях, как было сказано, бывают трёх типов, которые могут смешиваться между собой. Рассмотрим текст уличного объявления, относящееся к третьему типу коммуникативных неудач, порождаемых прагматическими факторами (рис. 5).

Прагматическое значение высказывания нельзя отделять от прагматической ситуации (дискурса). Смысл высказывания будет

понятен только через автора данного высказывания и понимание его коммуникативной цели.

В уличном объявлении на рис. 5 мы видим «научный» дискурс, который уместнее назвать псевдонаучным дискурсом. Он подаётся в игровой, шутовой форме, которую читатель не сразу может интерпретировать.

В данном объявлении характеристики, которые были описаны выше, не выражены: здесь нет краткости – объявление объёмное, не структурированное, сразу не ясно, чего хочет автор. Также здесь присутствует креолизованный текст, как и в других уличных объявлениях.

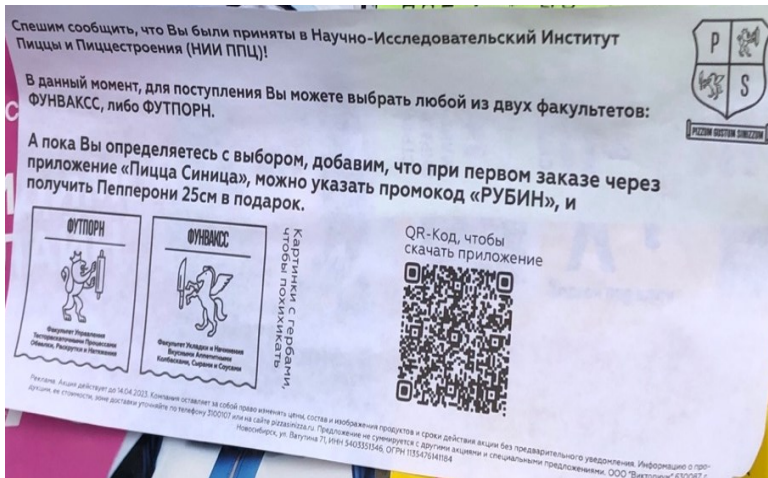

Рис. 5

Поясним, что компания «Пицца Синица» – это популярная пиццерия в городе Новосибирске. Вербальный текст на объявлении следующий: «Спешим сообщить, что Вы были приняты в Научно-Исследовательский Институт Пиццы и Пиццестроения (НИИ ППЦ)!». «НИИ» – это аббревиатура Научно-исследовательский институт. «ППЦ» – это сленговая аббревиатура. По «Толковому словарю русской разговорно-обиходной речи» В. В. Химики – это аббревиатура слова «*пипец*», образованная от созвучного нецензурно-оценочного словосочетания: которое выражает оценку ситуации, как очень плохой, а также это возглас выражения эмоций [17, 2, 103]. В данном случае аббревиатура обыграна словами Пицца и Пиццестроение. Предположительно, что автор специально выбрал эту аббревиатуру, чтобы показать, что в его картине мира

присутствует сленг и сленговые аббревиатуры. Также адресант ждет понимания этой аббревиатуры от адресата.

«Пиццестроение» – окказионализм, образованный по модели слов кораблестроение, машиностроение, самолётостроение и т. п. Эти слова чаще всего относятся к научному дискурсу, который так или иначе связан с данным уличным объявлением.

Здесь прослеживается региональный аспект данного объявления – в Новосибирске множество НИИ, которые авторы объявлений используют в своей языковой игре. Есть такой стереотип, что Новосибирский Академгородок называют «городом учёных», а Новосибирскую область – научной столицей России.

Название факультетов, на которые в объявлении шуточно предлагают поступить, звучат как «ФУТПОРН – Факультет Управления Тестораскаточными Процессами Обвалки, Раскрутки и Натяжения» и «ФУНВАКСС – Факультет Укладки и Начинения Вкусными Аппетитными Колбасками, Сырами и Соусами».

В аббревиатуре ФУТПОРН угадывается слово *foodporn* (в переводе с английского – «пищевое порно») – это слово определяется в Оксфордском словаре как «images that show food in a way that makes it look very attractive» [19]. Изображения, где еда показана очень привлекательно. На таких изображениях важно, чтобы еда выглядела аппетитно и агрессивно соблазнительно и даже немного нереалистично. В аббревиатуре ФУНВАКСС нет «спрятанных» смыслов, это лишь аббревиатура, которую авторам не удалось обыграть.

Здесь авторы жанра придумали гербы факультетов, на которые предлагается «шуточно» поступить. На факультете ФУТПОРН видим льва в короне, стоящего на задних лапах и держащего скалку, так как это отражает факультет тестораскатывания. На гербе факультета ФУНВАКСС конь с крыльями на дыбах, рядом с ним нож. Нож отражает нарезку «сыров» и «аппетитных колбасок». Символ льва в профиль – один из самых древних геральдических символов, он выбран автором, предположительно, потому что он один из самых узнаваемых. Вместе со львом символ коня в геральдике является одним из древнейших. В словаре геральдических терминов находим такое объяснение: «Лев – символ власти, силы, храбрости и великодушия, изображается с головой в профиль». «Конь – символ храбрости, зоркости, ловкости, силы» [9].

Рядом с гербами есть надпись: «Картинки с гербами, чтобы похихикать» – это вербально выражает, что данное объявление шуточное, цель автора – «похихикать», развлечь читателя, а также

ненавязчиво побудить к действию. Адресант должен отсканировать QR-код, чтобы скачать приложение, и совершить первый заказ с указанием промокода «*РУБИИ*».

Сверху справа есть шуточный герб самой пиццерии с символами льва и коня, которые видим на гербах факультетов, а также буквы «P» и «S», которые означают название пиццерии «*Pizza Siniza*». Снизу характерная для геральдики надпись «*PIZZUM GUSTUM SINIZZUM*», она стилизована под латиницу. Слова «*PIZZUM SINIZZUM*» в нашем восприятии являются окказиональными. А «*GUSTUM*» – это форма латинского существительного *gustus* (вкус, вкусовое ощущение, проба, отведывание, глоток, закуска) в аккумулятиве [6]. Примерный перевод данного текста звучит как «*Вкус пиццы синицы*».

Данное уличное объявление относится к коммуникативно неудачным объявлениям: оно не стандартизованное, не краткое, содержит «пустые» и малоинформативные слова, двусмысленно, не ясно, какую цель преследует автор данного текста.

Заключение

Рассмотрев коммуникативные неудачи в уличных объявлениях города Новосибирска, можно сделать вывод о том, что уличные объявления содержат в себе разные типы коммуникативных неудач. Они мешают авторам уличных объявлений достичь главных целей – донести информацию до адресата, что приводит к коммуникативному сбою. Жанр уличного объявления формирует лингвистический ландшафт города.

Список источников

1. Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XVI: Лингвистическая программа. Москва: Прогресс, 1985. С. 3–42.
2. Городецкий Б. Ю. Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения // Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Прогресс, 1989. Вып. 14: Компьютерная лингвистика. С. 5–29.
3. Городецкий Б. Ю., Кобозева И. М., Сабурова И. Г. К типологии коммуникативных неудач // Диалоговое взаимодействие и представление знаний: сб. Новосибирск: ВЦ СО АН СССР, 1985. С. 64–78.
4. Ермакова О. Н., Земская С. А. К построению типологии коммуникативных неудач // Русский язык и его

функционирование: коммуникативно-прагматический аспект: сб. ст. Москва: Наука, 1993. С. 30–64.

5. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. Москва: АСТ, Астрель, Харвест, 2006.

6. Дворецкий И. Латино-русский словарь. 4-е изд. Москва: Русский язык. 1996. 843 с.

7. Исламова И. Ф. Композиционные и лексико-стилистические характеристики уличных объявлений (на материале уличных объявлений города Уфы) // Вестник Башкирск. ун-та. 2008. №2. Т. 13. С. 316–319.

8. Исламова. И. Ф. Уличное объявление как речевой жанр (на примере уличных объявлений города Уфы): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Уфа, 2009. 31 с.

9. Карташова Е. П., Ахмедзянова А. Р. Интернет-мем как основной вид креолизованного текста в самопрезентации «человека творящего» // Вестник Марийского государственного университета. 2019. №3 (35). С. 426–430.

10. Корников А. А. Словарь геральдических терминов. Иваново: Иванов. гос. ун-т, 2021. 284 с.

11. Маричев М. Д. Особенности креолизованного текста и его классификация // E-Scio. 2022. №6 (69). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kreolizovannogo-teksta-i-ego-klassifikatsiya> (дата обращения: 08.04.2023).

12. Матвеева Г. Г. Актуализация прагматического аспекта научного текста. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1984. 131 с.

13. Михайлюкова Н. В. Языковой облик современного города: учебное пособие. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2017. 360 с.

14. Нагорная А. В. Современные исследования языкового ландшафта // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. Языкознание: Реферативный журнал. 2016. № 3. С. 64–75.

15. Федорова Л. Л. Языковой ландшафт: город и толпа // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. №6. Т. 13. С. 70–79.

16. Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения: учеб. пособие. Москва: Институт русского языка им. А. С. Пушкина, 1998. 291 с.

17. Химик В. В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи: в 2 т. Т. 2. О-Я. Санкт-Петербург: Златоуст, 2017. 532 с.

18. Gorter D. Introduction. The Study of Linguistic Landscape as a New Approach to Multilingualism // International Journal of Multilingualism. 2006. Vol. 3. P. 1–6.

19. Oxford Learner's Dictionaries. (Food porn). URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/food-porn?q=food+porn> (дата обращения: 20.03.2023)

REFERENCES

1. Arutyunova N. D., Paducheva E. V. Origins, problems and categories of pragmatics // New in foreign linguistics: Issue. XVI: Linguistic program. Moscow: Progress, 1985. Pp. 3–42. (In Russ.).

2. Gorodetsky B. Yu. Computational linguistics: modeling of linguistic communication // New in foreign linguistics. Moscow: Progress, 1989. Issue 14: Computational Linguistics. Pp. 5–29. (In Russ.).

3. Gorodetsky B. Yu., Kobozeva I. M., Saburova I. G. On the typology of communicative failures // Dialogue Interaction and Knowledge Representation: Sat. Art. Novosibirsk, 1985. Pp. 64–78. (In Russ.).

4. Ermakova O.N., Zemskaya S. A. To the construction of a typology of communicative failures // Russian language and its functioning: communicative and pragmatic aspect: Sat. Art. Moscow: Nauka, 1993. Pp. 30–64. (In Russ.).

5. Efremova T. F. Modern explanatory dictionary of the Russian language: In 3 volumes. Moscow: AST, Astrel, Harvest, 2006. (In Russ.).

6. Dvoretzky I. Latin-Russian Dictionary. 4th ed. Moscow. Russian language. 1996. 843 p. (In Russ.).

7. Islamova I. F. Compositional and lexical and stylistic characteristics of street announcements (on the material of street announcements in the city of Ufa) // Bulletin of Bashkirsk. university 2008. No. 2. Pp. 316–319. (In Russ.).

8. Islamova. I. F. Street announcement as a speech genre (on the example of street announcements in the city of Ufa): Author. dis. ... cand. philol. Sciences: 10.02.01. Ufa, 2009. 31 p. (In Russ.).

9. Kartashova E.P., Akhmedzyanova A.R. Internet meme as the main type of creolized text in the self-presentation of the "creating person" // Bulletin of the Mari State University. 2019. No. 3 (35). Pp. 426–430. (In Russ.).

10. Kornikov A. A. Dictionary of heraldic terms. Ivanovo: Ivanov. gos. un-t, 2021. Pp. 258–268. (In Russ.).

11. Marichev M. D. Features of the creolized text and its classification // E-Scio. 2022. No. 6 (69). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kreolizovannogo-teksta-i-ego-klassifikatsiya> (date of access 08.04.2023). (In Russ.).

12. Matveeva G. G. actualization of the pragmatic aspect of the scientific text. Rostov-on-don.: height. state un-t, 1984. 131 p. (In Russ.).
13. Mikhailyukova N.V. Linguistic appearance of a modern city: textbook. Vladivostok: Far Eastern Federal University, 2017. 360 p. (In Russ.).
14. Nagornaya A. V. [Modern studies of the language landscape] // Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 6. Linguistics: Abstract journal. 2016. №3. Pp. 64–75. (In Russ.).
15. Explanatory Dictionary of Russian Colloquial and Everyday Speech: In 2 vols. V.2. O-Z. St. Petersburg: Chrysostom, 2017. 532 p. (In Russ.).
16. Fedorova L. L. Language landscape: the city and the crowd [Electronic resource]// Vestnik NSU. Series: History, Philology. 2014. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovoy-landshaft-gorod-i-tolpa> (accessed: 11/11/2022). (In Russ.).
17. Formanovskaya N. I. Communicative-pragmatic aspects of units of communication: textbook. allowance. Moscow.: Institute of the Russian Language. A.S. Pushkin, 1998. 291 p. (In Russ.).
18. Gorter D. Introduction. The Study of Linguistic Landscape as a New Approach to Multilingualism // International Journal of Multilinguism. 2006 Vol. 3. R. 1–6. (In Eng.).
19. Oxford Learner's Dictionaries. (Food porn). URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/food-porn?q=food+porn> (accessed 20.03.2023). (In Eng.).

**COMMUNICATION FAILURES IN THE STREET
ANNOUNCEMENT GENRE: A REGIONAL ASPECT**

Viktoria S. Barmina

4th year bachelor student of the Department of Philology,
Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia)

Nadezhda A. Likhanova

Scientific Supervisor, Ph.D. Philol. Sciences, Associate
Professor of Department of Philology, Novosibirsk State Technical
University (Novosibirsk, Russia)

Abstract

The article contains information about the linguistic landscape, where the source of formation is the genre of street announcements. The language material was collected in the city of Novosibirsk and thus represents a regional aspect. The paper deals with different types of communication failures, their manifestation in the texts of the street announcement genre. The relevance of the work is due to the fact that the urban environment affects the modern language situation in a multinational megalopolis. The street announcement genre appeared

В. С. Бармина, Н. А. Лиханова

in the 18th century, but only in the 21st century did it begin to be actively studied in the cities of Russia. In the city of Novosibirsk, street announcements are considered for the first time as a genre of communication. The purpose of the article is to identify and analyze the manifestation of communicative failures in the street announcement genre based on the language material collected in the city of Novosibirsk. The object of the study is the street announcement genre. The subject of the study is the description of communicative failures identified in the street announcement genre. The methods used in this research are linguistic observation, descriptive-analytical method, sampling, interpretation and analysis of the received regional material. The practical significance of this study lies in the fact that its materials can be used to form a card index on the modern language of the city, develop a methodology for analyzing the genre of street announcements, and identify the regional aspect. The paper concludes that the problem of communicative failures in the genre of street announcements is a common phenomenon in the urban environment. Communication failures do not allow the authors of the texts of street ads to fully convey information to the addressee. A further perspective of studying this issue may be related to the study of the reasons for the appearance of communicative failures in the genre of street announcements; the need to develop recommendations for the correct composition of the text of a street announcement in order to prevent communication failures.

Keywords: regional aspect, linguistic landscape, street announcement genre, communicative failures, pragmatics

Для цитирования: Бармина В. С., Лиханова Н. А. Коммуникативные неудачи в жанре уличного объявления: региональный аспект// Libri Magistri. 2023. № 3 (25). С. 43–56.

Поступила в редакцию 01.07.2023

ББК 81.411.2-36+81.432.1-36

УДК 811.161.1'42:398.92:811.111'42:398.92

Е. А. Воронич¹

ORCID: 0009-0006-1212-9356

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

246028, Беларусь, г. Гомель, ул. Советская, 104

kathy_voronich@mail.ru

Е. В. Ничипорчик²

ORCID: 0000-0002-1284-6236

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

246028, Беларусь, г. Гомель, ул. Советская, 104

evnich@gmail.com

УСТОЙЧИВЫЕ СОЧЕТАНИЯ С КОМПОНЕНТОМ *ИМЕТЬ* / *TO HAVE* В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Объектом исследования являются русские и английские устойчивые сочетания с компонентом *иметь / to have*, в состав которых входит субстантивный компонент с первичным предметным значением. В фокусе исследования находятся механизмы переосмысления компонентного состава таких сочетаний. Исследование нацелено на объяснение механизмов формирования переносного значения. Задачи исследования состоят в определении состава и первичной семантики субстантивных компонентов, фиксируемых в устойчивых сочетаниях с компонентом *иметь / to have*, в раскрытии мотивационных отношений, лежащих в основе переосмысления компонентного состава сочетаний, а также в сопоставительном анализе исследуемых единиц.

В результате проведенного исследования выявлено, что переносное значение русских и английских устойчивых сочетаний с компонентом *иметь / to have* формируется, как правило, на основе объяснимых ассоциаций между денотативной областью,

---

¹ Воронич Екатерина Александровна, студент, Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, г. Гомель, Беларусь.

² Ничипорчик Елена Владимировна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского, общего и славянского языкознания, Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, г. Гомель, Беларусь.

представляющей обозначаемое, и первичной денотативной областью вовлеченных в процесс номинации компонентов сочетаний. При этом отмечается взаимное влияние семантики компонентов в составе сочетаний на формирование значения выражения в целом.

Для анализируемых сочетаний в обоих языках характерно то, что субстантивные компоненты по своему исходному значению (некоторые – по одному из вторичных) являются наименованиями как артефактов, так и природных объектов. Выявлен ряд тождественных по структуре и семантике русских и английских устойчивых сочетаний с компонентом *иметь / to have*. Обнаружены схожие образы в разноструктурных русских и английских устойчивых сочетаниях, характеризующих человека по его умственным способностям.

Ключевые слова: устойчивые сочетания, глагольный компонент, субстантивный компонент, исходная семантика, вторичная семантика, ассоциативная связь

Введение

Согласно гипотезе Э. Сепира и Б. Уорфа, люди, воспитываясь в разных культурах, обладая разными языками и письменностью, по-разному воспринимают и интерпретируют окружающий их социальный и природный мир. По этой причине, исследуя способы упорядочивания социальных явлений носителями языков, относящихся к разным языковым группам, важно учитывать особенности культуры, национальной психологии и историческое прошлое стран, на территориях которых данные языки используются [1, 112].

Как русскоязычные, так и англоязычные устойчивые сочетания, отражая специфику языков, в которые они входят, являются в то же время по своей природе универсальными единицами – «в том смысле, что пронизывают весь и всякий естественный язык: всё человечество говорит конструкциями» [8, 22].

Конструкции, или единицы номинации «надлексемного уровня», по выражению М. В. Копотева и Т. И. Стексовой, являются своеобразной «точкой встречи языка и речи», так как то, что рождается в потоке речи порой как исключение из правила, может превратиться в своеобразный «шаблон», пополняющий словарь языкового коллектива [2, 47]. Семантика аналитических единиц номинации зачастую является мотивированной, т. е. значение сочетания может быть объяснено с опорой на семантику компонентного состава. Однако, согласно теории грамматики конструкций, это значение «не складывается непосредственно из значений составляющих единиц

и синтаксических связей между ними» [8, 22], а образуется посредством сложного взаимодействия множества свойств отдельных компонентов, в том числе взаимодействия их первичной семантики.

В данной статье исследуются русские и английские устойчивые сочетания с компонентом *иметь / to have*, в состав которых входит субстантивный компонент с первичным предметным значением. Исследование проводится с целью определения механизмов переосмысления компонентного состава таких сочетаний. Наблюдения касаются, в частности, закономерностей влияния исходной семантики именного компонента на формирование переносного значения устойчивых сочетаний.

Для отбора материала, его анализа и иллюстрации функционирования языковых единиц в речи были использованы следующие источники: фразеологический словарь русского литературного языка А. И. Федорова [13], толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова [12], большой толковый словарь русского языка С. А. Кузнецова [3], англо-русский словарь В. К. Мюллера [5], словарь современного американского сленга Р. А. Спирса [11], словарь американских идиом Р. А. Спирса [10], учебный словарь современного английского языка А. С. Хорнби [14], словарь английского языка П. Хэнкса [15] и Национальный корпус русского языка [6].

Исходное значение глаголов *иметь* и *to have* – «обладать, располагать кем-чем-н.» [12, 634–635], «иметь, обладать» [5, 356]. Однако при сочетании данных глаголов с рядом существительных, представляющих семантическую сферу «Предмет», каждый из компонентов образовавшейся конструкции частично утрачивает исходную семантику, а сама конструкция приобретает целостное переносное значение. Появление у сочетания переносного значения главным образом обусловлено метафоризацией компонентов, входящих в него. Метафоризация обычно связывается с аналогиями по сходству, лежащими в основе переноса наименований, трактуется в целом как «расширение смыслового объема слова за счет возникновения у него переносных значений и усиления его экспрессивных свойств» [7, 109].

Вслед за Г. Н. Скляревской под предметом мы будем понимать «всё бесконечное многообразие материальных объектов, доступных чувственному восприятию, имеющих пространственную локализацию, форму, способность двигаться, а также объекты невидимого мира и объекты, логически вычлняемые человеком, обозначающие вместилище, совокупность, часть целого и т. п.» [9, 67–68]. Анализ

семантики русских и английских устойчивых сочетаний с компонентом *иметь* и *to have* производится с опорой на описание семантики субстантивных компонентов. В основу семантической классификации субстантивных компонентов положена классификация лексики семантической сферы «Предмет», предложенная Г. Н. Складневской [9, 74–78].

1. Русские устойчивые сочетания с компонентом *иметь*

В русских устойчивых сочетаниях с компонентом *иметь* фиксируются субстантивные компоненты, первичное значение которых соотносимо с двумя тематическими разделами лексики, представляющей семантическую сферу «Предмет». Это лексика, обозначающая «Природные объекты» (1) и «Предметы, созданные человеком, используемые человеком» (2).

К первой тематической группе относится фиксируемый в составе анализируемых сочетаний компонент *корни*. Слово *корни* в системе языка в своем первичном значении представляет, по классификации Г. Н. Складневской, семантическую группу «Растения и их часть».

Сочетание *иметь корни* в русском языке имеет следующие значения:

1. 'Иметь происхождение'.

Вторичная семантика приобретает выражением по причине закрепления в сознании носителей языка ассоциаций типа: корни – исток, стебель и листья – нечто произрастающее; корни – предки, стебель и листья – потомки. Эти ассоциации широко проявляются во вторичной семантике слова *корни*, фиксируемого в составе иных устойчивых сочетаний (сравн.: *пустить корни* – 'прочно, надолго обосноваться где-л., начать жить оседло, на определенном месте' [4, 314]; *взрастать корнями* – 1) 'сильно привыкать, привязываться к чему-л.'; 2) 'закрепляться, оседать где-л.' [4, 314]; *уходить корнями* – 'иметь своим истоком что-л., быть связанным по происхождению с чем-л.') [4, 314]. Как корни растения берут начало в определенном месте под землей, так и происхождение каждого человека ведется из определенного места (населенного пункта), аналогично можно интерпретировать происхождение чего-либо, причинно-следственные связи явлений. Обязательным распространителем анализируемой структуры является относительное прилагательное либо предложно-падежная группа существительного с локативным значением:

Я как можно дружелюбней улыбнулся и откrestился от возможного греческого происхождения: сказал, что фамилия моя

похожа на греческую, но имеет литовские корни (Д. Н. Каралис. Дневник (2000)) [6];

Все премьеры Израиля имеют корни в России – если, конечно, считать в границах российской империи, в которой многие из них еще и родились (Русские премьеры Израиля. «Огонек», 2013) [6];

Мораль не автономна, а гетерономна, ибо трансцендентна, т. е. религиозна, ее санкция. Она имеет корни в религиозном сознании (С. Н. Булгаков. Свет невечерний (1916)) [6].

2. 'Иметь давность':

Метафорическое значение сочетание приобретает по причине возникновения в сознании носителей языка ассоциативных связей между возрастом и глубиной расположения корней. Обязательным является включение в состав сочетания прилагательного, указывающего вкупе с метафорически переосмысленным компонентом *корни* на давность временной локализации чего-либо: *Почитание, обожествление Николы в Москве имеет более глубокие корни* (Андрей Балдин. Московские праздные дни (1997)) [6].

Ко второй тематической группе относятся компоненты *туз* (в первичном значении соответствующее слово представляет семантическую группу «Предметы игр, развлечений и т. п.»), *деньги* (в первичном значении в системе языка слово *деньги* относится к семантической группе «Знаки»).

Иметь (припрятать, держать и т.п.) туз в рукаве – 'быть обладателем тайных преимуществ, аргументов и т.п.': *Еще один «туз в рукаве» сборной России – наш опытнейший прыгун с трамплина – Дмитрий Васильев* (К. Бойцов. Если завтра – война... олимпийская! Советский спорт, 2009.04) [6].

Сочетание *иметь туз в рукаве* характеризуется прозрачной мотивацией, так как в карточной игре туз является старшей картой, обладание которой ассоциируется с преимуществом. При переосмыслении сочетания наблюдается сдвиг в денотативной области: под тузом в рукаве понимается скрытое превосходство в любом деле.

Выражение *иметь деньги* – 'быть богатым' – употребляется в русской речи преимущественно в буквальном значении, однако это сочетание характеризуется и расширительным, переосмысленным значением. В сознании носителей языка факт наличия денег свидетельствует о хорошем достатке, то есть условие приравнивается к статусу, который достигается при этом условии: *Если что-то и получилось в «Заводе», то – может быть, не в масштабах государства или даже региона, или большого города, а отдельно*

взятой точки времени и пространства – предупреждение о том, что невнимание, циничное и пренебрежительное отношение к простым людям для тех, кто имеет деньги и власть, может сработать в обратную сторону («Народ не может противостоять силе, деньгам и власти»). lenta.ru, 2019.01) [6].

Отдельно рассмотрим устойчивое сочетание, в котором фиксируется субстантивный компонент, первичную семантику которого определить сложно, так как в системе языка соответствующее слово является полисемантом и отнесение его к лексике, представляющей семантическую сферу «Предмет», оказывается лишь частично оправданным. Таковым является компонент *место*.

Слово *место* примыкает к семантической сфере «Предмет» по вхождению в семантическую группу «Локально ограниченное пространство». Устойчивое сочетание *иметь место* употребляется в значении ‘случаться, происходить’ [13, 275] (сравн. аналогичное английское выражение *to take place* (‘to happen or occur’ (‘случаться или происходить’) [15, 1481])). Вторичная семантика приобретает сочетанием на основе сходства с буквальным значением свободного сочетания *иметь место* – находиться в ‘определённом пространстве, специально отведенном, предназначенном для кого-, чего-л. или обычно занимаемом кем-, чем-л.’ [3, 536]. В предложении, в составе которого фиксируется сочетание *иметь место*, используемое в первичном значении, грамматическим субъектом может быть наименование живого существа или предмета. При употреблении сочетания *иметь место* во вторичном значении в позиции подлежащего используются наименования явлений, событий и т. п.; сравн.: *Каждый плавучий дом имеет свое место (и официальный адрес!), мест этих по всей Голландии около 10 тыс., а новых больше не выделяется и выделяться не будет* (Недвижимость на якорь (2004). «Мир & Дом. Residence», 15.04.2004) [6]; *Событие это имело место 28 сентября нынешнего года* (Письмо молодой женщины подруге (2002)) [6].

2. Английские устойчивые сочетания с компонентом *to have*

В английских устойчивых сочетаниях с компонентом *to have* также фиксируются субстантивные компоненты, первичное значение (или несколько значений) которых можно соотнести с двумя тематическими разделами лексики, представляющей семантическую сферу «Предмет». Это лексика, обозначающая «Природные объекты» (1) и «Предметы, созданные человеком, используемые человеком» (2).

К первой тематической группе относятся фиксируемые в составе анализируемого сочетания компоненты *rocks* и *roots*.

Слово *rocks* (ед. ч. *rock* – ‘(US) = stone’ (‘(США) = камень’) [14, 556]) в своем первичном значении относится к семантической группе «Состав земной коры: вещества, минералы и т. п.».

Устойчивое сочетание *to have rocks in one's head* (буквально – иметь камни в своей голове) означает ‘to be silly or crazy’ (‘быть глупым или сумасшедшим’) [11, 174]: *You have rocks in your head!* (‘Ты с ума сошёл!’) [11, 174].

Вторичная семантика развивается, возможно, на основе контрастивных ассоциаций: образ камня (в обыденном сознании – твердой, инертной массы) возникает как антипод образа мозга, который, как известно, представляет собой мягкую, живую ткань. Подтверждает эту версию наличие в английском языке слова *rockhead* (буквально – *каменноголовой*, сравн. русское *твердолобый*), имеющего значение ‘someone who seems to have rocks in the head; a hardheaded or stubborn person’ (‘кто-то, у кого, кажется, есть камни в голове; твердолобый или упрямый человек’) [11, 311]. Иными словами, в английском языковом сознании образ камня в голове имеет укоренившуюся ассоциативную связь с отсутствием живости ума у человека, с неспособностью человека принимать или изменять решения.

Слово *roots* (ед. ч. *root* – ‘the part of a plant, tree etc which is normally in the soil and which takes water and food from it’ (‘часть растения, дерева и т.д., которая обычно находится в почве и берёт воду и пищу из неё’) [14, 558]; ‘корень’ [5, 655]) в первичном значении представляет семантическую группу «Растения и их часть».

Английское выражение *to have roots* так же, как и русское выражение *иметь корни*, может иметь несколько значений и характеризуется аналогичной мотивацией:

а) ‘иметь происхождение’.

Emiratis only make up around 15% of the population, with everyone else temporary residents who are in the country for work or be with family members who work, and this creates a transient society where people have no roots (‘Эмиратцы составляют всего 15% населения, остальные проживают в стране временно – по работе или в качестве членов семьи тех, кто приехал по работе; таким образом, общество, в котором есть люди без корней, получается зыбким’) (Louise Redvers. Will this be the happiest place in the world (www.bbc.com) (2016)). Станет ли эта страна самой счастливой в мире? www.bbc.com/russian/vert-cap-37287011 (bbc.com) [6].

б) ‘иметь давность’.

The idea that intelligent life could be common in the universe has ancient roots ('Идея о том, что разумная жизнь может быть обычным явлением во Вселенной, имеет древние корни') (Howard A. Smith. Does Science Suggest Humans Have a Cosmic Role? (cosmos.nautil.us) (2016) | Наука говорит об особенной роли человека во Вселенной? (inosmi.ru)) [6].

Ко второй тематической группе относятся следующие компоненты:

– *ace* ('the one on dice, playing-cards, etc; card so marked' ('тот, что на игральных костях, картах и т.д.; карта с такой маркировкой')) [14, 6]; карт. 'туз' [5, 20]); в первичном значении соответствующее слово представляет семантическую группу «Предметы игр, развлечений и т. п.»;

– *blimp* ('a small nonrigid airship, esp. one used for observation or as a barrage balloon' ('небольшой нежёсткий дирижабль, в особенности используемый для наблюдения или в качестве воздушного шара')) [15, 156]); в первичном значении слово *blimp* относится к семантической группе «Устройства, приспособления, механизмы и их части»;

– *fuse* ('tube, cord, etc for carrying a spark to explode powder, etc, eg in a firework, bomb' ('трубка, шнур, и т. д. для переноса искры, чтобы взорвать порох, и т. д., например, в фейерверке, бомбе')) [14, 253]); в первичном значении в системе языка слово *fuse* также относится к семантической группе «Устройства, приспособления, механизмы и их части»;

– *money* ('coins stamped from metal or printed on paper and accepted when buying and selling, etc' ('монеты, штампованные из металла или напечатанные на бумаге и принимаемые при покупке и продаже, и т. д.')) [14, 402]); в первичном значении слово *money* представляет семантическую группу «Знаки»;

– *screw* ('metal peg with slotted head and spiral groove cut round its length, driven into wood, metal etc by twisting under pressure, for fastening and holding things together' ('металлический стержень с щелевой головкой и спиральной канавкой, нарезанной по всей его длине, введённый в дерево, металл и т. д. путём скручивания под давлением, для скрепления и удержания вещей вместе')) [14, 579]; 'винт; болт, шуруп; гайка' [5, 675]); в первичном значении в системе языка слово *screw* относится к семантической группе «Устройства, приспособления, механизмы и их части».

Английское выражение *to have an ace up one's sleeve* (буквально – иметь туз в рукаве) – 'to have something useful in reserve; to have a special trick available' ('иметь в запасе что-то полезное; иметь особый

трук») [11, 173] – аналогично по семантике и по мотивационной основе русскому выражению *иметь (припрятать, держать и т.н) туз в рукаве: I still have an ace up my sleeve that you don't know about* ('У меня всё ещё есть преимущество, о котором ты не знаешь') [11, 173].

При употреблении сочетания *have an ace up my sleeve* в буквальном значении речь идет о жульничестве в карточной игре ('refers to being prepared to cheat in a card game' ('означает готовность жульничать в карточной игре') [10, 178]), и сочетание в целом характеризуется негативной коннотацией. Переосмысленное сочетание при употреблении в речи может характеризоваться положительной семантикой: *I think that Liz has an ace up her sleeve and will surprise us with success at the last minute* ('Думаю, что у Лиз есть тайное преимущество и она удивит нас успехом в последнюю минуту') [10, 178].

Выражение *Have a blimp!* (буквально – Имей дирижабль!) используется в значении 'Have a good year!' ('Хорошего / удачного года! ') [11, 172], обычно при прощании на определенённый (часто – длительный) период: *Have a blimp! See you next summer* ('Хорошего / удачного года! Увидимся следующим летом') [11, 172].

Данное выражение имеет связь с надписью «*Have a good year!*» ('Хорошего / удачного года!') на мягком дирижабле (*blimp*) от компании «Goodyear Tyre and Rubber», изготавливающей резину и каучук. Дирижабль использовался компанией для рекламирования собственной продукции. Выражение приобрело переносное значение по причине закрепления в сознании людей ассоциативной связи между дирижаблем и надписью на нём.

Устойчивое сочетание *to have a short fuse* (буквально – иметь короткий фитиль) используется по отношению к тому, кто склонен 'to be easy to anger' – 'легко выходить из себя' [11, 173].

Вторичная семантика у сочетания развивается на основе ассоциативной связи между человеком, который быстро и неожиданно выходит из себя, и взрывчатым предметом с фитилем небольшой длины. Так, петарды или динамит с коротким фитилем иногда взрываются быстро или даже преждевременно. Иными словами, вспышка гнева ассоциируется англоговорящими людьми со взрывом динамита или петарды: *He's got (has got) a short fuse, so watch out* ('Его легко разозлить, так что будь осторожен') [11, 173].

Устойчивое сочетание *to have money to burn* (буквально – иметь деньги, чтобы сжечь) – 'to have lots of money; to have more money than one needs' ('иметь много денег; иметь больше денег, чем нужно') [10, 183] – близко по значению русскому выражению *иметь деньги*. Сочетание используется для выражения оценочного отношения

к бессмысленным тратам денег: *Look at the way Tom buys things. You'd think he had money to burn. If I had money to burn, I'd just put it in the bank* ('Посмотрите, как Том покупает вещи. Вы бы подумали, что у него больше денег, чем нужно. Будь у меня много денег, я бы просто положил их в банк') [10, 183].

Интересно английское выражение *to have a loose screw* (буквально – иметь ослабленный / незакрепленный винт (болт, шуруп, гайку); иметь потерянный винт (не иметь винта)) употребляется в значении 'to be silly or eccentric' ('быть глупым или эксцентричным') [11, 173]. Близким по семантике является русское выражение *винтов (винтиков) не хватает* у кого-либо ('о слабоумном, глупом человеке; о человеке со странностями' [4, 88]).

Переосмысление английского сочетания *to have a loose screw* происходит на основе ассоциативной связи между приспособлением или прибором с незакрепленным или отсутствующим винтом (подразумевается, что расшатанный / отсутствующий винт может стать причиной неисправности или временного неправильного функционирования прибора) и человеком, поведение которого является странным, выходит за рамки общепринятого: *He's sort of strange. I think he's got (has got) a loose screw* ('Он какой-то странный. Кажется, у него крыша поехала') [11, 173].

Отдельно следует рассмотреть устойчивое сочетание, в котором фиксируется субстантивный компонент *marbles*. Значение слова *marble* – 'small ball of coloured glass used in games played by children' ('маленький шар из цветного стекла, используемый в играх для детей') [14, 380]) – является вторичным. Однако именно это значение легло в основу создания образа, связанного с оценкой интеллектуальных способностей человека.

Устойчивое сочетание *to have all one's marbles* употребляется в значении 'to have all one's mental faculties; to be mentally sound' ('иметь умственные способности; быть психически здоровым') [11, 173]: *I don't think he has all his marbles* ('Не думаю, что он в своём уме') [11, 173].

Интересно, что и в русском языке есть выражение, в котором используется аналогичный образ для оценки интеллектуальных способностей, – *шарики крутятся (шевелятся)* у кого-либо ('о сообразительном, догадливом человеке'), есть и контрастное по семантике русское выражение *шарики за ролики заходят* у кого-либо – 1) 'кому-либо трудно понять, осмыслить что-либо; 2) 'о крайне глупом, неразумном человеке'; 3) 'о психически ненормальном человеке' [4, 748]. Буквальный перевод английского устойчивого сочетания *to have all one's marbles* – 'иметь все свои марблс (шарики)'.

Обратим внимание, что компонент *marbles* используется в сочетании с *all one's*, то есть подчеркивается комплектность или большое количество «шариков» как необходимое условие для вынесения положительной оценки. Как известно, в детских играх с шариками, носящих общее название «Marbles» («Марблс»), победителем становится тот, кто выигрывает все шарики.

Заключение

Итак, анализ русских и английских сочетаний, в составе которых отмечается соединение глагольного компонента *иметь / to have* с субстантивным компонентом, по исходному значению представляющим семантическую сферу «Предмет», показал, что переносное значение у этих устойчивых сочетаний формируется, как правило, на основе объяснимых ассоциаций между денотативной областью, представляющей обозначаемое, и первичной денотативной областью вовлеченных в процесс номинации компонентов сочетаний. При этом отмечается взаимное влияние семантики компонентов в составе сочетаний на формирование значения выражения в целом.

Выявлен ряд тождественных по структуре и семантике русских и английских устойчивых сочетаний с компонентом *иметь / to have*: *иметь муз в рукаве* и *to have an ace up one's sleeve*, *иметь корни* и *to have roots*, *иметь деньги* и *to have money to burn*. Русскому выражению *иметь место* соответствует английское выражение с иным глагольным компонентом *to take place*. Обнаружены схожие образы в устойчивых сочетаниях, характеризующих человека по его умственным способностям: английскому выражению *to have a loose screw* соответствуют русское выражение с иной структурой *винтов (винтиков) не хватает*, то же самое можно сказать о соответствиях *to have all one's marbles* и *шарики крутятся (шевелиются)*. Отсутствие аналога у английского устойчивого сочетания *have a blimp*, используемого как пожелание удачного года, объясняется этнической маркированностью образа дирижабля с соответствующей рекламой фирмы.

Список источников

1. Звегинцев В. А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира–Уорфа // Новое в лингвистике / ред. В. А. Звегинцев. пер. В. А. Звегинцев. Москва: Изд-во иностр. лит., 1960. Вып. 1. Метод глоттохронологии. Гипотеза Сепира–Уорфа. Глоссематика. Ч. 1. С. 111–134.
2. Копотев М. В., Стексова Т. И. Исключение как правило. Переходные единицы в грамматике и словаре. Москва: Языки славянской культуры: Рукописные памятники Древней Руси, 2016. 168 с.

3. Кузнецов С. А. Место / Большой толковый словарь русского языка: [БТС: А-Я] / гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. С. 536.
4. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 784 с.
5. Мюллер В. К. Англо-русский словарь: 70000 слов и выражений. Изд. 14-е, стереотип. / сост. проф. В. К. Мюллер. Отв. ред. Е. Б. Черкасская. Москва: Советская Энциклопедия, 1969. 912 с.
6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 07.05.2023).
7. Нелюбин Л. Л. Метафоризация / Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. Москва: Флинта: Наука, 2003. С. 109.
8. Рахилина Е. В. Конструкции в Грамматике конструкций // Лингвистика конструкций / отв. ред. Е. В. Рахилина. Москва: Издательский центр «Азбуковник», 2010. С. 19–24.
9. Складаревская Г. Н. Классификация денотатов, вовлечённых в метафорический процесс. Семантическая сфера предмет // Складаревская Г. Н. Метафора в системе языка / отв. ред. Д. Н. Шмелев. Санкт-Петербург: Наука, 1993. С. 67–71.
10. Спирс Р. А. Словарь американских идиом: наиболее практичный справочник повседневных выражений современного американского английского языка. 3-е изд. Нью-Йорк: МакГроу-Хилл, 2000. 625 с.
11. Спирс Р. А. Словарь американского сленга. Специальное издание. Москва: Русский язык, 1991. 528 с.
12. Ушаков Д. Н. Иметь // Толковый словарь русского языка в 4 т. Т. 1: А – Кюрины. / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935. С. 634–635.
13. Фёдоров А. И. Иметь место // Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. Москва: Астрель: АСТ, 2008. С. 275.
14. Хорнби А. С. Учебный словарь современного английского языка. Специальное издание для СССР / при участии Кристины Руз. Москва: Просвещение, 1983. 769 с.
15. Хэнкс П. Словарь английского языка. Лондон и Глазго: Коллинз, 1979. 1690 с.

REFERENCES

1. Zvegincev V. A. Teoretiko-lingvis`ticheskiye predposylki gipotezy Sepira–Uorfa [Theoretical and linguistic background of Sapir-

Whorf hypothesis] // Novoye v lingvistike [New knowledge in linguistics] / red. V. A. Zvegincev. Per. V. A. Zvegincev. Moscow: Izd. inostr. lit. 1960. Vyp. 1. Metod glottohronologii. Gipoteza Sepira–Uorfa. Glossematika [Glottochronology method. Sepir-Wharf hypothesis. Glossimatic]. Ch. 1. P. 464. (In Russ.).

2. Kopotev M.V., Steksova T. I. Isklyuchenie kak pravilo. Perekhodnye edinicy v grammatike i slovare [Exception is as a rule. Transition units in grammar and vocabulary.]. Moscow: YAzyki slavyanskoj kul'tury: Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi, 2016. 168 p. (In Russ.).

3. Kuznecov S. A. Mesto [A place] / Bolsho`j tolkovy`j slovar` russkogo yazyka [The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language] [BTS: A–Ya] / gl. red. S. A. Kuznecov. St. Petersburg: Norint, 2000. P. 536. (In Russ.).

4. Mokienko V. M., Nikitina T. G. Bol'shoj slovar' russkikh pogovorok [The Great dictionary of Russian proverbs]. Moscow: OLMA Media Grupp, 2008. 784 p. (In Russ.).

5. Müller V. K. English-russian dictionary: 70000 entries. Fourteenth stereotype edition / by Prof. V. K. Müller. Execut. edit. E. B. Cherkasskaya. Moscow: Soviet encyclopaedia, 1969. 912 p. (In Russ.).

6. Nacionalny`j korpus russkogo yazyka [The Russian National Corpus] [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed 7.05.2023). (In Russ.).

7. Nelyubin L. L. Metaforizaciya [metaphorisation] / Tolkovy`j perevodovedcheskij slovar` [Explanatory Translator's Dictionary]. 3 izd., pererab. Moscow: Flinta: Nauka, 2003. P. 109. (In Russ.).

8. Rahilina E. V. Konstrukcii v Grammatike konstrukcij [Constructions in Construction Grammar] / Lingvistika konstrukcij [Construction Grammar] / otv. red. E. V. Rahilina. Moscow: Izdatel'skij centr «Azbukovnik», 2010. Pp. 19–24. (In Russ.).

9. Sklyarevskaya G. N. Klassifikaciya denotatov, vovlechyonyh v metaforicheskij process. Semanticheskaya sfera predmet [Classification of denotates involved in the metaphorical process. Semantic sphere subject] / Metafora v sisteme yazyka [Metaphor in the language system] / otv. red. D. N. Shmelyov. St. Petersburg: Nauka, 1993. Pp. 67–71. (In Russ.).

10. Spears Richard A. NTC'S American Idioms Dictionary: The Most Practical Reference for the Everyday Expressions of Contemporary American English. Third edition. NY: The McGraw-Hill Companies, 2000. 625 p. (In Russ.).

11. Spears Richard A. NTC's Dictionary of American slang and Colloquial expressions. Special edition. Moscow: Russkij yazyk [Russian language], 1991. 528 p. (In Russ.).

12. Ushakov D. N. Imet' [To have] / Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Russian Language] v 4 t. T. 1: A – Kyuriny. / Pod red. prof. D. N. Ushakova. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej [State Publishing House of Foreign and National Dictionaries], 1935. Pp. 634–635. (In Russ.).

13. Fyodorov A. I. Imet' mesto [To have a place / to take place] / Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo yazyka [Phraseological Dictionary of Russian Literary Language]: ok. 13 000 frazeologicheskikh edinic. 3-e izd., ispr. Moscow: Astrel': АСТ, 2008. P. 275. (In Russ.).

14. Hornby A. S. Oxford student's dictionary of current English. Special edition for USSR / with the assistance of Christina Ruse. Moscow: Prosveshcheniye, 1983. 769 p. (In Russ.).

15. Hanks P. Collins Dictionary of the English language. London & Glasgow: Collins, 1979. 1690 p. (In Russ.).

STEADY COMBINATIONS WITH A COMPONENT *ИМЕТЬ* / *TO HAVE* IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

Ekaterina A. Voronich

Student, Francisk Scorina Gomel State University

(Gomel, Belarus)

Elena V. Nichiporchik

Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor,

Head of the Department of Russian, General and Slavic Linguistics,

Francisk Scorina Gomel State University

(Gomel, Belarus)

Abstract

The object of the study is Russian and English steady combinations with the component *иметь* / *to have*, which include a nominal component with primary object semantics. The focus of the study is on the mechanisms of the rethinking the component composition of such combinations. The study aims to explain the mechanisms of formation of figurative meaning. The study tasks are to determine the composition and primary semantics of the nominal components, fixed in steady combinations with the component *иметь* / *to have*, reveal the motivational relationships underlying the rethinking of the component composition of combinations, as well as carry out a comparative analysis of the studied units.

The study revealed that the figurative meaning of Russian and English steady combinations with the component *иметь* / *to have* is formed, as a rule, on the basis of explainable associations between the denotative area representing the denoted and the primary denotative area of the components involved in the nomination process. The mutual

influence of semantics of the components in the combinations on the formation of the expression meaning as a whole is noted.

The combinations analyzed in both languages are characterized by the fact that the nominal components have their primary semantics (some of them – one of the secondary semantics) as the names of both artifacts and natural objects. A number of Russian and English steady combinations with the component *иметь / to have*, which have identical structure and semantics, were identified. Similar images have been found in multi-structural Russian and English steady combinations characterizing a person by their mental abilities.

Keywords: Steady Combinations, Verbal Component, Nominal Component, Primary Semantics, Secondary Semantics, Associative Connections

Для цитирования: Воронич Е. А., Ничипорчик Е. В. Устойчивые сочетания с компонентом *иметь / to have* в русском и английском языках // Libri Magistri. 2023. № 3 (25). С. 57–71.

Поступила в редакцию 11.06.2023

К. А. Воронцова, А. С. Мандруева

ББК 81.19
УДК 377:378

К. А. Воронцова¹

ORCID: 0009-0001-8987-7911

Южный федеральный университет

344006, Россия. Г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42

kvoroncova@sfedu.ru

А. С. Мандруева²

ORCID: 0009-0003-1672-2358

Южный федеральный университет

344006, Россия. Г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42

mandrueva@sfedu.ru

Научный руководитель – Л. Б. Савенкова³

ORCID: 0000-0002-2637-679X

Южный федеральный университет

344006, Россия. Г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42

savenkova@sfedu.ru

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ «СТУДЕНТ СТУДЕНТА ЛУЧШЕ ПОЙМЁТ»: МАКРО- И МИКРОСТРУКТУРА СЛОВАРЯ И ЦЕЛЕВАЯ АУДИТОРИЯ КАК ИНДИКАТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОДУКТА

Предмет данного исследования – осмысление подходов к созданию электронного лексикографического продукта для студентов-иностранцев, который предназначен для самостоятельного использования ими и обеспечивает мотивированное пополнение лексического запаса без привлечения преподавателя.

Цель сообщения – изложить представления о рациональной макро- и микроструктуре базового словаря для инофонов, к которым

---

¹ Воронцова Катерина Александровна, студентка-филолог, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, Россия.

² Мандруева Алина Сергеевна, студентка-филолог, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, Россия.

³ Савенкова Людмила Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, Россия.

пришли участники студенческого проекта «Студент студента лучше поймет», разрабатываемого в Южном федеральном университете.

Основные методы исследования – структурно-логический, дефиниционный, лексикографический, метод анализа лексико-тематических групп, лингводидактический.

Основные результаты исследования заключаются в выявлении четырех принципов, которые представляются релевантными для разработки макро- и микро-структуры словаря названного типа: 1) соотнесенность словника с уровнем обучения инофонов, которая должна обеспечить не только адекватность самого перечня изучаемых лексических единиц, но и способствовать пониманию целевой аудиторией толкования осваиваемых единиц; 2) опора на тематическое расслоение лексики, что должно помочь в систематизации изучаемого материала в сознании инофона; 3) минимизация содержания каждого слота, обеспечивающая поддержание интереса у обучающегося и не вызывающая излишнего утомления материалом при его восприятии; 4) соединение в микроструктуре словаря поликодовой подачи материала: толкование должно осуществляться не только в вербальной (графической и аудиальной), но и в визуальной форме.

Новизна исследования заключается в обращении к созданию мультимедийного лексикографического источника как бифункционального средства обучения. С одной стороны, он предназначен для внедрения в образовательный процесс инофонов, а с другой – помогает участникам проекта осваивать теорию лексикографии и приобретать умения и навыки разработки лексикографической продукции. Практическая значимость работы видится в возможности использования ее в лексикографической практике и на занятиях по современному русскому языку в русскоязычной филологической аудитории.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, толковый словарь-самоучитель, макроструктура, целевая аудитория

1. Введение. Мультимедийные презентации стали одним из самых популярных [3, 499] и эффективных инструментов преподавания русского языка как иностранного благодаря своим неоспоримым преимуществам: наглядности, интерактивности, информационной емкости, компактности и мобильности, эмоциональной привлекательности [2, 308]. В основном презентации используются непосредственно на занятиях в аудитории и составляются самими преподавателями, отмечается их крайняя полезность именно в аспекте коммуникативно-личностного подхода

к обучению [6, 77]. К презентациям активно обращаются для демонстрации нового учебного материала, для освещения культурологических и страноведческих тем, для изучения фонетики [5]. Наряду с этим разработка презентации предлагается в качестве задания для самостоятельной подготовки. Мультимедийная презентация, таким образом, может быть использована уже на начальном этапе обучения языку, причем на всех уровнях [4].

Особенно популярны презентации как инструмент освоения нового лексического материала. Чаще всего это происходит следующим образом: один слайд представляет собой карточку одного слова, дается иллюстративный материал, микротекст (графический облик слова) и аудиосопровождение (на слайд добавляется аудиофайл, или текст озвучивает непосредственно преподаватель) [3, 500]. В конце занятия может проводиться тестирование (также при помощи презентации). Такой подход к освоению лексического материала привлекателен тем, что при его использовании, во-первых, улучшается усвоение и запоминание новых слов обучающимися за счет одновременного задействования разных каналов восприятия информации [3, 500], а во-вторых, происходит систематизация новых лексических единиц [4]. Структура таких презентаций-словарей может быть усложнена. Например, лексика может быть представлена не только изолированно, но и в контексте, «в ситуативно связанном предложении» [4], что способствует лучшему закреплению материала. При дальнейшей работе такие презентации-словари могут быть использованы в качестве подспорья, например, для создания обучающимися монологических или диалогических высказываний [4]. Неоспоримое преимущество именно словарей-презентаций в том, что они прекрасно подходят не только для использования преподавателем в аудитории, но и для самостоятельного освоения и закрепления информации.

2. Цель исследования. Представляется важным совершенствовать работу по созданию презентаций лексикографического характера, вовлекая в процесс их создания не только взрослых, состоявшихся специалистов, но и тех, кто только входит в научное освоение лингвистики. Поэтому имеет смысл поделиться тем скромным опытом, который приобрела группа первокурсников-филологов в рамках лексикографического проекта по разработке мультимедийного пособия для инофонов. В настоящем сообщении предпринимается попытка осмысления макроструктуры этого пособия.

3. *Обоснование целесообразности разработки лексикографического проекта силами студентов.*

Лексикографический проект «Студент студента лучше поймет» направлен на создание особого типа презентаций для освоения лексического материала – слотов словаря-самоучителя для инофонов. Фундаментальным отличием от существующих пособий подобного рода является то, что презентации создаются не преподавателем, а студентами. Благодаря такому подходу возникает ряд преимуществ. Во-первых, сверстники в принципе лучше понимают друг друга, а значит могут доступнее объяснить новый материал, прибегая к ассоциациям, понятным людям одного поколения. Во-вторых, работающие над проектом студенты сами находятся в положении изучающих иностранный язык, проблемы, с которыми могут столкнуться студенты, изучающие русский язык как иностранный, им близки и понятны в интроспективном плане, а не в результативном, как это видится преподавателям. В-третьих, над каждым слотом словаря-самоучителя, то есть над отдельной презентацией, работает не один человек, а команда, поэтому презентации получаются более сложными, креативными. Студентам на выполнение проекта дается достаточное количество времени, чтобы провести основательную работу. Участники в команду подбираются таким образом, что в них непременно оказываются люди с различными творческими склонностями. Это помогает сделать презентацию креативной, неповторимой, что в итоге помогает заинтересовать целевую аудиторию. В-третьих, такой формат работы способствует двустороннему обучению. Для создания качественной презентации участникам проекта необходимо как можно лучше овладеть соответствующими темами из разделов «Лексикология», «Лексикография», «Фонетика», вникнуть в принципы составления толкования, научиться правильно транскрибировать и т. д. Кроме того, изученный материал сразу применяется на практике, а значит усваивается еще лучше.

4. *Макроструктура словаря-самоучителя.* Особенность словаря-самоучителя – в его составе и структуре.

Состав лексики, с которой инофон может знакомиться самостоятельно, должен соотноситься с тем уровнем языка, который осваивает обучающийся. Важным (хотя и трудно достигаемым) условием является оперирование в подобном словаре единицами, которые не выходят за рамки лексики, изучаемой иностранцем. Это касается не только самого материала, включаемого в словарь в ранге заголовочного, но и тех слов, с помощью которых дается толкование.

Здесь есть несколько аспектов, которые необходимо учитывать.

Во-первых, студентам, которые впервые работают над подобным проектом, стоит выбирать базовый или средний уровень владения языком. С одной стороны, слова из соответствующего ему лексического минимума будут полезны большему числу изучающих русский язык как иностранный. С другой стороны, студентам, не имеющим опыта, будет проще работать с ними.

Во-вторых, тематический блок слов, по нашему мнению, должен включать конкретную лексику, которая может толковаться не только вербально, а и с помощью разнообразных мультимедийных компонентов, например: фото-, видео-или аудиоматериалами. Таким образом, с одной стороны, можно воздействовать на познающее сознание через разные каналы, а с другой – компенсировать недостаток опыта в толковании слов у студентов. В целом участники проекта пришли к мысли о том, что в данном пособии, как и при работе с обучением русскому языку на начальном уровне, слова необходимо объяснять различными способами [1, 166].

В-третьих, пятерка конкретных слов, которые попадут в словарь-самоучитель, должна содержать самые необходимые для иностранцев слова из всего представленного в тематическом блоке списка.

Эти критерии выведены, исходя из опыта работы над проектом студентов первого курса профиля «Отечественная филология» Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ЮФУ, который показал, что с наименьшими трудностями столкнулись команды, которые при выборе тем и слов руководствовались не личными предпочтениями, а были уверены в том, что смогут корректно выполнить работу и её результаты будут полезны большей части целевой аудитории.

По структуре словарь состоит из отдельных слотов, каждый из которых отражает отдельную тему, изучаемую на определенном уровне освоения русского языка как иностранного. Поскольку такой словарь может быть постоянно пополняемым, со временем в нем может возникнуть множество тематических объединений, каждое из которых по-прежнему мыслится как отдельный самодостаточный слот информации.

Словарь предназначается для самостоятельной работы обучающихся, поэтому его слоты должны быть минимизированными, чтобы они усваивались без напряжения.

Словарь принципиально не должен иметь единого оформления. Разнообразии презентаций повышает интерес к каждому осваиваемому слоту, ибо не вызывает привыкания.

5. *Микроструктура словаря-самоучителя.* Поскольку рассматриваемый здесь лексикографический проект находится в начальной стадии, имеет смысл описать, чем и как заполнялся каждый слот. Каждая презентация в разработанном фрагменте словаря-самоучителя была посвящена определенному тематическому разделу из лексического минимума выбранного уровня изучения русского языка (B1) и включала в себя пять конкретных слов. Презентация строилась на системе гиперссылок – в начало выводился слайд с перечнем всех слов, содержащихся в данном слоте словаря-самоучителя. Пользователь может кликнуть на интересующее его слово и перейти на слайд с индивидуальной карточкой, где содержится иллюстративный материал (фото или картинка, сделанные участниками команды), толкование, составленное участником проекта, и транскрипция. Объяснять слова можно разными способами: при помощи иллюстративного материала, абстрагирующего-уточняющего толкования, привлечения синонимов или антонимов. По дополнительным гиперссылкам пользователь может перейти на слайды с видео- и аудиоматериалами (они могут быть либо размещены в облачном хранилище, либо доступны по ссылке в самой презентации). На слайде с аудиоматериалами размещаются аудиозаписи предложения, в котором употребляется изучаемое слово. Всего аудиозаписей четыре: женский голос с четким медленным произношением, женский голос с обычным произношением и их аналоги, озвученные мужским голосом. Также дается графическая запись озвученного предложения (она, например, может быть скрыта и появляться по нажатию на специальный символ, таким образом обучающимся предоставляется возможность потренировать навык аудирования). На слайде с видеоматериалами размещается видеозапись диалога, составленного участниками команды, в котором употребляется изучаемое слово. Видео записывается и монтируется тоже участниками команды. В каждой презентации находится раздел с упражнениями, которые участники команды составляют самостоятельно. Правильность выполнения можно проверить тут же, для этого достаточно кликнуть на кнопку «проверить» и запустить привязанную к ней анимацию. В раздел с упражнениями можно перейти со слайда со списком слов, после ознакомления со всей презентацией или после завершения изучения отдельного слова. Важно ещё раз подчеркнуть, что работающим над проектом студентам дается полная творческая свобода в рамках поставленной задачи, поэтому организация и оформление содержания словарей-самоучителей могут различаться.

В статье И. Н. Курлович, Ж. А. Зуб отмечается, что для эффективного усвоения новой лексики, учащийся должен: «1. Услышать новое слово в составе элементарного предложения; 2. Понять значение этого слова, увидев предмет или рисунок с его изображением, услышав перевод или толкование; 3. Произнести отдельное новое слово; 4. Прочитать это новое слово; 5. Записать новое слово и его значение; 6. Услышать это слово в составе 2–3 предложений; 7. Применить новое слово самому в составе предложений» [1, 166]. Словарь-самоучитель таким образом обеспечивает соблюдение пяти из семи пунктов – за пользователем остается произнесение и написание слова.

6. Целевая аудитория как индикатор эффективности проекта. Конечно же, одной из главных задач участников команды при составлении словаря-самоучителя является проверка продукта на целевой аудитории. Для того, чтобы выяснить, как воспримут лексикографическое пособие иностранные студенты, был проведен их опрос, сопровождавший демонстрацию разрабатываемых слотов словаря. Подобная информация может оказаться ценной не только для обнаружения мест несоответствия или нехватки материала, но и для выдвижения новых гипотез или для корректировки каких-либо отдельных частей проекта.

Чтобы результаты интервью можно было использовать для анализа, необходимо тщательно изучить целевую аудиторию и правильно ее подобрать. Конечно же, опрашиваемыми были те студенты, для которых русский язык является изучаемым предметом и которым интересно дальнейшее освоение его, то есть иностранцы.

Так как материалы исследования были подобраны для людей, владеющих русским языком на уровне В1 (это именно тот уровень языка, которого вполне достаточно для взаимодействия с окружающими и понимания их в чужой стране), то и интервьюеров команда искала тех, которые знают русский язык на данном уровне. Было опрошено тридцать иностранцев следующих национальностей: китайцы, эквадорцы, туркмены, корейцы. Критерии отбора участников интервью были следующими: команда выбирала студентов Южного Федерального университета, владеющих русским на уровне В1, а также заинтересованных в дальнейшем изучении данного языка. Для того, чтобы можно было сравнить результаты и сделать больше практических выводов, которые помогли бы скорректировать какие-то части проекта или исправить неточности, участники проекта брали интервью у иностранцев, обучающихся филологии, журналистике, истории, географии, геологии, математике.

Проведение интервью осуществлялось в течение месяца. Изначально было опрошено пятнадцать респондентов, которым предложили так называемый тестовый вариант разработанного фрагмента словаря-самоучителя. По результатам этих первых интервью участники команды сделали некоторые выводы: многие упражнения включали в себя либо предложения с достаточно сложными синтаксическими конструкциями, которые были непонятны иностранцам, либо лексику, которая не соответствовала уровню B1 и потому была бы уместна только для обучающихся более высоких сертификационных уровней. Вдобавок ко всему, некоторые фото-, аудио- и видеоматериалы оказались неясны для опрашиваемых, так как либо звукозапись была некачественной (проявились фоновые помехи технического характера, ветер, шум улицы), либо в кадре оказалось слишком много деталей, усложняющих понимание того, с каким именно предметом следует связать слово.

Анализ результатов интервьюирования вышеупомянутых пятнадцати студентов помог участникам команды выявить недочеты в работе. После корректировки презентаций аналогичный эксперимент был проведен с участием других пятнадцати иностранцев. На этот раз результат оказался положительным: 93% интервьюируемых смогло усвоить материал, представленный в презентации, а также верно выполнить практические упражнения. В ходе второго интервью ни у кого из опрашиваемых не возникло вопросов, хотя нескольким людям понадобилось немного больше времени на выполнение упражнений, чем остальным. Это было связано с тем, что они недавно прибыли в Россию и им было достаточно тяжело адаптироваться к полисубъектной коммуникации – воспринимать речь многих разных носителей русского языка, а не ограниченного числа знакомых преподавателей. Но, по словам многих опрашиваемых, у которых возникли такие трудности, наш проект может им помочь в будущем при изучении русского языка.

Для того чтобы можно было оценить проделанную работу, участники команды попросили иностранцев оставить отзывы: рассказать о том, что именно понравилось, где возникли проблемы и сложности и какие части проекта оказались непонятны. Все интервьюируемые были довольны, и некоторые даже пожелали получить доступ к такому словарю-самоучителю. Больше всего студентам понравились фотографии и видео, которые были исправлены и получились наглядными, что дало возможность респондентам намного лучше усвоить информацию. Даже несмотря на то, что участники первого опроса не смогли справиться

с практическими заданиями, они все равно положительно отозвались о нашем словаре-самоучителе. В измененной части проекта у респондентов не возникло никаких проблем с пониманием, так как были исправлены прошлые ошибки: участники команды упростили конструкции предложений и заменили слова, которые не входили в лексический минимум сертификационного уровня В1, на лексику, соответствующую данному уровню.

7. Заключение. Участие группы первокурсников-филологов в работе над проектом «Студент студента лучше поймет» позволило им на базе собственного практического опыта создания фрагментов базового словаря-самоучителя для иностранцев выработать целесообразные требования к макроструктуре такого лексикографического источника. Важными оказались принципы соотношения словника с уровнем обучения целевой аудитории, минимизации материала для заполнения отдельных слотов, формируемых на тематической основе, соединения вербального и невербальных (визуальных и аудиальных) компонентов семантизации изучаемых лексических единиц. Опрос целевой аудитории проекта позволил осуществить обратную связь с адресатом и показал продуктивность идеи создания словаря-самоучителя как одного из эффективных инструментов самостоятельного освоения иностранцами русской лексики, пробуждающего интерес и у обучающихся инофонов, и у русскоязычных студентов, которые выступают в качестве субъектов обучения уже в начале собственного образовательного процесса.

Список источников

1. Курлович И. Н., Зуб Ж. А. К вопросу об эффективности усвоении лексического минимума на занятиях РКИ // Иностранные языки в вузе и школе: Сб. статей, Витебск, 21–22 апреля 2017 года / Под общ. ред. С. В. Николаенко, Л. М. Вардомацкого. Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2017. С. 165–167.
2. Муллинова О. А., Муллинова Т. А. Использование мультимедийных презентаций на занятиях по русскому языку как иностранному // Современная парадигма преподавания и изучения русского языка как иностранного: материалы междунар. науч.-практ. конф., Москва, 15–16 февраля 2019 года / Под общ. ред. С. А. Вишнякова. Москва: Московский педагогический государственный университет, 2019. С. 307–311.

3. Наймушина Т. А. Презентация в практике преподавания русского языка как иностранного / Т. А. Наймушина // Русский язык в поликультурном мире: Сб. науч. статей II Междунар. симпозиума (Ялта, 08–12 июня 2018 года) / Отв. ред. Е. Я. Титаренко. В 2-х т. Ялта: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2018. Т. 1. С. 499–506.

4. Петросян О. Б. Использование мультимедийных презентаций на занятиях по русскому языку как иностранному // Достижения фундаментальной, клинической медицины и фармации: Материалы 70-ой научной сессии сотрудников университета (Витебск, 28–29 января 2015 г.). Витебск: Витебский государственный медицинский университет, 2015. С. 338–339.

5. Рогалева Е. И., Никитина Т. Г. Мультимедийная презентация как средство обучения иностранцев русской фонетике // Образовательные технологии и общество. 2015. Т. 18. № 4. С. 708–721.

6. Рубцова Е. В. Повышение качества образовательного процесса (коммуникативной направленности обучения) иностранных учащихся с помощью информационных компьютерных технологий // Карельский научный журнал. 2017. Т. 6. № 4(21). С. 76–80.

REFERENCES

1. Kurlovich I.N., Zub Zh. A. On the issue of the effectiveness of assimilating the lexical minimum in RCT classes//Foreign languages at the university and school: Sat. articles, Vitebsk, April 21–22, 2017/Under the general. ed. S. V. Nikolaenko, L. M. Vardomatsky. Vitebsk: Vitebsk State University named after P. M. Masherova, 2017. Pp. 165–167. (In Russ.).

2. Mullinova O. A., Mullinova T. A. Use of multimedia presentations in classes on the Russian language as a foreign language//Modern paradigm of teaching and learning Russian as a foreign language: materials international. Scientific-practical. conf., Moscow, February 15–16, 2019 / Under the general. ed. S. A. Vishnyakov. Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2019. Pp. 307–311. (In Russ.).

3. Naimushina T. A. Presentation in the practice of teaching Russian as a foreign language/T. A. Naimushina//Russian in a multicultural world: Sat. scientific. Articles II Interunar. symposium (Yalta, June 08–12, 2018)/Otv. ed. E. Ya. Titarenko. In 2 volumes of Yalta: LLC Publishing House Arial, 2018. Vol. 1. Pp. 499–506. (In Russ.).

4. Petrosyan O. B. Using multimedia presentations in classes on the Russian language as a foreign language//Achievements in fundamental, clinical medicine and pharmacy: Materials of the 70th

scientific session of university employees (Vitebsk, January 28–29, 2015). Vitebsk: Vitebsk State Medical University, 2015. Pp. 338–339. (In Russ.).

5. Rogaleva E. I., Nikitina T. G. Multimedia presentation as a means of teaching foreigners Russian phonetics//Educational technologies and society. 2015. Vol. 18. № 4. Pp. 708–721. (In Russ.).

6. Rubtsova E. V. Improving the quality of the educational process (communicative focus of education) of foreign students using information computer technologies // Karelian Scientific Journal. 2017. Vol. 6. № 4(21). Pp. 76–80. (In Russ.).

**THE LEXICOGRAPHIC PROJECT: «A STUDENT UNDERSTANDS A STUDENT BETTER»:
MACRO- AND MICROSTRUCTURE OF THE DICTIONARY AND THE TARGET AUDIENCE AS AN INDICATOR OF THE EFFECTIVENESS OF THE PRODUCT**

Katerina A. Vorontsova, Alina S. Mandrueva

Students of the Southern Federal University

(Rostov-on-Don, Russia)

Lyudmila B. Savenkova

Scientific Supervisor, Doctor of Philology, Professor,

Southern Federal University

(Rostov-on-Don, Russia)

Abstract

The subject of this research is to understand the approaches to creating an electronic lexicographic product for foreign students, which is designed for their independent use and provides motivated vocabulary acquisition without the involvement of a teacher.

The aim of the research is to outline the rational macro- and micro-structure of a basic vocabulary for foreign students. The structure is the result of the student project «A student understands a student better». The project is being developed at the Southern Federal University.

The main research methods are structural-logical, definitional, lexicographical methods, the method of analysis of lexical-thematic groups, the linguodidactic method.

The main results of the research are four principles, which seem to be relevant for the development of the macro- and micro-structure of the vocabulary of the mentioned type: 1) correlation of the vocabulary with the level of the foreign students, which should not only ensure the adequacy of the list of the studied lexical units, but also help the target audience to understand the meaning of the units being studied; 2) thematic

parsing, which should help systematize the studied material in the foreigners' mind; 3) minimization of the contents of the lexicon in the foreigners' dictionaries, which helps maintain the students' interest and does not cause excessive tiredness while perceiving the material; 4) the polycode presentation of the material in the microstructure of the dictionary: interpretation should be carried out not only in verbal (graphic and auditory), but also in visual form.

The novelty of the research lies in the treatment of a multimedia lexicographic source as a bifunctional educational tool. On the one hand, it is designed to be introduced in the educational process of foreign students, and on the other hand, it helps the participants of the project to master the theory of lexicography and acquire skills and abilities to develop lexicographic products.

The practical significance of the work is seen in the possibility of using it in lexicographic practice and in classes in the modern Russian language for Russian-speaking students of Philology.

Keywords: Russian as a foreign language, self-study explanatory dictionary, macrostructure, target audience

Для цитирования: Воронцова К. А., Мандруева А. С. Лексикографический проект «студент студента лучше поймёт»: макро- и микроструктура словаря и целевая аудитория как индикатор эффективности продукта // Libri Magistri. 2023. № 3 (25). С. 72–83.

Поступила в редакцию 01.07.2023

М. М. Глазова

ББК 83.3

УДК 821.161.1

М. М. Глазова¹

ORCID: 0009-0008-8988-6819

Тверской государственный университет

170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33

maria.glazova@list.ru

**ОЧЕРКОВОЕ ТВОРЧЕСТВО
ВАС. ИВ. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО
В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА**

Статья посвящена очеркам Василия Ивановича Немировича-Данченко – писателя, публициста, путешественника и военного корреспондента второй половины XIX – начала XX вв. Цель данной работы – определить место Вас. Ив. Немировича-Данченко в контексте мирового литературного процесса. В рамках статьи рассматривается лишь часть творческого наследия писателя, а именно его очерки, посвященные русско-турецкой (1877–1878) и русско-японской (1904–1905) войнам, а также очерки путешествий по Кавказу.

В работе изучается мнение современников – критиков и писателей – относительно творчества писателя. Отдельно приведены суждения таких людей, как М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. А. Некрасов, В. О. Михневич, А. М. Скабичевский, И. Д. Сытин, П. В. Быков, позволяющие всесторонне оценить, какое положение занимал Вас. Ив. Немирович-Данченко как литератор в глазах современников.

Во второй части работы анализируются характерные особенности путевых и военных очерков Вас. Ив. Немировича-Данченко: перечисление статистических данных, натуралистичность, красочные пейзажные описания, повышенное внимание к культуре народов отдельных регионов, раскрытие темы в гуманистическом ключе и др. Данные виды очерков взяты для анализа как наиболее показательные и важные с точки зрения профессии журналиста. В статье использованы примеры из таких сборников, как «Очерки Кавказа», «Год войны», «На войну», «За Дунаем».

На основе рассмотренных материалов определяется место Вас. Ив. Немировича-Данченко как очеркиста в мировом

---

¹ Глазова Мария Михайловна, аспирант, филологический факультет, направление «Русская литература», кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества, Тверской государственный университет, г. Тверь, Россия

литературном процессе, а также делается попытка определить его творческий метод как основанный на обращении «к сердцу человека».

Ключевые слова: Вас. Ив. Немирович-Данченко, идиостиль, путевой очерк, военный очерк

Введение

В 1921 г. русский писатель и журналист Василий Иванович Немирович-Данченко получил от Наркомпроса командировку за границу для написания ряда очерков «Народные трибуны, вожди и мученики» [14, 158]. Он уехал в Берлин, а затем в Прагу, где остался до конца своих дней. Из-за этого некогда популярнейший автор был вычеркнут из русского литературного процесса вплоть до конца XX в. Его книги были изъяты из публичных библиотек, а в восьмом томе Литературной энциклопедии в 1934 г. его творчество характеризуется как низкоуровневое. Немирович-Данченко продолжил литературную деятельность за рубежом, но на родине его книги вновь стали издаваться лишь с 1990 г. Интерес к его персоне начал постепенно возрождаться, но до сих пор его имя, искусственно вытесненное ранее, в должной мере не было вписано в контекст мирового литературного процесса.

Немирович-Данченко пробовал себя в разных жанрах, однако в данной работе мы остановимся на наиболее значимой части его творчества – очерках. Несмотря на свои заслуги, сам Немирович-Данченко не преувеличивал своего значения в литературе. По воспоминаниям современника Д. Мейснера, он считал себя «посредственным романистом, добросовестным и неутомимым журналистом и хорошим военным корреспондентом» [8].

1. Очерки Вас. Ив. Немировича-Данченко в оценке современников

Современники описывали писательское мастерство Немировича-Данченко-очеркиста по-разному. Многие критиковали его из-за художественных преувеличений и погони за внешними эффектами. Именно таким предстает Немирович-Данченко в сатире М. Е. Салтыкова-Щедрина. В «Современной идиллии» герой Балалайкин рассказывает о поданных закусках: «Эту самую сёмгу Немирович-Данченко собственными руками изловил! <...> Уморительная, говорит, рыба! и умна... совсем как человек! Сидишь этак на берегу моря, разложишь костер, вскипятишь в котелке воду, и кликнешь: иси! Ну, она видит, что её-то именно и недостаёт, чтоб вышла уха – сейчас сама, живая, и приплывёт! Клянусь!» [17, XV, 1, 66–67].

Также в произведении «В среде умеренности и аккуратности» четыре раза с насмешкой упоминается «перо Немировича-Данченко»: «Только его чарующее перо может достойно описать упитительную рыбинскую ночь среди групп густолиственных лип, каждый лист которых полон сладострастного шёпота!» [17, XII, 233]

Сам Немирович-Данченко не без самоиронии вспоминал свои встречи с Салтыковым-Щедриным в очерке «Мои встречи с Некрасовым». Очеркист описывает время, когда был молодым и неопытным литератором: полный тревоги и робости, он пришел к «богам» – редакторам «Отечественных записок» – и растерялся, когда Салтыков-Щедрин сказал: «Ну, батюшка, вы тут столько набоборыкали» [15, 299] (имея в виду его сходство с П. Д. Боборыкиным, к которому Салтыков-Щедрин был настроен негативно). Молодого автора приободрил Н. А. Некрасов, сказав, что и ему, и Салтыкову-Щедрину понравились очерки «За северным полярным кругом». Однако, несмотря на подобное товарищеское отношение, он также не без критики относился к раннему творчеству Немировича-Данченко и вносил существенную редакторскую правку (см. подробнее: [1]).

Владимир Михневич в 1884 г. в книге «Наши знакомые» отмечал богатый жизненный опыт писателя и поэтичность его текстов, сравнимую с творчеством Марлинского. Однако и он также считал Немировича-Данченко «рабом красоты и слога» [9, 156].

А. М. Скабичевский позиционирует творчество Немировича-Данченко похожим образом: романы критикуются за излишние эффекты, но признается высокий уровень очерков: «Во всех этих путевых очерках Немирович-Данченко является перед нами не только увлекательным рассказчиком, умеющим подмечать и подчёркивать всё существенное и завлекать читателей разнообразием содержания, но и художником, владеющим и горячим воображением, и прекрасным языком» [18, 345]. Красочность описаний в очерках признается Скабичевским как положительная черта идиостилия.

И. Д. Сытин как издатель очень ценил Немировича-Данченко-очеркиста. Именно с его корреспонденциями с фронта русско-японской войны, которых в первый год войны было около 350, связан рост популярности газеты «Русское слово». Уже в 1904 г. вышел сборник очерков «На войну. (От Петербурга до Порт-Артура). Из писем с дороги». Известно, что готовилась к публикации ещё одна книга – «Слепая война» – рукопись которой погибла при пожаре в типографии И. Д. Сытина ночью 12 декабря 1905 г. В. Десятерик, оценивая роль Немировича-Данченко в газете, пишет, что в рекламном

анонсе «Русского слова» о подписке на 1905 г. особо отмечался журналистский подвиг «правдивого и беспристрастного летописца войны»: «Всегда впереди, всегда под огнём, всегда на позициях» [5, 171]. Позднее станет известно, что публикации во многом были ограничены положениями военной цензуры. Очерки без купюр будут опубликованы в «Русском слове» в 1910 г. под заглавием «Интендант».

В «Военной энциклопедии» И. Д. Сытин в 1914 г. оценивает Немировича-Данченко как известного и популярного романиста и военного корреспондента, обладателя «таланта, запаса наблюдательности, живого, красочного языка», умеющего построить «интересную фабулу произведений» [3, 587]. Отметим, что в это время выходит его собрание сочинений в 18 томах (изд. «Просвещение»), что подтверждает слова о востребованности у читающей публики. В заметке в «Русском слове» были опубликованы выводы о том, что в 1900 г., по наблюдениям за народными читальнями, «любимыми авторами из русских были Гоголь и Вас. Немирович-Данченко» [19]. В очерке П. В. Быкова «Чуткий беллетрист – вечный странник. Творчество Вас. Ив. Немировича-Данченко» высоко оцениваются его романы, основу которых составили очерки боевой жизни: «В них такое множество богатейших картин, красноречиво говорящих об ужасах войны. Но вместе с тем писатель достигает прекрасной цели – энергично поддерживать святые чувства, охватывающие его родную страну в переживаемые ею дни испытаний» [2, 1].

2. Тенденции мирового литературного процесса в очерковом творчестве Вас. Ив. Немировича-Данченко

В то время, когда жил и работал Немирович-Данченко, в русской и зарубежной литературе повсеместно наблюдался интерес к документальной прозе, в особенности к очеркам. К. А. Пандирев считает, что первым из видов очерков появляется в середине XVIII в. путевой очерк [16, 9]. В XIX в. очерковая литература достигает расцвета, и появляются другие разновидности жанра. Он отмечает, что развитие очерка напрямую зависело от появления и распространения периодических изданий. Исторически первыми возникают, по мнению исследователя, очерки зарубежной жизни. Их появление было обусловлено необходимостью понять и изучить зарубежный образ жизни. В XIX веке зарождаются очерки русской жизни. Во второй половине XIX в. – начале XX в. жанр очерка становится востребованным, что связано со стремлением литературы к объективности и документальности, а также с изменениями в жанровой системе литературы, поисками новых литературных форм,

которые, не будучи стесненными жанровыми канонами, могли бы отражать меняющуюся действительность.

Эти тенденции хорошо заметны на примере творчества Немировича-Данченко. Сюжеты для «легкого чтения» он вкладывал в свои художественные романы, в то время как для реальных фактов, которыми он считал необходимым поделиться с читателями, он выбирал форму очерка. Рассмотрим тенденции на конкретных примерах.

2.1. Путевой очерк Вас. Ив. Немировича-Данченко

Впечатления о городах России и странах мира Немирович-Данченко отражал в произведениях в жанре путевого очерка. Например, «В верховьях Риона» – характерный образец его творчества. Произведение является первой частью цикла под названием «Очерки Кавказа». Подобным образом озаглавлены многие сборники автора: «Лазурный край. Очерки, впечатления, миражи и воспоминания», «Край Марии Пречистой (очерки Андалузии)», «Кавказские богатыри. Очерки жизни и войны в Дагестане», «За Дунаем. Очерки и рассказы», «Крестьянское царство (очерки и впечатления летней поездки на Валаам)» и др. В очерке заметна характерная двойственность природы произведения: его можно назвать художественным, так как в нем присутствуют красочные описания пейзажа, фабула, интрига; в то же время его роднит с документальными произведениями описание реальных событий, наличие примечаний в тексте и научно-популярной информации (географии и истории места). Двойственность проявляется тем, что Немирович-Данченко сначала печатал очерки отдельно в газетах и журналах как публицистику, затем объединял в сборники, а позже некоторые циклы переписывал как художественные романы.

Очерк Немировича-Данченко обладает также чертами этнографического очерка. Рассказывая о поездке по Кавказу, он уделяет внимание национальной самобытности народов, населяющих регион. Речь героев он передает с акцентом: «Вай-вай! Завсым ничаво не нанимаю! Денга есть – сиды дома!.. Там гара балшой будыт... Еще тва балшой гара!..» [13]. В поступках и речи героев прослеживается национальный характер. Особенности скалистых ландшафтов поясняются через местную легенду гурийцев о двух шайтанах, соперничавших за девушку. Однако основой повествования является путешествие, поэтому его следует определять именно как путевой очерк.

Композиция очерка ситуативно обусловлена, автор передает события именно в той последовательности, как они шли в жизни.

При этом фабула отличается интересной подачей, наличием интриги: рассказывая легенду о скалах, герой до последнего держит читателя (и героя-рассказчика) в напряжении. Это достигается с помощью «пауз» и «ускорений» в темпе повествования: пересказ легенды то обрывается ввиду внешних событий (пролетел орел, герои остановились отдохнуть, лошадь споткнулась и т. д.), то ускоряется, когда один герой просит второго опустить многочисленные подробности, и тот сразу пропускает экспозицию.

Авторская позиция явственно присутствует в произведениях Немировича-Данченко. И в «В верховьях Риона», и во многих других очерках автор повествует о путешествии от первого лица, то есть читатель видит происходящее буквально с точки зрения автора. Тем не менее авторское начало в очерке сглажено: мы ничего не узнаем о личности автора из данного произведения, кроме того, что он находится в пути по Кавказу.

Тематически очерк также соответствует тенденции, выявленной Панцеровым: это очерк о жизни, мало знакомой читателям. Циклы очерков о Кавказе Немировича-Данченко являются своеобразной «энциклопедией» жизни горцев.

2.2. Военный очерк Вас. Ив. Немировича-Данченко

Значительно отличается от путевого очерка Немировича-Данченко его военный очерк. За мастерство, богатое очеркистское наследие и значение для журналистики исследователь Н. С. Гусев называет Немировича-Данченко «патриархом русской военной журналистики» [4, 71].

XIX в. стал знаковым для военной журналистики, многие исследователи называют этот период её «Золотым веком». Истоки военной журналистики можно обнаружить в 1828–1829 гг. (во время Русско-турецкой войны) и в 1853–1856 гг. (во время Крымской войны), однако, как замечает С. А. Кочуков, «Русско-турецкая война 1877–1878 гг. – это первое военное событие, где русская пресса имела своих аккредитованных представителей» [7, 64]. Именно в этой войне впервые в качестве военного корреспондента выступает Немирович-Данченко.

Его военные и путевые очерки сближают обширные красочные пейзажные описания. В путевых очерках цель таких описаний – погружение читателя в среду и передача эстетического наслаждения, что отчасти справедливо и для военных очерков, но в последних роль описаний значительно расширяется. Во-первых, красота природы и древних городов противопоставляется ужасам войны: «Путь из Тырнова шёл сначала берегом р. Янтры, гремящей среди своих

громадных скал. <...> Хотелось остановиться на чудных картинах окрестностей – но тяжёлая действительность на каждом шагу выдвигала перед нами одну за другою печальные подробности похода. Уже под самым Тырновом – лежат у дороги отставшие солдаты» [12, I, 32]. В очерках о русско-японской войне вид громадного, таинственного Китая противопоставляется ревушей и кипящей войне [11, 121]. Во-вторых, природа может, наоборот, вторить происходящему: поднимается ветер, сгущаются тучи, идет проливной дождь.

Но большая часть описанных в военных очерках пейзажей – не природа, а раненные люди и выжженные дома. В них нет ни героического пафоса, ни победного ликования, ни вражды к побежденным врагам: «В узких улицах, на базарах восточного города, у мечетей, в его садах – валяются трупы, корчась от голода жёны и дети умирают на глазах своих мужей и отцов...» [12, I, 217].

В отличие от путевых, в военных очерках Немирович-Данченко предельно натуралистичен. Так, например, описания зверств турок воспроизводятся в мельчайших подробностях, что помогает донести читателям смысл борьбы: «У раненых, попавших к ним, были отрублены поочерёдно одна за другой руки и ноги <...>. В одном пункте найдены были головы русских солдат в виде полумесяца, а внутри – звезда, составленная из других органов» [12, I, 8]. Ужасы войны предстают достоверно и убедительно: «Пароксизм усиливается, крики становятся дикими, тело начинает вздрагивать, члены движутся произвольно, видимо мускулы сокращаются беспорядочно, порывисто быстро, – ноги в одну, руки в другую сторону. В глазах – ужас совершенно помешанного человека...» [12, I, 33].

Стремясь к объективности и точности, писатель избегает обобщений, он подробно перечисляет имена людей и названия городов и деревень, пострадавших от турок: «Совершенно истреблены и до одного человека вырезаны деревни: Ново-Махала, Гюнелийска-Махала, Стара-Гюнели (здесь перед умерщвлением отцов и матерей мучили и резали у низ на глазах детей), Бююк Дуванджи. Затем в следующих деревнях не оставалось и десятой части жителей: Баш-Тепе, Юрчи-е, Богдан-Махалесси <...>» [12, I, 13]. Описывая военные действия, Немирович-Данченко приводит точные данные со всеми подробностями, которые ему стали известны: количество человек с той и с другой стороны, пройденные населённые пункты, даты и время событий, положение местного населения, запасы оружия и продовольствия и различные хозяйственные подробности.

Мотив гуманизма на театре военных действий нередко связывается с образом женщины – сестры милосердия. Так, например, в сборнике очерков и рассказов «За Дунаем» в уста сестры милосердия Немирович-Данченко вкладывает такие слова в ответ на глумление над побеждённым врагом: «Надо жалеть их. <...> Разве не так же, как и наших солдатиков, и их, бедных, повели! Приказали – и пошли. Что тут сделаешь? Разве они виноваты?» (цит. по: [6]). Подобного рода женщин Немирович-Данченко демонстрирует и из других народов: «Около каждого солдатика – болгарки. Одна обливает ему голову водой, другая поит его, третья держит над ним какую-то тряпку от солнца» [12, I, 32].

Заключение

Таким образом, Вас. Ив. Немирович-Данченко нередко показывает сцены, «в которых выступает изнанка блистательных побед и горделивых подвигов личной храбрости». Несмотря на то, что война стала для него полем профессиональной деятельности, он всегда сочувствовал простым солдатам, отправленным на смерть. В гуманистических взглядах он сближается со Львом Толстым. Он отдаёт дань его философии ненасилия в фантастическом очерке «В 2428 году. Лекция о Льве Толстом через 500 лет» [10], называя его величайшим из русских писателей. То, как пишет Немирович-Данченко о Толстом, можно написать и о творческом кредо самого Немирович-Данченко: «только Толстой соединил в себе глубину философа с прелестью и величием поэта, взывающего к сердцу человека. Он был и ближе, и понятнее людям. Он говорил образами и мыслями. В нём они гармонично дополняли одни других». Это обращение к «красоте» для передачи глубокой философской идеи и есть, по нашему мнению, творческий метод Вас. И. Немировича-Данченко. Несмотря на обвинения критиков в излишней эстетизации, исключительная популярность писателя среди читателей разных слоев населения подтверждает целесообразность выбора подобного идиостиля для достижения важнейшей гуманистической цели. В данном ключе очерковое творчество Вас. И. Немировича-Данченко в полной мере соответствует философско-эстетическим тенденциям в мировой литературе XIX – начала XX вв.

Список источников

1. Бюргер В. Э., Вильчинский В. П. «Песни о павших» Вас. Ив. Немировича-Данченко (Эпизод из редакторской практики Некрасова) // Некрасовский сборник, IV. Ленинград: Наука, 1967. С. 207–213.

2. Быков П. В. Чуткий беллетрист – вечный странник. Творчество Вас. Ив. Немировича-Данченко // Природа и люди. № 51. 22 октября 1915. С. 1–2.
3. Военная энциклопедия: В 18 тт. Т. 16. [Минный офицерский класс – Нисса]. Санкт-Петербург, [1914]. 640 с.
4. Гусев Н. С. Патриарх отечественной военной журналистики Вас. И. Немирович-Данченко и его корреспонденция с Первой балканской войны // *Studia historiae Bulgariae et Europae Orientalis*. К юбилею Т. В. Волокитиной. Москва, 2017. С. 71–75.
5. Десятерик В. И. Иван Сытин. Москва: Молодая гвардия, 2015. 272 с.
6. За Дунаем. Очерки и рассказы для детей из сочинений В. И. Немировича-Данченко. Издание учебного магазина «Начальная школа». Москва, 1884 [Электронный ресурс] // Русская Мысль. 1884. №2. URL: http://az.lib.ru/n/nemirowichdanchenko_w_i/text_1884_za_dunaem_olderfo.shtml (дата обращения: 08.06.2023).
7. Кочуков С. А. К вопросу формирования корпуса военных корреспондентов в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2011. №2-2. С. 64–72.
8. Мейснер Д. Миражи и действительность [Электронный ресурс]. URL: <http://ruslo.cz/index.php/arkhiv-zhurnala/2020/12-2020/item/1759-mirazhi-i-dejstvitelnost-dmitriya-mejsnera#sdfnote8sym> (дата обращения: 07.06.2023).
9. Михневич В. О. Наши знакомые. Санкт-Петербург: тип. Э. Гоппе, 1884. 283 с.
10. Немирович-Данченко В. В 2428 году. Лекция о Льве Толстом через 500 лет [Электронный ресурс] // Железная земля: Фантастика русской эмиграции. Том I. URL: http://az.lib.ru/n/nemirowichdanchenko_w_i/text_1928_v_2428_godu.shtml (дата обращения: 08.06.2023).
11. Немирович-Данченко В. И. На войну: (от Петербурга до Порт-Артура): из писем с дороги / В.И. Немирович-Данченко. Москва: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1904. 167 с.
12. Немирович-Данченко В. И. Год войны. Дневник русского корреспондента: в 3 т. Санкт-Петербург: тип. В. И. Лихачева и А. С. Суворина, 1878–1879.
13. Немирович-Данченко В. И. Очерки Кавказа. I. В верховьях Риона // Нива. № 12. 1876. URL: http://az.lib.ru/n/nemirowichdanchenko_w_i/text_1876_01_ocherki_kavkaz_a_olderfo.shtml (дата обращения: 08.06.2023).

14. Немирович-Данченко Вас. И. Как живут и работают русские писатели // Немирович-Данченко Вас. И. На кладбищах: Воспоминания и впечатления. Вступ. Статья В. Н. Хмары. Москва: Русская книга, 2001. 544 с.

15. Немирович-Данченко Вас. И.: Мои встречи с Некрасовым // Некрасов в воспоминаниях современников. Москва: Художественная литература, 1971. 598 с.

16. Панцеров К. А. Путевой очерк: эволюция и художественно-публицистические особенности жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2004. 24 с.

17. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: в 20 т. / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом). Москва: Художественная литература, 1965–1977.

18. Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы. (1848-1890). Санкт-Петербург: Ф. Павленков, 1891. 523 с.

19. Что читаете Москва? [Электронное издание] // Русское слово. 1902. URL: <http://starosti.ru/article.php?id=7562> (дата обращения: 08.06.2023).

REFERENCES

1. Bograd V. E., Vil'chinskij V. P. «Pesni o pavshih» Vas. Iv. Nemirovicha-Danchenko (Epizod iz redaktorskoj praktiki Nekrasova) // Nekrasovskij sbornik, IV. Leningrad: Nauka, 1967. Pp. 207–213. (In Russ.).

2. Bykov P. V. CHutkij belletrist – vechnyj strannik. Tvorchestvo Vas. Iv. Nemirovicha-Danchenko // Priroda i lyudi. № 51. 22 oktyabrya 1915. Pp. 1–2. (In Russ.).

3. Voennaya enciklopediya: V 18 tt. T. 16. [Minnyj oficerskij klass – Nissa]. Saint Petersburg, [1914]. 640 p. (In Russ.).

4. Gusev N. S. Patriarh otechestvennoj voennoj zhurnalistiki Vas. I. Nemirovich-Danchenko i ego korrespondenciya s Pervoj balkanskoj vojny // Studia historiae Bulgariae et Europae Orientalis. K yubileyu T. V. Volokitinoj. Moscow, 2017. Pp. 71–75. (In Russ.).

5. Desyaterik V. I. Ivan Sytin / Vladimir Desyaterik. Moscow: Molodaya gvardiya, 2015. 272 p. (In Russ.).

6. Za Dunaem. Ocherki i rasskazy dlya detej iz sochinenij V. I. Nemirovicha-Danchenko. Izdanie uchebnogo magazina «Nachal'naya shkola». Moscow, 1884 [Elektronnyj resurs] // Russkaya Mysl'. 1884. №2. URL:

http://az.lib.ru/n/nemirovichdanchenko_w_i/text_1884_za_dunaem_oldorfo.shtml (accessed: 08.06.2023). (In Russ.).

7. Kochukov S. A. K voprosu formirovaniya korpusa voennyh korrespondentov v Russko-tureckoj vojne 1877–1878 godov // Izv.

Sarat. un-ta Nov. ser. Ser. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2011. №2-2. Pp. 64–72. (In Russ.).

8. Mejsner D. Mirazhi i dejstvitel'nost' [Elektronnyj resurs]. URL: <http://ruslo.cz/index.php/arkhiv-zhurnala/2020/12-2020/item/1759-mirazhi-i-dejstvitelnost-dmitriya-mejsnera#sdfootnote8sym> (accessed 07.06.2023). (In Russ.).

9. Mihnevich V. O. Nashi znakomye. Saint Petersburg: tip. E. Goppe, 1884. 283 p. (In Russ.).

10. Nemirovich-Danchenko V. V 2428 godu. Lekciya o L've Tolstom cherez 500 let [Elektronnyj resurs] // ZHeleznaya zemlya: Fantastika russkoj emigracii. Tom I. URL: http://az.lib.ru/n/nemirowichdanchenko_w_i/text_1928_v_2428_godu.shtml (accessed 08.06.2023). (In Russ.).

11. Nemirovich-Danchenko V. I. Na vojnu: (ot Peterburga do Port-Artura): iz pisem s dorogi. Moscow: Tip. t-va I.D. Sytina, 1904. 167 p. (In Russ.).

12. Nemirovich-Danchenko V. I. God vojny. Dnevnik russkogo korrespondenta: v 3 t. Saint Petersburg: tip. V. I. Lihacheva i A. S. Suvorina, 1878–1879. (In Russ.).

13. Nemirovich-Danchenko V. I. Ocherki Kavkaza. I. V verhov'yah Riona // Niva. № 12. 1876. URL: http://az.lib.ru/n/nemirowichdanchenko_w_i/text_1876_01_ocherki_kavkaz_a_olderfo.shtml (accessed: 08.06.2023). (In Russ.).

14. Nemirovich-Danchenko Vas. I. Kak zhivut i rabotayut russkie pisateli // Nemirovich-Danchenko Vas. I. Na kladbishchah: Vospominaniya i vpechatleniya. Vstup. Stat'ya V. N. Hmary. Moscow: Russkaya kniga, 2001. 544 p. (In Russ.).

15. Nemirovich-Danchenko Vas. I.: Moi vstrechi s Nekrasovym // Nekrasov v vospominaniyah sovremennikov. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1971. 598 p. (In Russ.).

16. Pancerev K. A. Putevoj ocherk: evolyuciya i hudozhestvenno-publicisticheskie osobennosti zhanra. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.10. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, 2004. 24 p. (In Russ.).

17. Saltykov-SHCHedrin M. E. Sobranie sochinenij: v 20 t. / AN SSSR, IRLI (Pushkinskij Dom). Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1965–1977. (In Russ.).

18. Skabichevskij A. M. Istoriya novejshej russkoj literatury. (1848-1890). Saint Petersburg: F. Pavlenkov, 1891. 523 p. (In Russ.).

19. Chto chitaete Moskva? [Elektronnoe izdanie] // Russkoe slovo. 1902. URL: <http://starosti.ru/article.php?id=7562> (accessed: 08.06.2023). (In Russ.).

AN ESSAY IN THE WORKS OF VAS. IV. NEMIROVICH-DANCHENKO IN THE CONTEXT OF THE WORLD LITERARY PROCESS

Maria M. Glazova

Postgraduate student, direction «Russian literature»

Tver State University

(Tver, Russia)

Abstract

The article is devoted to the essays of Vasily Ivanovich Nemirovich-Danchenko – a writer, publicist, traveler and war correspondent of the second half of the 19th – early 20th centuries. The purpose of this work is to determine the place of Vas. Iv. Nemirovich-Danchenko in the context of the world literary process. Within the framework of the article, only a part of the writer's creative heritage is considered, namely, his essays on the Russian-Turkish (1877–1878) and Russian-Japanese (1904–1905) wars, as well as his essays on travels to the Caucasus.

The paper examines the opinion of contemporaries – critics and writers – regarding the writer's work. The judgments of such people as M. E. Saltykov-Shchedrin, N. A. Nekrasov, V. O. Mikhnevich, A. M. Skabichevsky, I. D. Sytin, P. V. Bykov are given separately, allowing a comprehensive assessment of the position which Vas. Iv. Nemirovich-Danchenko occupied as a writer in the eyes of his contemporaries.

The second part of the work analyzes the characteristic features of travel and military essays by Vas. Iv. Nemirovich-Danchenko: enumeration of statistical data, naturalism, colorful landscape descriptions, increased attention to the culture of the peoples of certain regions, disclosure of the topic in a humanistic manner, etc. These types of essays were chosen for analysis as the most revealing and important from the point of view of the profession of a journalist. The article uses examples from such collections as «Essays on the Caucasus», «One Year of War», «To War», «Beyond the Danube».

On the basis of the considered materials, the place of Vas. Iv. Nemirovich-Danchenko as an essayist in the world literary process is determined, and an attempt is made to define his creative method as based on the appeal «to the heart of a person».

Keywords: Vas. Iv. Nemirovich-Danchenko, idiostyle, travel essay, military essay

Для цитирования: Глазова М. М. Очерковое творчество Вас. Ив. Немировича-Данченко в контексте мирового литературного процесса // Libri Magistri. 2023. № 3 (25). С. 84–95.

Поступила в редакцию 10.06.2023

О. И. Григорьева

ББК 81.411.2

УДК 811.1/2

О. И. Григорьева¹

ORCID: 0009-0008-1753-5235

*Тверской государственный университет,
170100, Россия, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33*

olia.vid@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ВЫСКАЗЫВАНИЙ С МОДАЛЬНОСТЬЮ ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ С ФРАНЦУЗСКОГО НА РУССКИЙ И С РУССКОГО НА ФРАНЦУЗСКИЙ

Предметом исследования в данной работе послужили высказывания с предикатами долженствования, зафиксированные в языковом материале. Интерес к изучению вопроса о переводе высказываний с модальными значениями вызван повышенным вниманием к роли языка как средства коммуникации и индивидуализации мыслительно-речевого процесса человека.

Целью представленной работы выступает выявление типичных особенностей перевода высказываний с модальным значением долженствования с французского языка на русский, а также с русского на французский язык. Рассматриваются особенности перевода французских модальных глаголов, их сопоставление с предикатами долженствования в русском языке. Проводится сравнительный анализ других средств выражения модальности долженствования, отобранных из текстов на русском языке и их переводов на французский язык. Анализируются редко встречающиеся способы передачи модальности во французском и русском языках и их особенности перевода.

Материалом для практического исследования послужили микротексты с высказываниями, имеющими значение долженствования. Примеры извлечены из художественных текстов на французском и русском языках и их соответствующих переводов.

Методом исследования является сравнительно-сопоставительный приём, позволяющий выявить сходства и различия структур французского и русского языков.

---

¹ Григорьева Ольга Игоревна, аспирант кафедры теории языка, перевода и французской филологии (факультет иностранных языков и международной коммуникации), Тверской государственный университет, г. Тверь, Россия.

В результате сопоставительного исследования установлено количественное преобладание контекстуальных соответствий французского сложного сказуемого и причины такого преобладания.

Теоретическая и практическая значимость заключается в том, что проведённый анализ актуален в изучении сравнительной типологии двух языков, а полученные результаты имеют практическую и теоретическую ценность для теории сопоставительного языкознания и могут быть использованы в теории и практике преподавания перевода с французского языка.

Ключевые слова: модальная категория, долженствование, модальный глагол, перевод, переводческие соответствия

Все мировые языки отличаются по структуре, грамматическому строю и другим параметрам, но понятие модальности существует во всех языках. Необходимо не только понимать сущность модальности, но также и разбираться в способах её выражения в предложении. Особенно это важно, если модальность изучается в рамках какого-то конкретного языка, так как каждый язык индивидуален и имеет свои определённые грамматические и лексические единицы, с помощью которых может быть выражена модальность. Следовательно, категория модальности раскрывает особенности и структуру того или иного языка, что немаловажно при его детальном исследовании. «Языковая модальность, выступая в каждом конкретном случае речевого акта в качестве носителя одного из аспектов модальности как понятийной категории, опирается в своём выражении на элементы различных средств передачи информации» [12, 14].

Передача модальности текста считается одной из самых сложных переводческих проблем. Сложности возникают из-за несовпадения средств выражения значений модальной категории. Изучение способов передачи модальности при переводе является важным аспектом переводческой компетенции. «Для достижения адекватности перевода переводчику необходимо правильно передать не только содержание высказывания, но и отношение высказывания к действительности, т. е. его модальность» [11, 137].

Сравнение языков по лексико-грамматическим структурам, с точки зрения конфигурации и пересечения областей применения чрезвычайно важно для их изучения. Сопоставительными исследованиями языков занимался целый ряд учёных [6; 7; 8; 9; 10; 14; 18 и др.].

О. И. Григорьева

Для более точного раскрытия модальности, необходимо знать соответствия между конструкциями двух языков и удачно подбирать эквивалентные сочетания.

Рассмотрим примеры перевода высказываний с французского языка на русский, модальность долженствования в которых во французском языке передаётся модальными глаголами *devoir* и *falloir*:

Семантическое соответствие перевода зависит от верного определения значения модального глагола. Однако в процессе перевода обнаружение и дифференциация значений в модальном глаголе представляет определённые трудности. В. Г. Гак уверяет, что «переход от одного значения к другому чётко не ограничен, в результате чего имеется много промежуточных синкретических случаев употребления модальных глаголов» [7, 324].

Новый французско-русский словарь В. Г. Гака даёт следующий перевод модальных глаголов *devoir* и *falloir*:

– *devoir* – *быть* должным, *задолжать*, *быть* обязанным;

– *devoir* в конструкции с инфинитивом выражает: *необходимость* того, что обозначено инфинитивом, *неизбежность*, *намерение*, *вероятность*, *смягчённое утверждение* и др. [5, 333];

– *falloir* – *надлежать*, *долженствовать*, *следовать*, *быть* нужным, *требоваться* и др. [цит. раб., 445].

В процессе перевода обязательно должна сохраняться модальность исходного текста. При этом способы выражения модальности в источнике и его переводе совпадают довольно редко, так как в разных языках между ними нет прямого соответствия. Переводчик выбирает те или иные способы для передачи модальности, которые более точно соответствуют контексту.

“*C’était cette âme «Вот эту единицу души commune, que devait incarner и должен выражать большой le grand artiste”* [16, 367]. *художник»* [15].

В приведённом примере в русском переводе сложному сказуемому соответствует краткое прилагательное *должен* + *Vinf* (*выражать*). Такое словарное соответствие одно из самых распространённых.

Очень часто сложное сказуемое с *devoir* на русский язык переводится предикативным наречием *надо*:

«*Je dois aller dans le «Мне нужно бывать monde, et n’ai pas un sou pour в свете, а у меня нет ни одного avoir des gants propres»* [2, 76]. *су на свежие перчатки»* [1, 61].

Такое соответствие так же относится к закономерным.

В переводческой практике часто используются устойчивые выражения:

«*Si donc vous voulez promptement la fortune, il faut être déjà riche ou le paraître*» [2, 96].   «Итак, раз вы хотите быстро составить состояние, необходимо или уже быть богатым, или казаться им» [1, 77].

Встречаются и другие комбинации перевода сложного сказуемого:

«*Parbleu! se dit Eugène, puisque je m'enfonçe, il faut au moins que cela me serve à quelque chose!*» [2, 58].   «Чёрт побери, – решил Эжен, – коль пропадать, так не напрасно!» [1, 47].

При переводе на русский язык автор перефразирует высказывание для придания ему большей колоритности.

Иногда переводчик не применяет какие-либо специальные средства выражения модальности, хотя в оригинале текста на французском языке значение долженствования передаётся модальным глаголом:

«*Eugène de Rastignac était revenu dans une disposition d'esprit que doivent avoir connue les jeunes gens supérieurs...*» [2, 28].   «Растиньяк, съездив домой, вернулся в настроении, хорошо знакомом молодым людям...» [1, 24].

При переводе в результате целостного преобразования высказывания модальный глагол опускается. Это яркий пример проявления модальности при контекстуальном влиянии. Опущение модального глагола позволяет избежать избыточности и экономит мыслительные усилия реципиента.

Встречаются высказывания, в которых составному сказуемому с модальным глаголом при переводе на русский язык модальность передаётся составным сказуемым, первым компонентом которого является безличный глагол *следует* в условном наклонении.

«*Cette première pièce exhale une odeur sans nom dans la langue, et qu''il faudrait appeler l'odeur de pension*» [2, 7].   «В этой первой комнате стоит особый запах; он не имеет соответствующего наименования в нашем языке, но его следовало бы назвать запахом пансиона» [1, 8].

О. И. Григорьева

В ряде случаев выраженные при помощи модальных глаголов оттенки долженствования передаются в русском языке повелительным наклонением.

«*Je n'ai pas joué, ma bonne mère, je ne dois rien; mais, si tu tiens à me conserver la vie que tu m'as donnée, il faut me trouver cette somme*» [2, 76].   «*Милая мама, я не проигрался, долгов у меня нет; но если моя жизнь, которую ты мне дала, дорога тебе, найди для меня эту сумму*» [1, 61].

Такое переводческое решение оправдано, так как повелительное наклонение выражает приказ или команду. При его употреблении наблюдается яркое проявление модальных значений.

Интересное решение предлагает автор перевода предложения, в котором модальность выражена имплицитно, а русскоязычным варианте значение долженствования передаётся двойным отрицанием модального глагола *mочь*, выражающего значение возможности:

«*Il était trop vivacement jeune pour ne pas être accessible à cette projection des idées, à cette contagion des sentiments dont tant de bizarres phénomènes nous frappent à notre insu*» [2, 88].   «*В нём было слишком много пылкой юности, и он не мог не поддаваться этой силе мыслей, этой заразительности чувств, когда в них столько причудливых явлений, которые захватывают нас помимо нашей воли*» [1, 70].

Используя снятие двойного отрицания, получаем: «... и он должен *поддаться этой силе мыслей*».

В следующем примере модальность передаётся семантикой глагола *forcer*, который переводится на русский язык причастием *вынужден*.

«*Il vous ferait des déclarations, vous compromettrait, et vous me forceriez à le tuer*» [2, 55].   «*Он станет объясняться вам в любви, будет вас компрометировать, и ради вас я буду вынужден его убить*» [1, 45].

Из известных способов передачи модального значения во французском языке интерес представляет перевод оборота *avoir besoin*.

«*Il eut besoin d'une stricte économie, qu'il ne fit plus de feu chez lui pendant l'hiver*» [2, 23].   «*Ему пришлось так строго экономить, что он перестал топить зимою*» [1, 20].

В русском языке, чаще всего, этот оборот переводится глаголами *приходится*, *нуждаться* или наречием *необходимо*.

Употребляемый оборот *avoir* в личной форме + предлог *à* + инфинитив смыслового глагола в русскоязычном переводе автор использует наречие *надо*, реже глагол *приходится*.

«*Tu auras donc bien des choses à nous dire quand tu viendras!*» [2, 85].
«*Cogda приедешь сюда, тебе придётся порассказать нам очень много!*» [1, 68].

Рассмотренные примеры не исчерпывают всего многообразия возможных соответствий для передачи модальных оттенков. Главная трудность заключается в определении модального значения в зависимости от контекста и нахождении русского варианта лексической единицы или иной структурной формы.

Рассмотрим несколько высказываний с модальностью долженствования в русском языке и их перевод на французский язык.

Представлен пример, где в роли модального модификатора выступает лексема *должен* в конструкциях с прямым субъектом действия:

«*Человек никогда не должен забывать свое достоинство*» [17, 18].
«*Peronne ne doit ravalier sa dignité...*» [20, 49].

При переводе этого высказывания на французский язык для передачи модальности долженствования использовано словарное соответствие – глагол *devoir*.

Неизбежность или обязательность выполнения действия в русском языке передают модальные слова *нужно*, *надо*, *потребуется*, *пришлось*, *непрерменно*, *впрочем*, *следует*, *пусть* и т. п. При переводе на французский язык эти слова, как правило, передаются конструкцией *il faut*, которая отличается наибольшим разнообразием значений и используется в диктуме или выступает как модальный модификатор высказывания в диктуме.

«*Надо по человечеству судить*» [17, 17].
«*Il faut juger les choses humainement...*» [20, 48].

«*Ну, говорю, теперь следует большую в покое оставить*» [17, 27].
«*Maintenant, dis-le, il faut la laisser reposer*» [20, 64].

В русском языке в область модальных слов и словосочетаний включаются частицы, которые не имеют аналогов во французском языке: *чай*, *небось*, *полно*, *что ли* – и которые требуют при переводе использования специальных глагольных форм, наклонений или словосочетаний. Частица «*чай*» является средством выражения

О. И. Григорьева

модальности возможности и долженствования. Поэтому возникает трудность в выборе вида модальности.

«Что, думал я, глядя на умирающие деревья: чай, стыдно и горько вам?..» [17, 138].
«Ah! me dis-je en regardant les arbres à l'agonie, quelle honte, quelle douleur devez-vous éprouver!» [20, 230].

В этом примере во французском переводе предложения модальность долженствования выражена при помощи глагола *devoir* + *Vinf* в настоящем времени изъявительного наклонения.

При переводе высказывания с употреблением двойного отрицания глагола «мочь», который переводит модальность возможности в модальность долженствования, используется наиболее употребительный из французских модальных глаголов *devoir* в сочетании с инфинитивом:

«Вы всё-таки любите природу; вы, следовательно, не можете не завидовать нашему брату» [17, 249].
«*Peut-être aimez-vous la nature; s'il en est ainsi, vous devez nous envier...*» [20, 393].

Основным способом выражения отношения содержания высказывания к действительности с точки зрения говорящего является глагольное наклонение. По мнению Н. В. Петрова, «во всех языках из различных средств выражения языковой модальности исследователи в первую очередь обращали внимание на наклонения, особенно на их синтетические формы, которые наиболее глубоко и детально разработаны в языкознании и поныне представляют собой центральную категорию» [13, 22]. Как правило во французском языке выделяют четыре наклонения: *l'indicatif, le conditionnel, l'impératif, le subjonctif*. В русском языке – *изъявительное, условное, повелительное*. Изъявительное наклонение выражает реальную модальность, а сослагательное, условное и повелительное – ирреальную.

Яркое проявление модальных значений долженствования наблюдается при употреблении повелительного наклонения.

«Молчать, тебе!» [17, 94].
«*Tais-toi, on te dit...*» [20, 163].

Повелительное наклонение всегда произносится с ярко выраженной императивной интонацией. Его значение изменяется в зависимости от того, кому адресована изъявляемая воля говорящего. Если она адресована самому говорящему, то повелительное

наклонение выражает собственное решение, самопринуждение говорящего лица совершить действие (цит. раб.: [24]):

«Надо, господа, *«Il faut enfin, messieurs, nous размежеваться; это срам, наш dit-il, procéder au cadastre участок ото всех других de notre canton, qui est en retard отстал: приступимте sur les autres; c'est vraiment к делу»* [17, 42]. *honteux; mettons-nous à l'œuvre immédiatement»* [20, 88].

Основная форма повелительного наклонения выражается вторым лицом. Говорящий сообщает собеседнику не только свои мысли, но и при помощи второго лица повелительного наклонения побуждает его производить действие [24].

«Нет, вы планы сюда *«Non, montrez d'abord подайте, – вот что!»* [17, 43]. *les plans!»* [20, 89].

Повелительное наклонение – это, прежде всего, наклонение, выражающее приказ или команду. Императив выражает волю говорящего к совершению действия. Но благодаря контексту и интонации оно может выражать просьбу, совет или предположение.

«Amène-les-moi tous» [3, 224]. *«Приводи их всех ко мне»* [1, 299].

Во французском языке в первом лице единственного числа и в третьем лице единственного и множественного числа повелительное наклонение заменяется сослагательным.

«Olivier avait des pensées tristes; et il fallait toujours que cet être faible se déchargeât de ses tourments, en les versant dans le sein d'un autre» [16, 60]. *«Оливера мучили сомнения. И она должна была ободрять брата, защищать от самого себя, – эта борьба возобновлялась непрерывно, изо дня в день»* [15].

В числе синтаксических конструкций, способных передавать значения модальности долженствования без специальных вербальных средств, находятся инфинитивные предложения. Анализ различной жанровой принадлежности показывает, что большая часть инфинитивных предложений выражает именно модальное значение долженствования. Инфинитивными предложениями считается особый структурный тип односоставных предложений, характеризующийся грамматической независимостью инфинитива [4, 51–65]. В подобных предложениях, как правило, содержатся формальные указания на субъект обязательного для выполнения действия.

«Да пруд у меня, смотри, содержатъ в порядке» [17, 53]. *«Et, tu sais, que l'étang soit bien entretenu»* [20, 104].

О. И. Григорьева

В этом примере необходимость осуществления действия диктуется субъекту волей отдельного лица (говорящего). Значение необходимости, адресованного субъекту действия, наслаивается на значение волеизъявления, исходящего от субъекта сообщения, то есть происходит переплетение значения предметной модальности со значением модальности субъективной.

«В большинстве случаев действие представлено как нежелательное для субъекта, т. е. вынужденное, что, впрочем, не является строго обязательным. Встречаются и предложения, которые не предполагают отрицательного отношения субъекта действия к действию» [19, 149].

«А для тебя, Порфирий, одна инструкция: как только ты, чего боже оборони, завидишь в окрестностях казака, так сию же секунду ни слова не говоря, беги и неси мне ружье, а я уж буду знать, как мне поступить!» [17, 221].

«Pour toi, Perfichka, voici les ordres qui te concernent: si jamais – ce qu'à Dieu ne plaise! – tu aperçois un Cosaque dans nos parages, cours aussitôt chercher mon fusil et apporte-le-moi. Le reste me regarde!» [20, 352].

Кроме рассматриваемых конструкций долженствование может быть выражено и формой изъявительного наклонения.

Изъявительное наклонение в плане выражения не характеризуется специальными морфемами наклонения, если не считать тематическую гласную, которая становится показателем наклонения в настоящем времени индикатива.

«Вот как только я выйду на тот угол, – думал я про себя, – тут сейчас и будет дорога, а с версту круку я дал!» [17, 59].

“Quand j’aurai atteint ce tournant, me dis-je, je trouverai la route; j’ai fait un crochet d’une bonne verste!” [20, 113].

(Должна быть дорога).

Лексике русского языка свойственна большая конкретность, чем соответствующим лексическим единицам французского языка, русский язык гораздо богаче модальными словами и частицами, а также модально-временными глагольными формами, которые дают возможность выражать модально-эмоциональные оттенки мысли.

Зачастую буквальный перевод ведёт к искажению переводимого высказывания. Чтобы найти удачное переводческое решение, необходимо осуществлять определённые преобразования, опираясь на понимание смысла предложения. А также для достижения адекватности перевода необходимо правильно передать не только

содержание высказывания, но и отношение высказывания к действительности, т. е. его модальность.

Для выражения значения наклонения в обоих языках может быть использован инфинитив.

Во французском языке из трёх типов средств выражения модальности (вводные слова, модальные глаголы, наклонения) относительно чаще употребляются модальные глаголы и наклонения, а в русском языке шире используются вводные слова. Нередко во французском языке им соответствуют главные предложения, глагольные формы и модальные глаголы.

Список источников

1. Бальзак О. Избранное: пер. с французского / Послесл. Р. Резник; Примеч. В. Даниловой. Москва: Просвещение, 1985. 352 с.
2. Бальзак О. Новеллы / На французском языке. Москва: Изд-во литер. на иностр. яз., 1963. 432 с.
3. Бальзак О. Отец Горио / На франц. языке. Москва: Искра революции, 1949. 252 с.
4. Ваулина С. С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI–XVII вв.). Ленинград: ЛГУ, 1988. 143 с.
5. Гак В. Г., Ганшина К. А. Новый французско-русский словарь. 7-е изд., стереотип. Москва: Изд-во «Рус. яз.», 2002. 1195 с.
6. Гак В. Г., Львин Ю. И. Курс перевода. Французский язык. Москва: Международные отношения, 1970. 400 с.
7. Гак В. Г., Ройзенблит Е. Б. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. Москва: Высшая школа, 1965. 378 с.
8. Комиссаров В. Н. К вопросу о сопоставительном изучении переводов // Тетради переводчика. Ученые записки. 1970. № 7. С. 46-50.
9. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода / Предисл. М. Я. Цвиллинга. Изд. 2-е, доп. Москва: Издательство ЛКИ, 2007. 176 с.
10. Комиссаров В. Н. Общая теория перевода. Учебное пособие. Москва: ЧеРо, 1999. 136 с.
11. Комиссаров В. Н. Пособие по переводу с английского языка на русский. Лексико-фразеологические основы перевода / В. Н. Комиссаров, Я. И. Рецкер, В. И. Тархов. Москва: Изд-во литер. на иностр. яз., 1960. 176 с.
12. Королёва Т. М. Интонация модальности в звуковой речи. Одесса: Высшая школа. Головное изд-во, 1989. 147 с.

О. И. Григорьева

13. Петров Н. Е. О содержании и объеме языковой модальности. Новосибирск: Наука, 1982. 160 с.
14. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. Изд. 3-е, стереотип. Москва: Р. Валент, 2007. 244 с.
15. Роллан Р. Жан-Кристоф, т. 3: пер. с французского Н. Касаткина (кн. 6, 8), В. Станевич (кн. 7). Москва: Правда, 1982. 384 с.
16. Роллан Р. Жан-Кристоф. Т. III // На франц. языке. Москва: Изд-во литер. на иностр. яз., 1957. 464 с.
17. Тургенев И. С. Записки охотника. Москва: Художественная литература, 1984. 254 с.
18. Фёдоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): для институтов и факультетов иностр. языков. Учеб. пособие. 5-е изд. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ; Москва: ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. 416 с.
19. Цейтлин С. Н. Необходимость // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Ленинград: Наука, 1990. С. 142–156.
20. Tourguéniev I. S. Mémoires d'un chasseur. (Traduit du russe par Henri Mongault). Paris: Librairie Gallimard, 1953. 400 s.

REFERENCES

1. Bal'zak O. Izbrannoe: per. s francuzskogo / Poslesl. R. Reznik; Primech. V. Danilovoj. Moscow: Prosveshhenie, 1985. 352 p.
2. Bal'zak O. Novelly / Na francuzskom jazyke. Moscow: Izd-vo liter. na inostr. jaz., 1963. Pp. 219-235.
3. Bal'zak O. Otec Gorio / Na francuzskom jazyke. Moscow: Iskra revoljucii, 1949. 252 p.
4. Vaulina S. S. Jevoljucija sredstv vyrazhenija modal'nosti v russkom jazyke (XI – XVII vv.). Leningra: LGU, 1988. 143 p.
5. Gak V. G., Ganshina K. A. Novyj francuzsko-russkij slovar'. 7-e izd., stereotip. Moscow: Izd-vo «Rus. jaz.», 2002. 1195 p.
6. Gak V. G. Kurs perevoda. Francuzskij jazyk / V. G. Gak, Ju. I. L'vin. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1970. 400 p.
7. Gak V. G., Rojzenblit E. B. Oчерки po сопоставител'ному изучению francuzskogo i russkogo jazykov Moscow: Vyssh. shkola, 1965. 378 p.
8. Komissarov V. N. K voprosu o сопоставител'ном изучении perevodov // Tetradi perevodchika. Uchenye zapiski. 1970 № 7. Pp. 46-50.

9. Komisarov V. N. Lingvistika perevoda / Predisl. M. Ja. Cvillinga. Izd. 2-e, dop. Moscow: Izdatel'stvo LKL, 2007. 176 p.
10. Komissarov V. N. Obshhaja teorija perevoda. Uchebnoe posobie. Moscow: CheRo, 1999. 136 p.
11. Komissarov V. N. Posobie po perevodu s anglijskogo jazyka na russkij. Leksiko-frazeologicheskie osnovy perevoda / V. N. Komissarov, Ja. I. Recker, V. I. Tarhov. Moscow: Izd-vo liter. na inostr. jaz., 1960. 176 p.
12. Koroljova T. M. Intonacija modal'nosti v zvukovoj rechi. Odessa: Vyssh. shk. Golovnoe izd-vo, 1989. 147 p.
13. Petrov N. E. O sodержanii i ob#eme jazykovoj modal'nosti. Novosibirsk: Nauka, 1982. 160 p.
14. Recker Ja. I. Teorija perevoda i perevodcheskaja praktika. Oчерki lingvisticheskoj teorii perevoda. Izd. 3-e, stereotipnoe. Moscow: R. Valent, 2007. 244 p.
15. Rollan R. Zhan-Kristof, t. 3: per. s francuzskogo N. Kasatkina (kn. 6, 8), V. Stanevich (kn. 7). Moscow: Pravda, 1982. 384 p.
16. Rollan R. Zhan-Kristof, t. III // Na francuzskom jazyke. Moscow: Izd-vo liter. na inostr. jaz., 1957. 464 p.
17. Turgenev I. S. Zapiski ohotnika. Moscow: Hudozh. lit., 1984. 254 p.
18. Fjodorov A. V. Osnovy obshhej teorii perevoda (lingvisticheskie problemy): Dlja institutov i fakul'tetov inostr. jazykov. Ucheb. posobie. 5-e izd. Sankt-Peterburg: Filologicheskij fakul'tet SPbGU; Moskva: OOO «Izdatel'skij Dom «FILOLOGIJA TRI», 2002. 416 s. Cejtlin S.N. Neobhodimost' // Teorija funkcional'noj grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'. Leningrad: Nauka, 1990. Pp. 142-156.
19. Cejtlin S. N. Neobhodimost' // Teorija funkcional'noj grammatiki. Temporal'nost'. Modal'nost'. Leningrad: Nauka, 1990. Pp. 142-156.
20. Tourguéniev I. S. Mémoires d'un chasseur. (Traduit du russe par Henri Mongault). Paris: Librairie Gallimard, 1953. 400 p.

**THE PECULIARITIES OF TRANSLATION OF STATEMENTS
WITH THE MODALITY OF THE OBLIGATION FROM FRENCH
INTO RUSSIAN AND FROM RUSSIAN INTO FRENCH**

Olga I. Grigoryeva

Graduate student, Tver State University
(Tver, Russia)

Abstract

The subject of the study in this work were statements with predicates of obligation, fixed in the language material. Our interest in the study

О. И. Григорьева

of the translation of statements with modal meanings is caused by increased attention to the role of language as a means of communication and individualization of the mental and speech process of a person.

The purpose of the presented work is to identify typical features of the translation of statements with the modal meaning of the obligation from French into Russian, as well as from Russian into French. The article considers the peculiarities of the translation of French modal verbs, their comparison with the predicates of obligation in the Russian language. A comparative analysis of other means of expressing the modality of obligation which are selected from texts in Russian and their translations into French is carried out. The rarely encountered ways of transmitting modality in French and Russian and peculiarities of their translation are analyzed.

The material for practical research was microtexts with obligation statements. Examples are extracted from literary texts in French and Russian and their translations.

The method of research is a comparative technique that allows us to identify the similarities and differences in the structures of the French and Russian languages.

As a result of a comparative study, the quantitative predominance of contextual correspondences of the French complex predicate and the reasons for such predominance were established.

The theoretical and practical significance lies in the fact that the analysis carried out is relevant in the study of the comparative typology of the two languages, and the results obtained have practical and theoretical value for the theory of comparative linguistics and can be used in the theory and practice of teaching translation from French.

Keywords: modal category, obligation, modal verb, translation, translation correspondences

Для цитирования: Григорьева О. И. Особенности перевода высказываний с модальностью долженствования с французского на русский и с русского на французский // Libri Magistri. 2023. № 3 (25). С. 96–108.

Поступила в редакцию 01.07.2023

УДК 811
ББК 81.1

В. Е. Лопатина¹

ORCID: 0009-0004-4126-2776

*Новосибирский государственный технический университет,
630073, Россия, г. Новосибирск, пр-т К. Маркса, 20
vika.evg2001@mail.ru*

Т. Н. Пермякова²

ORCID: 0000-0003-3510-5470

*Новосибирский государственный технический университет,
630073, Россия, г. Новосибирск, пр-т К. Маркса, 20
uchi70@mail.ru*

РЕАЛИЗАЦИЯ ДИСКРЕДИТИРУЮЩИХ ТАКТИК В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТАХ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Предметом исследования выступают особенности использования языковых средств при реализации речевой стратегии дискредитации. Цель данной работы заключается в том, чтобы описать языковые средства реализации стратегии дискредитации, выявить цели ее использования. Актуальность исследования состоит в том, что рассматриваемая стратегия характеризуется большой степенью конфликтогенности и является деструктивной, но при этом обладает высоким уровнем воздействия, что ведет к формированию негативного образа кого-либо у массового получателя. В качестве тактик, используемых при реализации стратегии дискредитации, были рассмотрены тактика анализ-«минус», тактика обвинения, тактика обличения, тактика издевки, тактика оскорбления. Для проведения исследования были использованы следующие методы: семантического описания, семантического анализа, контекстуального анализа, семантико-синтаксического анализа. В настоящей статье реализация стратегии дискредитации рассматривается на материале высказываний, взятых из медиатекстов. Основными результатами

---

¹ Лопатина Виктория Евгеньевна, студент, Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Россия.

² Пермякова Татьяна Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Россия.

работы стало выявление того, что стратегия дискредитации направлена на создание негативного образа объекта, что реализуется, по большей части, за счет речевых единиц оценочного характера. Также дискредитация была рассмотрена как вид речевой агрессии, что является одним из способов вербального воздействия на адресата. Значимость исследования заключается в том, что сейчас медиатексты являются самым распространенным видом передачи информации, за счет знания о воздействующих тактиках можно избежать влияния, на которое они направлены. Новизна работы заключается в проведении анализа фрагментов медиатекстов регионального уровня, в описании новых средств и способов реализации стратегии речевой дискредитации.

Ключевые слова: стратегия, дискредитация, тактика, прием, медиатекст, речевая агрессия

Введение

В статье решается вопрос о том, какими способами осуществляется стратегия дискредитации, рассматриваются её виды и тактики реализации.

Актуальность заключается в том, что медиатексты в наше время – самый популярный источник информации, которым можно воспользоваться не только для того, чтобы оповестить о каком-либо важном событии, но и с целью повлиять на читателя в восприятии любой информации.

Основой статьи послужили работы таких лингвистов, как О. С. Иссерс «Коммуникативные стратегии и тактики русской речи», в которой стратегия дискредитации выделяется в ряду общих речевых стратегий, и О. Л. Михалевой «Политический дискурс: способы реализации агональности», где были рассмотрены основные тактики стратегии дискредитации.

Цель работы – выявить и описать языковые средства, за счет которых реализуется стратегия дискредитации.

1.1 Понятие дискредитации

Дискредитация как речевая стратегия рассматривается О. С. Иссерс [6], под термином «дискредитация» понимается *‘преднамеренное умаление авторитета, подрыв доверия к кому-либо, оскорбление достоинства и репутации, путем распространения ложных или искаженных сведений’* [5; 8]. Стратегия дискредитации используется с целью намеренного причинения морального ущерба дискредитируемому лицу и представление его с худшей стороны, что ведет к созданию конфликтной ситуации. Также использование

данной стратегии направлено на выведение оппонента на конфликт и формирование у массового адресата точки зрения, ориентированной против дискредитируемого лица. Реализация стратегии характерна как для официальной, так и для неофициальной коммуникации, но анализу чаще всего подвергаются высказывания, использованные в деловой или политической сферах.

Дискредитация может рассматриваться с разных точек зрения. С одной стороны, это макроречевой акт. В таком случае дискредитация характеризуется как поведение говорящего, которым он выражает свою отрицательную оценку другого, направленную на подрыв доверия к нему окружающих, умаление его достоинства и авторитета. Целью подобных высказываний является создание конфликтной ситуации [10, 219].

С другой стороны, дискредитация – один из видов речевой агрессии, являясь таковой, дискредитация преследует цель – подорвать доверие аудитории к позиции, защищаемой оппонентом [4]. Под речевой агрессией понимается словесное выражение негативных чувств, эмоций, намерений в неприемлемой в данной речевой ситуации форме [15, 15]. Говоря о дискредитации как о виде речевой агрессии, исследователи делят её на несколько типов: на прямую, когда цель говорящего – оскорбить своего оппонента, и косвенную, при которой наблюдается стремление задеть своего оппонента, но при этом соблюдаются все этикетные нормы.

Также речевую стратегию делят на активную, при которой используются словесные оскорбления и унижающие высказывания, и пассивную, заключающуюся в предоставлении негативной информации и отказе вести коммуникацию с противником. Помимо этого, выделяют осознанную, когда воздействие на оппонента является целью, и неосознанную, при которой оскорбление не является целью говорящего [13, 10]. Рассматриваемая нами общая направленность речи определяется как один из видов стратегий на понижение [2, 45].

1.2. Тактики, реализующие стратегию дискредитации

Характеризуя дискредитацию как стратегию, мы можем сказать о том, что под стратегией подразумевается общая направленность речи, или общая линия речевого поведения, диктующая обращение к тем или иным коммуникативным тактикам. Тактика же есть способ реализации выбранной стратегии посредством тех или иных приемов, или речевых ходов [14]. Также стратегия понимается как структурированная последовательность речевых действий, точнее, способ структурирования речевого поведения в соответствии с коммуникативной целью участников общения [3, 16]. Исходя

из этого, исследователи, в зависимости от сферы использования, выделяют различные тактики, используемые в стратегии дискредитации.

Так, например, анализируя высказывания политического дискурса, ученые выделяют следующие тактики:

Тактика безличного обвинения основана на признании кого-либо виновным в чем-нибудь, связана с имплицитным характером объекта.

Тактика упрёка основана на выражении недовольства, неодобрения кому-либо.

Тактика констатации некомпетентности противника. Чаще всего направлена против оппонентов, конкурирующих партий, предшествующих правительств. В большинстве случаев противники называются открыто, эксплицитно дается оценка им и их действиям [7, 175–176].

Также выделяют тактики нагнетания отрицательного, не прямых оскорблений, навешивания ярлыков, умаляющих сравнений и др. [14]. Среди типов дискредитирующих стратегий выделяют диффамацию, вербальную дискриминацию, вербальную дискредитацию, вербальную инсинуацию [9, 24].

Обобщенная классификация, представленная О. Л. Михалевой, включает в себя следующие тактики: *тактика анализ-«минус»*, *тактика обвинения*, *тактика обличения*, *тактика издевки*, *тактика оскорбления* [11].

Тактика анализ-«минус» реализуется в виде разбора ситуации, предполагающего отрицательное отношение к описываемому событию либо человеку. Характеризуется использованием оценочных лексем, словосочетаний и устойчивых выражений, содержащих в себе негативную окраску.

Тактика обвинения заключается в приписывании кому-либо плохого поступка или преступления, информация фактологического характера при этом может не приводиться. Негативная оценка выражается с целью подчеркнуть ответственность личности за порицаемое действие, вызвать отрицательное отношение к дискредитируемому лицу у читателя. Чаще всего такая оценка дается за счет употребления глаголов действия с отрицательной семантикой.

Тактика обличения похожа на предыдущую, но при её реализации приводятся факты и аргументы, подтверждающие виновность дискредитируемого лица. При описании какой-либо ситуации наличие свидетелей произошедшего воспринимается как признак достоверности.

Тактика издевки заключается в деформировании образа оппонента за счет шутки в его адрес. Осуществляется посредством использования приема иронии, устойчивых выражений и словосочетаний, имеющих негативную окраску.

Тактика оскорбления осуществляется за счет унижения чести и достоинства, выраженного в неприличной форме, т. е. посредством прямого или же косвенного оскорбления оппонента. Выражение отрицательной оценки таким образом подрывает престиж оппонента в глазах окружающих.

2.1 Аналитический материал

Рассмотрим реализацию некоторых тактик на примере фрагментов медиатекстов, размещенных на платформе интернет-портала «НГС» – городского новостного портала города Новосибирска.

В качестве примера использования стратегии дискредитации приведем высказывание из статьи «Платежи растут, а качество услуг ужасное!» (НГС 29.11.22).

«—И это XXI век? Это что за диверсии по отношению к жителям? Куда жаловаться?»

— УК ничего не делает, не реагирует на обращения и переводит стрелки на СГК! — утверждает читатель» [1].

В данном фрагменте мы обратили внимание на предложения «*И это XXI век? Куда жаловаться?*», которые по форме являются риторическими вопросами и служат для усиления выразительности, также за счет их использования автор высказывания вступает в диалог с читателем. Как нам представляется, говорящий, используя такой прием, как бы озвучивает мысли читателей и участников ситуации. Вопрос «*И это XXI век?*» содержит в себе функцию утверждения, поскольку является известным фактом. Помимо этого, вопрос передает субъективную оценку говорящего, поскольку, мы можем интерпретировать это высказывание как некое утверждение, что если сейчас 21 век – время развитых технологий, значит таких проблем возникать не должно. Используя вопрос «*Куда жаловаться?*», автор не только указывает на то, что сам является участником ситуации, но и выражает свою негативную оценку в отношении обслуживающих компаний, т. к. на самом деле известно, куда можно подать жалобу, но ситуацию решать никто не берется, это понимают и жители неотапливаемых домов, и сам автор.

Одним из ключевых, как нам кажется, в данном фрагменте является слово *диверсия*: обслуживающую компанию обвиняют в совершении *диверсии* (разг.) – *‘о каком-л. действии, причинившем*

кому-, чему-л. вред' [8], помимо этого, данное слово относится к военной лексике и имеет следующее значение – *'разрушение, выведение из строя объектов военного, государственного значения в тылу противника; такие же действия на территории какой-л. страны противниками существующего в ней государственного устройства, а также преступными элементами'* [8]. Таким образом, говорящий характеризует управляющие компании как противников, которые наносят вред мирным жителям. Именно за счет того, что слово имеет отрицательную коннотацию, у получателя информации создается резко негативный образ дискредитируемого лица.

Далее УК обвиняют в том, что она бездействует и *«переводит стрелки»* (жарг. угол.) – *'сваливает свою или чью-л. вину на другого'* [12] на СГК. Автор намеренно использует жаргонную лексику, выражая тем самым свое отрицательное отношение к управляющим компаниям, что делает это высказывание субъективным. Жаргонизм имеет отрицательную экспрессивно-стилистическую окраску, что опять же ведет к созданию негативного образа. За счет этого управляющие компании в глазах массового адресата как бы уподобляются преступникам.

Таким образом, в данном фрагменте была использована *тактика обличения*, поскольку описана ситуация, с которой столкнулась группа людей, а значит, описываемые события будут считаться достоверными. Помимо этого, здесь используется тактика анализ-«минус», так как это выражение субъективного неодобрительного отношения к происходящему, о чем можно говорить исходя из того, что автор использует такие синтаксические конструкции, как риторические вопросы, жаргонные выражения и лексемы с оценочной семантикой, передающие его личное отношение.

Заключение

Анализ фрагментов текстов, в которых используется речевая стратегия дискредитации, позволил нам сделать вывод о том, что стратегия дискредитации носит деструктивный характер, за счет её использования говорящий стремится достичь своих целей, прибегая к использованию оскорблений, унижений и распространению сведений, имеющих отрицательную окраску. При этом автором негативного текста могут использоваться различные языковые средства, благодаря которым более ярко выражается отношение автора к осуждаемому лицу или ситуации. Главной целью использования стратегии дискредитации является подрыв доверия, умаление

авторитета, унижение и оскорбление кого-либо, что наносит моральный ущерб осуждаемому лицу.

Список источников

1. Бруня А. Платежи растут, а качество услуг ужасное! [Электронный ресурс] // НГС. 29 ноября 2022. URL: <https://ngs.ru/text/gorod/2022/11/29/71853074/> (дата обращения: 10.05.2023).
2. Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарных исследований. Москва: Изд-во МГУ, 2003. С. 116–152.
3. Денесюк Е. В. Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2004. 23 с.
4. Егорова Э. Н. Речевая агрессия и стратегия дискредитации (на примере анализа газетных публикаций) // Язык и текст. 2015. Т. 2. № 3. С. 69–75.
5. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. Москва: Русский язык, 2000.
6. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 8, испр. и доп. Москва: URSS, 2017. 225 с.
7. Кренделева А. Н. Стратегия дискредитации как способ реализации речевой агрессии в интервью региональных политиков // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2, Языкознание. 2013. №2 (18). С. 173–178.
8. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка / РАН, Ин-т лингвист. исслед. Санкт-Петербург: Норинт, 1998. 1535 с.
9. Кусов В. Г. Коммуникативная перверсия как способ диагностики искажения при оскорблении // Аксиологическая лингвистика: проблемы и перспективы: тез. докл. / под ред. Н. А. Красавского. Волгоград: Колледж, 2004. С.43–55.
10. Лисихина М. А. Опыт типологии макро-речевых актов дискредитации / М. А. Лисихина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена: научный журнал. Санкт-Петербург, 2008. № 37 (80). С. 219–225.
11. Михалева О. Л. Политический дискурс: способы реализации агональности // Построение гражданского общества: Материалы международного гуманитарного конгресса. Ч. 3: Русский язык: его современное состояние и проблемы преподавания. Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. пед. ун-та, 2002. С. 96–105.

12. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений / под общ. ред. проф. В. М. Мокиенко. Москва: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2013. 783 с.

13. Салихова А. А. Языковые средства дискредитации в стихотворных текстах с неявной коммуникативной функцией высказывания: маг. дис. Тольятти, 2019. 73 с.

14. Хабекирова З. С. Стратегия дискредитации и приемы ее реализации в политическом дискурсе демократической оппозиции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 2. С. 138–144.

15. Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия / Ю. В. Щербинина. Москва: КомКнига, 2006. 360 с.

REFERENCES

1. Brunya A. Platezhi rastut, a kachestvo uslug uzhasnoe! [Elektronnyy resurs] // NGS. 2022. Rezhim dostupa: <https://ngs.ru/text/gorod/2022/11/29/71853074/> (accessed 10.05.2023). (In Russ.).

2. Dem'yankov V.Z. Interpretaciya politicheskogo diskursa v SMI // YAzyk SMI kak ob"ekt mezhdisciplinarnyh issledovaniy. Moscow: Izd-vo MGU, 2003. Pp. 116-152. (In Russ.).

3. Denesyuk E.V. Manipulyativnoe rechevoe vozdejstvie: kommunikativno-pragmaticeskij aspekt: avtoref. dis. Ekaterinburg, 2004. 25p. (In Russ.).

4. Egorova E.N. Rechevaya agressiya i strategiya diskreditacii (na primere analiza gazetnyh publikacij) // YAzyk i tekst. 2015. Vol. 2. №3. Pp. 69-75. (In Russ.).

5. Efremova T. F. Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj. Moscow: Russkij yazyk, 2000. (In Russ.).

6. Issers O.S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi. Izd. 8, ispr. i dop. Moscow: URSS, 2017. 225 p. (In Russ.).

7. Krendeleva A.N. Strategiya diskreditacii kak sposob realizacii rechevoj agressii v interv'yu regional'nyh politikov // Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Ser.2, Yazykoz. 2013. №2 (18). Pp. 173-178. (In Russ.).

8. Kuznecov S.A. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka / RAN, In-t lingvist. Issled. Sankt-Peterburg: Norint, 1998. 1535 p. (In Russ.).

9. Kusov V. G. Kommunikativnaya perversiya kak sposob diagnostiki iskazheniya pri oskorblenii // Aksiologicheskaya lingvistika: problemy i perspektivy: tez. dokl. / pod red. N. A. Krasavskogo. Volgograd, 2004. (In Russ.).

10. Lisihina M. A. Opyt tipologii makro-rechevyh aktov diskreditacii // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo

universiteta im. A. I. Gercena: nauchnyj zhurnal. SPb., 2008. № 37 (80). Pp. 219-225. (In Russ.).

11. Mihaleva O. L. Politicheskij diskurs: sposoby realizacii agonal'nosti // Postroenie grazhdanskogo obshchestva: Materialy mezhdunarodnogo gumanitarnogo kongressa. Ch. 3: Russkij yazyk: ego sovremennoe sostoyanie i problemy prepodavaniya. Irkutsk: Izd-vo Irk. gos. ped. Un-ta, 2002. Pp. 96-105. (In Russ.).

12. Mokienko V. M., Nikitina T. G. Bol'shoj slovar' russkih pogovorok. Bolee 40 000 obraznyh vyrazhenij / pod obshch. Red. Prof. V. M. Mokienko. Moscow:ZAO «OLMA Media Grupp», 2013. 783 p. (In Russ.).

13. Salihova A.A. YAzykovye sredstva diskreditacii v stihotvornyh tekstah s neyavnoj kommunikativnoj funkciej vyskazyvaniya [Tekst]: mag.dis. Tol'yatti, 2019. 73 p. (In Russ.).

14. Habekirova Z. S. Strategiya diskreditacii i priemy ee realizacii v politicheskom diskurse demokraticheskoj oppozicii // Habekirova Z.S. 2011. P. 7. (In Russ.).

15. Sherbinina Y. V. Verbal'naya agressiya. Moscow: KomKniga, 2006. 360 p. (In Russ.).

**THE IMPLEMENTATION OF DISCREDITING TACTICS
IN MODERN MEDIA TEXTS: A LINGUISTIC ASPECT**

Victoria E. Lopatina

Tatyana N. Permyakova

Candidate of Sciences (Philology)

Novosibirsk State Technical University

(Novosibirsk, Russia)

Abstract

The subject of the study is the peculiarities of the use of the language tools in the implementation of the speech strategy of discrediting. The purpose of this work is to describe the linguistic means of implementing the discrediting strategy, to identify the goals of its use. The relevance of the study lies in the fact that the strategy under consideration is characterized by high conflict potential and is destructive, but at the same time has a high level of impact, which leads to the formation of a negative image of someone in the mass recipient. As tactics used in the implementation of the discrediting strategy, the tactics of analysis-"minus", the tactics of accusation, the tactics of denunciation, the tactics of mockery, the tactics of insult were considered. The following methods were used to conduct the research: semantic description, semantic analysis, contextual analysis, semantic-syntactic analysis. In this article, the implementation of the discrediting strategy is considered on the basis

В. Е. Лопатина, Т. Н. Пермякова

of the statements taken from media texts. The main results of the work were the identification of the fact that the discrediting strategy is aimed at creating a negative image of the object, which is mainly achieved by using speech units of an evaluative nature. Also, discrediting was considered as a type of verbal aggression, which is one of the ways of verbal influence on the addressee. The significance of the study lies in the fact that now media texts are the most common type of information transmission, due to the knowledge of influencing tactics, it is possible to avoid the influence they are aimed at. The novelty of the work lies in the analysis of fragments of media texts at the regional level, in the description of new means and ways of implementing the strategy of speech discrediting.

Keywords: strategy, discrediting, tactics, technique, media text, speech aggression

Для цитирования: Лопатина В. Е., Пермякова Т. Н. Реализация дискредитирующих тактик в современных медиатекстах: лингвистический аспект // Libri Magistri. 2023. № 3 (25). С. 109–118.

Поступила в редакцию 15.06.2023

ББК 83.011
УДК 82(01+09)

Е. В. Малинкина¹
ORCID:0009-0001-4513-9036
Тверской государственный университет
170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33
alenka.malinckina@yandex.ru

ЖАНРООБРАЗУЮЩИЕ ФАКТОРЫ ПРОЗАИЧЕСКОЙ МИНИАТЮРЫ: ЭСТЕТИЧЕСКИЙ И ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ

Жанрообразующие факторы прозаической миниатюры рассматриваются в рамках художественного опыта освоения реальности – в контексте эстетического духовного созерцания и этического познания. В кратких произведениях И. Бунина выявлены особенности, которые соответствуют формам лирики и эпоса в миниатюре. Определены такие жанровые особенности, как выдвигание на первый план существенного момента жизни, большая концентрация деталей, тяготение слова к символизму, единство рассказчика и автора и рецептивная эстетика как инструмент связи автора с читателем, усиление эстетического воздействия слова. Используются методы имманентного анализа художественной структуры, анализа художественного мира писателя и анализа контекста его произведений – историко-культурного, социального и литературного. С целью показать связь авторской позиции и художественной формы выполнено сравнение художественного метода И. Бунина и И. Бабеля. Позиция писателей рассмотрена через знаковые реалии эпохи гражданской революции. Подчеркнута организующая жанровую структуру роль философской мысли и ценности, запечатленной в образе, как эстетической, так и этической. Показано значение языковых средств выражения реалистической картины мира. Это функция языка персонажа в эпической зарисовке Бунина и синестезия в лирическом описании в прозе Бабеля. В трагическом пафосе произведения И. Бабеля «Гедали» найдены художественные средства, формирующие миниатюру. Сопоставлены мотивы отношения к жизни в творчестве писателей – мотив

---

¹ Малинкина Елена Владимировна, аспирант кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества, Тверской государственный университет, г. Тверь, Россия.

отчуждения жизни, характерный для разных произведений Бунина, и мотив поиска правды жизни в кратком произведении Бабеля. В заключении обозначена ценность факторов, образующих краткую жанровую форму, – в повышении эстетической роли позиции автора и этической функции персонажа.

Ключевые слова: прозаическая миниатюра, жанрообразующие факторы, малые прозаические формы, авторская позиция, синестезия, система образов, читатель, эстетика созерцания, этическая ценность, художественный метод

Введение. Произведение является художественным, если оно составляет целое, имеет центр-замысел, упорядочено в сюжете, согласовано в форме и содержании, а также ритмично в изложении. Особенность краткого литературного произведения в том, что оно требует наибольшей организованности, связности инструментов выражения замысла, пропорциональности, порядка и гармонии, а также логоса, или полноты слова, семантического наполнения словообраза. Все это принадлежит автору. В осмысленном художественном целом автор – «воплощенная в произведении позиция, мысль, эмоция, придающая ему своеобразие, целостность и уникальность» [15, 290]. Это универсальная категория автора, не образ, а голос автора, по М. М. Бахтину, «чистый автор», или авторская позиция, художественное сознание, определяющее художественный метод и концепцию [2, 288].

Представляется, что прозаическая форма миниатюры, наиболее близкая к поэзии, стала развиваться в период первых десятилетий XX века, когда поэзия превалировала над прозой, поскольку реалистическую эстетику сменила модернистская. Модернисты экспериментировали, искали новые формы произведений, новые модели постижения действительности. В творчестве Ивана Бунина много кратких форм, включенных в сборники рассказов: «Книга», «Роза Иерихона», «Муравский шлях», «В одной знакомой улице», «Часовня», «Ночь отречения», «Аля», «Ахмат», «Бернар», «Далекий пожар», «Дедушка», «До победного конца», «Журавли», «Идол», «Именины», «Канун», «Капитал», «Комета», «Коренной», «Ландо», «Легенда», «Лита», «Людоедка», «Марья», «Маска», «Мистраль», «Модест», «Молодость», «Музыка» и др. Бунин писал о себе: «Свои стихи, кстати сказать, я не отграничиваю от своей прозы. И здесь, и там одна и та же ритмика... – дело только в той или иной силе напряжения ее» [10]. Так, ритмичен зачин краткого произведения «Легенда», по жанру подобного миниатюре: «Под орган и пение, – все

пели под орган нежное, грустное, умиленное, говорившие: «Хорошо нам с тобой, господи!» – под орган и пение вдруг так живо увидел, почувствовал ее, – мой вымысел, неожиданный, внезапный, неведомо откуда взявшийся» [7].

1. Этический аспект авторской позиции. Наибольшего соответствия действительности можно достичь только в прозе. В эпических зарисовках Бунина из жизни выхвачен самый существенный момент, чтобы заострить внимание на всех гранях смыслового значения образа, философского, социального, культурного, религиозного: «Бродяга» (образ свободы, данный в точном выражении: «Бог бродягу не старит»), «Аля» (образ детской непосредственности и наивности женщины), «Дедушка» (образ борьбы старости за жизнь), «До победного конца» (бесчеловечность, утопизм религии в образе попа), «Журавли» (связь человека с природой в образе пьяного), «Идол» (тупость, отчуждение от общества в образе эскимоса) [12].

В ценности, запечатленной в образе, выражается этический аспект авторской позиции, это решение социокультурных проблем, обобщение понимания жизни. В зарисовке «Канун» показаны три слоя общества – босяк, мукомол и господин – накануне революции. «Стоит босяк, спешно, как собака, пожирает из грязной тряпки что-то вроде начинки». <...> «трясутся, вися с грядок, страшные сапоги мужиков. Все в муке, – мукомолы, – все великаны, и все рыжие, без шапок, в красных рубахах распояской». В вагоне поезда «господин лет за сорок, широкий и стриженный бобриком, в золотых очках на плоском носу с наглыми кудрями» [6] перебирает чемоданы. В малом объеме большая концентрация деталей создает картину во времени и пространстве. Авторская позиция выражена в сравнении «как собака», «великаны», в эпитетах «страшные», «наглые», в цветовой гамме «рыжие», «золотые».

2. Своеобразие художественного мира писателя. Продолжение мотива в краткой форме. Можно предположить, что в художественном методе писателя краткая форма является своего рода кульминацией поэтической идеи. Образы, мотивы, развиваемые в разных произведениях, здесь получают возможность продолжения и ценностного завершения. Эти ценности составляют культурный этос писателя. Например, мотив отчуждения в рассказе И. Бунина «Господин из Сан-Франциско» (1915) дополняется сравнением с идолом в образе капитана – «рыжего человека чудовищной величины и грузости, похожего <...> на огромного идола и очень редко появлявшегося на люди из своих таинственных покоев» [13]. Вместе

с тем в миниатюрной форме произведения «Идол» (1930) этот мотив гиперболизируется в образе эскимоса: «занимался этот идол только тем, что <...> сидел себе на снегу, не обращая внимания на толпящийся перед ним народ, и от времени до времени давал представление: меж его колен стояли две деревянные миски, – одна с кусками сырой конины, а другая с черной кровью» [4]. Эта «разновидность человека» нарисована на фоне праздника, музыки, жениха и невесты, гуляющих в саду. Возможно, для полноты выражения Бунин часто использует метод противопоставления (можно сравнить образ капитана в произведениях «Бернар» и «Господин из Сан-Франциско»). Однако, скорее, вся жизнь ему представляется антитезой. Образы людей и общества символичны.

3. Тяготение слова к символизму в малой лирической форме.

Стушение и напряжение характеризовало атмосферу литературного мира начала XX века, наполненную зарождением философской мысли, эстетическим созерцанием. Причем эстетическое чувство возносилось над этикой, сохранилась только этика Толстого и Достоевского, их труды, а также труды В. Соловьева и символистов положили начало философской мысли. В. Соловьев мироздание понимал как иерархическую систему и считал, что символ связывает мир материальный с миром высшим, духовным. Символ поэтому полифоничен, бесконечен в смысловом наполнении. Жанровой форме миниатюры свойственно смысловое наполнение слова, тяготение слова к символу. Среди кратких произведений Бунина символична «Роза Иерихона», которую польская исследовательница Рената Лис считает скорее рассуждением, чем рассказом [14]. Старец Савва, как пишет Бунин, растение синайских предгорий, каменистых песков назвал символом воскресения. Этот «клубок сухих, колючих стеблей» многие годы сохраняет в себе жизнь: если положить его в воду, он оживает и распускается, дает «розовый цвет». Бунин наполняет символ гимном памяти: «И бедное человеческое сердце радуется, утешается: нет в мире смерти, нет гибели тому, что было, чем жил когда-то! Нет разлук и потерь, доколе жива моя душа, моя Любовь, Память!» [11] В этой философской мысли писатель предсказывает современные научные достижения, которые подтверждают существование души, а значит, и вечной памяти. Следуя духовному стремлению, Бунин придает образу глубокое поэтическое значение: вода становится живой влагой сердечных чувств, а цветок – корнями прошлого.

4. Роль природы в художественном методе И. Бунина.

В книге о Бунине Рената Лис говорит, что он знал: «стиль

не выбирается и не изобретается в духе эпохи или времени, потому что стиль – это человек». Увидеть и донести увиденное до других, выбирая свои средства выражения, создавая свой творческий метод. Особенность метода Бунина в том, что «можно было бы назвать докартезианским чувственным познанием, где жажда познания – *libido sciendi* – синонимична эротическому желанию и где правда познается в первую очередь чувствами» [14, 293]. Через природу он выражал себя благодаря обостренному чувствованию: «Тучи, угрюмые и грузные, как в ночи Потопа, все ниже спускаются над океаном. Но в безграничном пространстве между ними и водной хлябью есть некое подобие света: океан до сокровенных глубин насыщен сокровенным пламенем неисчислимых жизней» [9]. Рената Лис приводит мнение Бунина о важности описания природы: «каждое движение природы есть движение нашей собственной жизни» [14, 128]. Для формы миниатюры характерно изображение социальных проблем в природных явлениях.

5. Организующая роль философской мысли в кратком произведении. Литература решает вопросы жизни, как и философия. Но краткая форма малой прозы ближе к жизни, чем философия, поскольку рассуждение содержит в себе образ, который живет, живую картину. Мысль и образ объединены в изображении жизни. В миниатюре это изображение постижения смысла явлений жизни. В краткой жанровой форме соединяется восприятие явления с самим явлением в изображении его, а значит, мирозерцание и миропонимание соединяются в создании картины жизни. В произведении «Бернар», также отнесенном к рассуждению, по жанровой форме подобному миниатюре, визуальный образ утра «Я открыл окно, и в лицо, в грудь, в душу мне пахнул очаровательный холодок ночи. Прозрачная синева неба трепетала живым блеском звезд...» [3] дополняется интенцией познания – «Вдыхаешь, пьешь, видишь рождающуюся телесную жизнь мира, – жизнь, тайна которой есть наше вечное и великое мучение...» [3]. И далее в этой телесной жизни появляется образ моряка, знающего морские приметы, трудолюбивого. Его любовь к порядку показывает очень точная деталь: моряк «не терпел даже капли воды на какой-нибудь медной части...» [3]. И далее, в лирическом рассуждении, ставится вопрос: «Да какая польза ближнему могла быть в том, что Бернар сейчас же стирал эту каплю? А вот он стирал ее. Зачем, почему?» Символический смысл ответа дан рефреном – при жизни и перед смертью героя – «Думаю, я был хороший моряк» [3]. Исполнение

предназначения своего как воли Бога – религиозно-философская идея автора, она организует произведение.

6. Роль рецептивной эстетики в жанровой форме миниатюры. Единство персонажа и автора. Малая форма требует жизненного и творческого опыта автора, духовного и идейного поиска, глубокого проникновения в человека. «Идея задана в структуре художественного целого», всех элементах его формы, она определяет «единство самобытного нравственного отношения к предмету» [15, 300], другими словами, этическую позицию автора. Персонажем произведения является настоящий прототип, о котором писал Мопассан в рассказе «На воде». Бунин учился терпению и усердию у Флобера. В диалогическом взаимодействии текстов он соединил себя как героя своего произведения с флюберовским Бернаром, чтобы продолжить в образе моряка понимание смысла жизни человека. Очевидно, что Бунин видел в работе моряка не только подобие литературному творчеству, плаванию по ветру вдохновения, но этику жизни в ценности предназначения человека: «мы должны знать, что все в этом непостижимом для нас мире непременно должно иметь какой-то смысл, какое-то высокое божье намерение, направленное к тому, чтобы всё в этом мире «было хорошо» и что усердное исполнение этого божьего намерения есть всегда наша заслуга перед ним, а посему и радость, гордость» [3]. Расстояние между писателем и читателем здесь преодолевается посредством рецептивной эстетики, обращением «мы». Активизация внимания читателя является особенностью миниатюры. Степень эстетического воздействия слова, его влияния на восприятие содержания читателем здесь увеличена за счет единства персонажа и автора.

7. Особенности повествования в краткой эпической форме. Эстетическая функция слова. Контекст, в котором осуществляется поэтическая идея, понимается как ценностный мир, создаваемый отбором, художественным воссозданием и творческим сочетанием элементов с помощью слова, языковых средств выражения. В эпических формах в повествовании от третьего лица рассказчик удален от персонажей, от явлений жизни, что позволяет наиболее полно изобразить внутренний мир персонажа и характеризовать явление жизни с его точки зрения. В такой картине нет позиции повествователя – и картина говорит сама за себя, что похоже на ранние стихи Н. Заболоцкого (в сборнике «Столбцы»), в которых есть густая, наполненная деталями картина действительности, но нет отношения автора к изображаемому. В кратких прозаических формах у Бунина встречается субстантивизированное повествование, состоящее

из голосов персонажей («Лита»), лишенное авторства. Миниатюре свойственно объективное повествование, но голосу персонажа может придаваться основополагающая роль. Так, судьба нищей сироты в зарисовке «Людоедка» ужасна, но заставляет содрогнуться сердце именно голос старости, завершающий повествование из семи предложений: «Сука! Побирושка! Междеворка! Людоедка! Волшебница!» [8]. Здесь язык персонажа представляет сам по себе культурную ценность народа.

8. Понимание позиции автора через знаковые реалии эпохи.

Миниатюра, как и поэзия, эгоцентрична. Но в ней эгоцентризм сочетается с антропоцентризмом постольку, поскольку изображение цветка сочетается с его ролью в жизни человека, в событийном её содержании, в её движении, изменении. В жанре миниатюры к фрагменту размышления добавлен источник мысли. С одной стороны, это герой, с другой стороны, это место и время действия как источники восприятия мира. Герой является транслятором мира. Поэтому образ предмета становится символом, т. е. соединяет объективное знание о вещи, характерное для эпохи, с индивидуальным постижением этой вещи писателем. Представляется возможным, что в малой, символической форме Бунин передает свое отношение к событиям 1924 года: смерти Ленина, борьбе за власть, действиям Антирелигиозного комитета и, как следствие, смерти Патриарха Тихона. В произведении «Именины» антагонистичны образы «громоздкой пыльно-черной тучи» и «ослепительного солнечного света». «Черный ад обступает радостный солнечный мир усадьбы» [5]. Форма лирическая, писатель и герой – одно лицо. Он видит себя со стороны на празднике в усадьбе, полном довольства и счастья. Но ему и сладостно, и тяжело от «страшной тучи», от «растущей тишины», от того, что не только он, но и все остальные – вне жизни на этих именинах, кажущихся сказкой, потому что «вся вселенная на краю гибели». Герой видит себя отвлеченно от картины жизни, во сне, он не принимает эту жизнь. Здесь можно усмотреть и влияние мистической эстетики В. Соловьева на технику сгущения смысла. Очевидно, что система соответствий эстетического символизма оказала влияние на художественный метод Бунина.

9. Синестезия и система образов в миниатюрной картине реализма И. Бабеля. В 1946 г. в Париже в разговоре с Константином Симоновым (по свидетельству Адамовича) «Бунин перебирал одно за другим имена писателей, трагическая судьба которых была всем известна» [14, 245] в период революции в России. Среди них он упомянул Исаака Бабеля. Молодой Бабель также ориентировался

на Мопассана. Но он принимал жизнь, со всеми её страстями, революцией, гражданской войной, – все это стало объектом его художественного исследования. Форма краткого рассказа Бабеля «Гедали» подобна жанровой форме миниатюры, она заостряет внимание на социальной проблеме. Автор выступает рассказчиком-революционером, но ценностная, нравственная позиция принадлежит герою. Картина смерти базара дана в двух простых предложениях, состоящих из образов: «Убита жирная душа изобилия. Немые замки висят на лотках, и гранит мостовой чист, как лысина мертвеца» [1, 131]. Трагизму противостоит мотив поиска жизни (в смертоносном пространстве) автором-рассказчиком, его символизирует образ робкой звезды. Интертекстуальный образ Диккенса помогает передать древнюю атмосферу торговой лавки Гедали. Образ маленького хозяина Гедали помещен в один ряд ассоциаций с образом кораблика детского сердца на волнах воспоминаний, данным в зачине. Настроение разговора с Гедали рисует рассказчик: «Небо меняет цвета. Нежная кровь льется из опрокинутой бутылки там, вверху, и меня обволакивает легкий запах тления». Метод синестезии соединяет разные грани сенсорного восприятия действительности. Трагический образ предшествует слову «революция», которое в этом контексте звучит как выстрел. Антагонистичен контекст со словом революция: революция и стрельба, с одной стороны, с другой – сладкая революция. Позиция рассказчика в ряду ассоциаций крови и пороха антагонистична позиции Гедали: «Революция – это хорошее дело хороших людей. Но хорошие люди не убивают». Гедали хочет, чтобы накормили каждую душу. Это антагонизм одной жирной душе базара. Такая инструментальная насыщенность свойственна малой жанровой форме миниатюры. Картина действительности расширяется за счет *многообразия образов*, системы образов, которая компенсирует отсутствие повествования, экспликации.

10. Сравнение авторской интенции и художественного метода И. Бунина и И. Бабеля. Творчество двух художников-исследователей жизни представляется разнонаправленным. Интенция текста «Гедали» направлена на основной антагонизм революции – построение доброго мира посредством насилия. Мы видим образ детства, ищущего правды, и образ революционера, требующего отдать ему самое дорогое – граммофон, символизирующий пищу для души. Проблема насилия не решена и в нашей современности, причем сегодня она переходит в область языка, в информационное насилие, в котором нивелируются ценности. Бабель работает в тесной связи с общественными преобразованиями России. Вместе с тем Бунин

в изгнании черпает материал жизненных впечатлений, накопленный в России, из себя, из памяти. В 1966 г. в Литературной России К. Симонов назвал Бунина человеком другой эпохи, оставшейся в прошлом России.

Художественный метод писателей построен на антагонизме. Бунин противопоставляет высокое и низкое, антагонизм его образов обращен на бездушное и бездуховное. Метод Бабеля не дуалистичен, антагонизм Бабеля показывает грани одного явления, и святое, и грешное. Он ищет гиперболичное, чтобы вышло на поверхность безобразное и красивое.

Заключение. В жанровых особенностях малой прозы, послуживших построению формы миниатюры, как масло на поверхности молока при пахтании, проступает эстетическая и этическая ценность картины мира, то есть сами жанрообразующие факторы способствуют сгущению авторской позиции в понимании красоты и нравственности. Центром, объединяющим жанрообразующие факторы в едином принципе построения, является краткость. Краткость заостряет внимание на идейном центре произведения, требует этического и эстетического наполнения слова, разнообразия лексических средств выражения в составлении образа. Эта особенность, а также глубокая связность текста, создающая напряжение, способствуют яркому выражению авторской позиции как эстетики созерцания действительности, а также четкой передаче позиции персонажа как этики ценностной системы представителя действительности. Это способствует развитию языка, наращению выразительности ассоциативной сферы, в которой чувство и ценность взаимосвязаны, вовлечению читателя в познание, глубокое понимание значимых моментов картины мира.

Список источников

1. Бабель И. Э. Избранное. Москва: АСТ; Олимп, 2001. 587 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров; Текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; Примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. Москва: Искусство, 1979. 424 с.
3. Бунин И. А. Бернар [Электронный ресурс] // Иван Алексеевич Бунин (1870–1953). URL: <http://bunin-lit.ru/bunin/rasskaz/bernar.htm> (дата обращения: 06.11.2022).

4. Бунин И. А. Идол [Электронный ресурс] // Иван Алексеевич Бунин (1870–1953). <http://bunin-lit.ru/bunin/rasskaz/idol.htm> (дата обращения: 02.06.2023).
5. Бунин И. А. Именины [Электронный ресурс] // Иван Алексеевич Бунин (1870–1953). URL: <http://bunin-lit.ru/bunin/rasskaz/imeniny.htm> (дата обращения: 06.11.2022)
6. Бунин И. А. Канун [Электронный ресурс] // Бунин Иван Алексеевич. Рассказы 1917–1930. URL: http://bunin.velchel.ru/index.php?cnt=26&story=td_88 (дата обращения: 06.11.2022).
7. Бунин И. А. Легенда [Электронный ресурс] // Иван Алексеевич Бунин (1870–1953). URL: <http://bunin-lit.ru/bunin/rasskaz/legenda.htm> (дата обращения: 06.11.2022).
8. Бунин И. А. Людоедка [Электронный ресурс] // Бунин Иван Алексеевич. Рассказы 1917–1930. URL: http://bunin.velchel.ru/index.php?cnt=26&story=td_74 (дата обращения: 06.11.2022)
9. Бунин И. А. Ночь отречения [Электронный ресурс] // Иван Алексеевич Бунин (1870–1953). URL: <http://bunin-lit.ru/bunin/rasskaz/noch-otrecheniya.htm> (дата обращения 06.11.2022).
10. Бунин И. А. Происхождение моих рассказов [Электронный ресурс] // Иван Алексеевич Бунин. URL: <http://bunin-lit.ru/bunin/zapisnye-knizhki/proishozhdenie-moikh-rasskazov.htm> (дата обращения: 06.11.2022).
11. Бунин И. А. Роза Иерихона [Электронный ресурс] // Бунин Иван Алексеевич. Рассказы 1917–1930. URL: http://bunin.velchel.ru/index.php?cnt=26&story=td_1 (дата обращения: 06.11.2022).
12. Бунин И. А. Собрание сочинений: в 11 т. (1934–1936). Берлин: Петрополис. Т. 9: Цикады. 1935. 297 с.
13. Бунин И. Господин из Сан-Франциско [Электронный ресурс] // Бунин Иван Алексеевич. Повести и рассказы 1912–1916. URL: http://bunin.velchel.ru/index.php?cnt=25&story=tc_28 (дата обращения: 02.06.2023).
14. Лис Р. Во льдах прованса. Бунин в изгнании / Пер. с польск. М. Крисань. Москва: Текст, 2022. 416 с.
15. Сухих И. Н. Структура и смысл: теория литературы для всех. Санкт-Петербург: Азбука, 2016. 541 с.

REFERENCES

1. Babel' I. Je. Izbrannoe. Moscow: AST; Olimp, 2001.

2. Bahtin M. M. Jestetika slovesnogo tvorcestva / Sost. S. G. Bocharov; Tekst podgot. G. S. Bernshtejn i L. V. Derjugina; Primech. S. S. Averinceva i S. G. Bocharova. Moscow: Iskusstvo, 1979. 424 p.

3. Bunin I. A. Bernar [Jelektronnyj resurs] // Ivan Alekseevich Bunin (1870–1953). URL: <http://bunin-lit.ru/bunin/rasskaz/bernar.htm> (accessed 06.11.2022).

4. Bunin I. A. Idol [Jelektronnyj resurs] // Ivan Alekseevich Bunin (1870–1953). <http://bunin-lit.ru/bunin/rasskaz/idol.htm> (accessed 02.06.2023).

5. Bunin I. A. Imeniny [Jelektronnyj resurs] // Ivan Alekseevich Bunin (1870–1953). URL: <http://bunin-lit.ru/bunin/rasskaz/imeniny.htm> (accessed 06.11.2022).

6. Bunin I. A. Kanun [Jelektronnyj resurs] // Bunin Ivan Alekseevich. Rassказы 1917–1930. URL: http://bunin.velchel.ru/index.php?cnt=26&story=td_88 (accessed 06.11.2022).

7. Bunin I. A. Legenda [Jelektronnyj resurs] // Ivan Alekseevich Bunin (1870–1953). <http://bunin-lit.ru/bunin/rasskaz/idol.htm> (accessed 02.06.2023).

8. Bunin I. A. Ljudoedka [Jelektronnyj resurs] // Bunin Ivan Alekseevich. Rassказы 1917–1930. URL: http://bunin.velchel.ru/index.php?cnt=26&story=td_74 (accessed 06.11.2022).

9. Bunin I. A. Noch' otrechenija [Jelektronnyj resurs] // Ivan Alekseevich Bunin (1870–1953). URL: <http://bunin-lit.ru/bunin/rasskaz/noch-otrecheniya.htm> (accessed 06.11.2022).

10. Bunin I.A. Proishozhdenie moih rasskazov [Jelektronnyj resurs] // Ivan Alekseevich Bunin. URL: <http://bunin-lit.ru/bunin/zapisnye-knizhki/proishozhdenie-moih-rasskazov.htm> (accessed 06.11.2022).

11. Bunin I. A. Roza Ierihona [Jelektronnyj resurs] // Bunin Ivan Alekseevich. Rassказы 1917–1930. URL: http://bunin.velchel.ru/index.php?cnt=26&story=td_1 (accessed 06.11.2022).

12. Bunin I. A. Sobranie sochinenij: v 11 t. (1934–1936). Berlin: Petropolis. T. 9: Cikady. 1935.

13. Bunin I. Gospodin iz San-Francisko [Jelektronnyj resurs] // Bunin Ivan Alekseevich. Povesti i rassказы 1912–1916. URL: http://bunin.velchel.ru/index.php?cnt=25&story=tc_28 (accessed 02.06.2023).

E. V. Malinkina

14. Lis R. Vo l'dah provansa. Bunin v izgnanii / Per. s pol'sk. M.Krisan'. M.: Tekst, 2022.

15. Suhih I. N. Struktura i smysl: teorija literatury dlja vseh. St. Petersburg: Azbuka, 2016.

**GENRE-FORMING FACTORS OF THE PROSE MINIATURE:
AESTHETIC AND ETHICAL ASPECTS OF EXPRESSION
THE AUTHOR'S POSITION**

Elena V. Malinkina

Postgraduate Student at the Department
of Philological Basics of Publishing and Literary Creation,
Tver State University
(Tver, Russia)

Abstract

The genre-forming factors of the prose miniature are considered within the framework of the artistic experience of mastering reality – in the context of aesthetic spiritual contemplation and ethical cognition. The peculiarities of the organization of Bunin's short works of art, which correspond to the forms of the lyric and epic in miniature, have been revealed. Genre features such as the foregrounding of the essential moment of life, the great concentration of details, the tendency of the word to symbolism, the unity of the narrator and the author, receptive aesthetics as a tool of communication between the author and the reader, and strengthening the aesthetic impact of the word were defined. The methods of immanent analysis of the artistic structure, analysis of the artistic world of the writer and analysis of the context of his works – historical, cultural, social and literary – were used. In order to show the connection between the author's position and the artistic form a comparison of the artistic method of I. Bunin with I. Babel was made. The position of the writers is examined through the iconic realities of the Civil Revolution era. The role of philosophical thought and value imprinted in the image, both aesthetic and ethical, is highlighted as organizing the genre structure. The significance of linguistic means of expressing a realistic picture of the world is shown. It is the function of the character's language in Bunin's epic sketch and synesthesia in lyrical description in Babel's prose. In the tragic pathos of I. Babel's "Idali" the artistic tools forming a miniature were found. Motifs of the attitude to life in the works of the writers are compared – the motif of alienation of life, characteristic of Bunin's various works, and the motif of searching for the truth of life in Babel's short work. The conclusion presents the value

of the factors that constitute the brief genre form – enhancing the aesthetic role of the author's position and the ethical function of the character.

Keywords: prose miniature, genre-forming factors, short prose forms, author's position, synaesthesia, system of images, reader, aesthetics of contemplation, ethical value, artistic method

Для цитирования: Малинкина Е. В. Жанрообразующие факторы прозаической миниатюры: эстетический и этический аспекты выражения авторской позиции // Libri Magistri. 2023. № 3 (25). С. 119–131.

Поступила в редакцию 06.06.2023

К. С. Малявка

ББК 81.19
УДК 377:378

К. С. Малявка¹

ORCID: 0009-0002-4554-1727

Южный федеральный университет
344006, Россия. г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42
kmaliavka@sfedu.ru

Научный руководитель – Л. Б. Савенкова²

ORCID: 0000-0002-2637-679X

Южный федеральный университет
344006, Россия. г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42
savenkova@sfedu.ru

РАЗРАБОТКА ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ПРОЕКТА КАК СРЕДСТВО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ

Статья посвящена рассмотрению метода проектной деятельности как способа профессиональной ориентации студентов филологического факультета. Изложен опыт создания студентами первого курса направления «Отечественная филология» лексикографического проекта базового толкового словаря-пособия «Студент студента лучше поймёт» для среднего уровня владения русским языком как иностранным (B1). Практическое значение метода проектов в процессе обучения студентов-филологов проанализировано с учетом ФГОС ВО по направлению подготовки 45.03.01 «Филология». В статье выделены такие этапы работы над созданием пособия, как отбор лингвистического материала, изучение теоретических положений учебной лексикографии и преподавания русского языка как иностранного, создание набора мультимедийных презентаций, а также описаны навыки и умения, которые студентам удалось развить в ходе каждого этапа. Статья демонстрирует успешность развития профессиональных навыков студентов при использовании метода проектной деятельности на раннем этапе

---

¹ Малявка Карина Сергеевна, студентка-филолог, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, Россия.

² Савенкова Людмила Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, Россия.

обучения в вузе, необходимых для будущей профессиональной деятельности в разных аспектах: исследовательском, педагогическом, лексикографическом. Кроме того, особое внимание уделено ценности данного пособия не только для студентов – носителей языка и инофонов, но также для преподавателей в качестве дополнительного учебно-методического ресурса. Отмечена практическая полезность в формировании студенческих умений поиска информации с помощью разнообразного инструментария, в том числе и цифрового, и анализа полученных данных. Важность подобного рода проектов видится в углублении студенческих знаний о русском языке как системе, приобретении навыков межкультурной коммуникации, а также в улучшении системы современного филологического образования.

Ключевые слова: профессиональная ориентация, проектная деятельность, лексикографический проект

Введение. Вопросам совершенствования образовательных программ, создания новых методов обучения, направленных на выполнение различных образовательных задач, в настоящее время методисты уделяют особое внимание. Одним из таких подходов, на практике доказавших свою эффективность, стал метод проектов, благодаря своей универсальности пригодный для более практикоориентированного освоения различных дисциплин. Его изучением занимались и продолжают заниматься многие исследователи, например: В. С. Зайцев [5], Н. А. Киселева [6], В. В. Пак [13], А. В. Новикова [12], С. Ю. Вылегжанина [3], А. Н. Морозов [10], А. А. Конопелько [8] и другие, чьи работы доказывают ценность использования проектной деятельности в образовательной сфере; об опыте применения метода проектной деятельности писали Т. Г. Никитина и Е. И. Роголёва [11], З. Р. Аглеева и Л. В. Саидова [1], Е. Г. Койнова [7]. Они отмечают особую значимость данного метода, указывая, что именно проектная деятельность способствует получению студентами не только теоретических знаний, но и навыков их применения, что, безусловно, является одной из важнейших задач высшего образования. Поэтому сейчас во многие образовательные программы введены такие дисциплины, как, например, «Проектная деятельность», которые направлены на использование метода проектов студентами для развития их практических профессиональных навыков.

Внедрение метода проекта в образовательные программы с самого начала обучения помогает студентам уже с первого курса осознать ценность и необходимость изучаемого материала, а также

способствует пониманию способов применения полученных знаний. Навыки, приобретенные во время работы над проектами, крайне важны для развития профессиональных компетенций студентов. Направленные на профессиональную ориентацию проекты развивают все необходимые для высококвалифицированного специалиста качества.

В данной статье рассматривается эффективность проектной деятельности в развитии профессиональных навыков студентов-филологов в рамках дисциплины «Современный русский язык» на примере проекта базового толкового словаря-пособия по изучению русского языка как иностранного «Студент студента лучше поймёт», призванного помочь иностранцам расширить словарный запас и улучшить навыки оперирования русской лексикой.

После анализа научных работ по методике преподавания русского языка как иностранного выяснилось, что привлечение студентов-филологов к работе с иностранными обучающимися ещё не рассматривалось как эффективное средство развития их профессиональных навыков, а разработка их силами проекта, направленного на создание пособия-словаря для определенных уровней владения русским как иностранным – явление, можно сказать, уникальное. Эта форма работы, как представляется, имеет право расцениваться как эффективная и результативная в рамках изучения учебной дисциплины «Современный русский язык». Поэтому стоит осмыслить, чего смогли добиться первокурсники, выполняя заранее поставленные задачи.

Частными задачами проекта были следующие: отбор лексики, ориентированный на выбранный уровень владения русским языком как иностранным, изучение теоретического материала по лексикографии, а также создание мультимедийных презентаций, включающих в себя практические задания.

Стоит признать, что работа над проектом с самого начала вызвала у нас, у студентов первого курса, неподдельный интерес. На входном этапе перед нами стояло множество вопросов, связанных с организацией нашей работы, её выполнением и видением будущего результата, однако решения принимались довольно быстро, ведь у нас была цель – помочь иностранцам, сделать их обучение русскому языку проще и интереснее. А кто, как не студент, знает, что именно воспринимается просто и эффективно таким же студентом, как и он сам? В этом и заключается главная особенность нашего проекта: опираясь на те знания, которые сами только что получили, мы пытались создать продукт, способный помочь иностранцам самостоятельно, без помощи преподавателя расширять свой лексикон,

усваивать произношение и написание слов, воспринимать их на слух, знакомиться с ситуациями их употребления. С другой стороны, в осуществлении этого проекта мы увидели возможность понять иностранцев, которые, не владея русским языком, стараются его изучить.

Проект «Студент студента лучше поймёт» носит прежде всего лексикографический характер, ведь он посвящён именно работе с материалом пособия, а не напрямую с преподаванием. Именно поэтому было особенно важно опираться на основные положения лексикографии, о которых мы узнали, изучив немало научной литературы. Следуя принципам, отмеченным в учебном пособии «Лексикография русского языка» В. В. Дубичинского [4], мы создавали проект так, чтобы он соответствовал требованиям изучения русского языка как иностранного. Мы учитывали этап обучения студентов-иностранцев, их уровень владения языком, их возраст и психологические особенности, а также возможность разбирать материал пособия с преподавателем либо же анализировать его самостоятельно [4, 340]. Следовательно, совокупность лингвистических, психологических и социологических принципов стала основой всего проекта [4, 336]. Следуя принципам учебной лексикографии, мы организовали структуру базового толкового словаря-пособия таким образом, чтобы он строго соответствовал среднему уровню владения русским языком как иностранным (уровень B1). В качестве основы проекта мы выбрали слова из лексического минимума первого сертификационного уровня [9]; их толкование было осуществлено с учётом использования таких слов, которые, предположительно, уже известны студенту с указанным уровнем языка (это одно из самых важных правил учебной лексикографии) [4, 341]. Так, выполняя задачи научно-исследовательского характера, мы научились искать и отбирать нужный материал в Интернете, вникли в то, как читать научную литературу и как искать её с помощью таких сервисов, как, например, электронная база eLIBRARY.RU, а также освоили Национальный корпус русского языка. Значит проект помог развить системное и критическое мышление, способность осуществлять поиск, анализ и синтез информации.

Использование пособия «Студент студента лучше поймёт» наибольшую значимость имеет как раз тогда, когда общение между студентами и преподавателями в той или иной степени ограничено. Поэтому вопрос о том, как достичь максимального уровня понимания преподносимой в пособии информации, был ключевым. Мультимедийная презентация стала отличным его решением,

поскольку в ней на смену коммуникативному методу [14] пришёл метод инфографики – «визуализации, украшения, упрощения материала, предлагаемого к рассмотрению» [2, 193].

Презентации, являющиеся основой нашего проекта, включают в себя наряду с вербальной частью видео-, фото- и аудиоматериалы потому, что это позволяет добиться экономии времени и повышения доступности излагаемой информации. Формат презентации сам по себе лаконичен и предельно чётко, в нескольких слайдах может уместиться такой объём информации, который займёт несколько больших параграфов учебника. Сама мультимедийность проекта направлена на закрепление информации у изучающих русский язык путём восприятия её в разных видах. И для исполнителей проекта – носителей русского языка – подбор визуального материала также играет значительную роль. После отбора слов стояла задача грамотно и верно проиллюстрировать каждое, учитывая возможную абстрактность его семантики (что немаловажно, ведь визуализация абстрактных понятий – задача повышенной сложности). И действительно, эта работа оказалась самой трудной, но именно она формировала умение выбирать оптимальные способы решения поставленных задач, исходя из имеющихся ресурсов и, что ещё важнее, командной работе и лидерству.

Для повышения обучающего потенциала в каждую презентацию введено несколько упражнений. Среди них можно выделить задания следующих типов: 1) использующие инфографику для закрепления семантической информации (направленные на соотнесение отдельных слов с изображениями или предлагающие кроссворд с изображением в роли вопроса); 2) соединяющие обучение лексике с морфологией и словообразованием (например: «Распределите слова по частям речи», «Образуйте краткие формы данных прилагательных и измените их по родам», «Образуйте множественное число имён существительных», «Подберите правильные окончания»); 3) связывающие лексику с синтаксисом («Составьте словосочетание», «Составьте предложение, расставив слова в верном порядке»); 4) развивающие речевые способности инофонов («Соотнесите слово с толкованием», «Объясните значение фразеологизмов», «Ответьте на вопросы по теме», «Опишите, что изображено на слайде»).

Добавим: задания полезны не только для целевой аудитории словаря, но и для разработчиков. Вовлечение студентов-филологов в процесс создания подобных пособий автоматически расширяет их представление о русском языке как системе, позволяет осознать: студент не объект образовательного процесса и даже не обучающийся

субъект (по крайней мере не только обучающийся), а и субъект обучающий, то есть личность, формирующая свои профессиональные компетенции, практическая полезность которых очевидна и бесспорна. А это значит, что студенты теперь не только изучают какой-либо материал, но и анализируют его с учётом ориентации на аудиторию, и, обучая, обучаются сами в ещё большем объёме («Docendo discimus», – как гласит латинская поговорка). Направленность не только на тех, для кого предназначен проект, но и на его создателей расширяет возможности работы над ним и способствует повышению эффективности обучения русскому языку.

Проект не только расширяет границы студенческих знаний о русском языке, но и способствует развитию межкультурной коммуникации, что, несомненно, важно в современном мире. Изучая язык другого народа, мы все невольно познаём его историю и культуру, а следовательно, особенности мировоззрения. Межкультурное взаимодействие – ещё один важный навык, которым мы должны овладеть во время обучения. Взявшись за этот проект, мы осознали, что во многом именно от нас зависит, как иностранцы в нашем университете будут обучаться русскому языку и какие чувства и мысли он у них вызовет. А чтобы процесс обучения шагал в ногу со временем, важно не только применять уже ставшие привычными технологии, но и находить новые методы подачи информации. Привлечение студентов в таком случае становится неплохим экспериментом в обучении русскому языку как иностранному, выводящим на новый уровень не только преподавание, но и чувство языка у самих студентов – его носителей.

Однако, на наш взгляд, результат проекта «Студент студента лучше поймёт» ценен не только для студентов, но и для преподавателей. Этому способствуют по крайней мере три причины.

Во-первых, проект направлен на оптимизацию самостоятельного обучения. Инофон сам может услышать правильное произношение слов, увидеть их написание, а также узнать условия употребления, лишь кликнув на гиперссылку; а то, что тема излагается такими же студентами, как и он сам, делает увлекательным процесс обучения. Размещение словаря-самоучителя в электронном пространстве позволит преподавателям более эффективно распределить время занятия, предложив обучающимся просмотреть материалы по изучаемым темам во внеаудиторной обстановке.

Во-вторых, главный принцип работы с нашим пособием – активная практика. Все материалы проекта (аудио- и видеозаписи

диалогов и предложений, упражнения с разными видами работы) созданы с расчётом на возможность неоднократного прохождения тем, так что они надолго остаются в памяти студента.

В-третьих, электронный формат проекта позволяет использовать его дистанционно в любом месте и в любое время.

При создании подобных проектов у студентов появляется возможность почувствовать себя исследователями, рассматривающими русский язык с точки зрения носителей языка и инофонов, лексикографами, работающими над изложением и систематизированием материала в различных лексикографических пособиях и словарях, а также преподавателями. Таким образом, наш проект как средство профессиональной ориентации обладает огромным потенциалом для саморазвития студентов. С его помощью мы, студенты-первокурсники, учимся решать задачи профессиональной деятельности научно-исследовательского, педагогического и прикладного типа, которые отмечены в Федеральном государственном образовательном стандарте по филологии [15]. С уверенностью можно сказать, что работа над проектом уже сейчас, в начале нашего обучения в университете, способствует развитию как универсальных, так и общепрофессиональных компетенций, необходимых для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности. Проект базового толкового словаря для иностранцев помог не только посмотреть на русский язык как систему под другим углом, но и лучше понять изучаемую дисциплину.

Самое главное – полученный результат ещё не конечный. Область работы над проектом может расшириться до целых мультимедийных приложений-пособий, рассматривающих язык на разных его уровнях для более эффективного изучения. И чем больше будет интерес студенчества к такого рода проектам, тем нагляднее и очевиднее станут их польза и важность и для нас, носителей русского языка, и для иностранцев, желающих заговорить по-русски лучше.

Список источников

1. Аглеева З. Р., Саидова Л. В. Использование элементов инициативы CDIO и метода проектов в обучении РКИ // Символ науки. 2016. № 6-2. С. 100–103.
2. Арзамасцева Н. Ю. Инфографика как способ повышения эффективности обучения на занятии по РКИ // Ученые

записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2021. № 2(58). С. 192–198.

3. Вылегжанина, С. Ю. Принципы организации проектной деятельности на занятиях по РКИ // Методика преподавания иностранных языков и РКИ: традиции и инновации : Сборник научных трудов V Международной научно-методической онлайн-конференции, посвященной 85-летию Курского государственного медицинского университета, Курск, 14 мая 2020 года. Курск: Курский государственный медицинский университет, 2020. С. 305–309.

4. Дубичинский В. В. Лексикография русского языка: учеб. пособие. Москва: Наука; Флинта, 2008. 432 с.

5. Зайцев В. С. Метод проектов как современная технология обучения: историко-педагогический анализ // Вестник ЮУрГГПУ. 2017. №6. С. 52–62.

6. Киселева Н. А. К вопросу обучения студентов-филологов педагогического вуза проектной деятельности // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. №5 (50). С. 103–106.

7. Койнова Е. Г. Метод проектов в формировании литературно-краеведческой компетенции студентов-филологов бакалавриата // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2012. №3. 125–132.

8. Конопелько А. А. Метод проектов в современном образовании // ИСОМ. 2015. Приложение 1. С. 34–36.

9. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение / Н. П. Андриюшина и др. (электронное издание). 7-е изд. Санкт-Петербург: Златоуст, 2015. 200 с.

10. Морозов А. Н. Метод проектов // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2010. №13. С. 221–225.

11. Никитина Т. Г., Роголёва Е. И. Проекты вузовской лексикографической лаборатории: сотрудничество и сотворчество преподавателя и студента // Верба. Северо-Западный лингвистический журнал. 2021. №1(1). С. 69–78.

12. Новикова, А. В. Проектная деятельность при обучении РКИ как средство развития надпрофессиональных навыков // Методика преподавания иностранных языков и РКИ: традиции и инновации : Сборник материалов ИВ Международной научно-методической онлайн-конференции, Курск, 14 мая 2019 года

Курск: Курский государственный медицинский университет, 2019. С. 438–441.

13. Пак В. В. Метод проектов как способ формирования обобщенных проектных умений студентов инженерных вузов // Педагогическое образование в России. 2016. №1. С. 68–74.

14. Сун Хунхай. Современные методы в предоставлении РКИ // StudNet. 2021. №5. С. 155–159.

15. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 45.03.01 «Филология». Утв. Приказом Министерства образования и науки РФ от 12.08.2020 г. №986. С. 9–11.

REFERENCES

1. Agleeva Z. R., Saidova L. V. Ispol'zovanie jelementov iniciativy CDIO i metoda proektov v obuchenii RKI [Using elements of the CDIO initiative and the project method in teaching Russian as a foreign language]// Simvol nauki [Symbol of science]. 2016. №6-2. Pp. 100–103. (In Russ.).

2. Arzamastseva N. Yu. Infografika kak sposob povyshenija jeffektivnosti obuchenija na zanjatii po RKI [Infographics as a method of increasing the efficiency of learning Russian as a foreign language] // Uchenye zapiski. Jelektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University]. 2021. № 2(58). Pp. 192–198. (In Russ.).

3. Vylegzhanina, S. Ju. Principy organizacii proektnoj dejatel'nosti na zanjatijah po RKI [Principles of the organization of project activities in Russian as a foreign language classes] // Metodika prepodavanija inostrannyh jazykov i RKI: tradicii i innovacii : Sbornik nauchnyh trudov V Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoj onlajn-konferencii, posvjashhennoj 85-letiju Kurskogo gosudarstvennogo medicinskogo universiteta, Kursk, 14 maja 2020 goda. Kursk: Kurskij gosudarstvennyj medicinskij universitet, 2020. Pp. 305–309. (In Russ.).

4. Dubichinskij V. V. Leksikografija russkogo jazyka: uceb. posobie [Lexicography of the Russian language. study guide]. Moscow: Nauka: Flinta, 2008. 432 p. (In Russ.).

5. Zaitsev V. S. Metod proektov kak sovremennaja tehnologija obuchenija: istoriko-pedagogicheskij analiz [Project method as a modern technology in training: historical and pedagogical analysis] // Vestnik of South Ural State Humanitarian Pedagogical University. 2017. №6. Pp. 52–62. (In Russ.).

6. Kiseleva N. A. K voprosu obuchenija studentov-filologov pedagogicheskogo vuza proektnoj dejatel'nosti [To the question of teaching students-philologists of pedagogical university project activity] // Vestnik

Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2017. №5 (50). Pp. 103–106. (In Russ.).

7. Kojnova E. G. Metod proektov v formirovanii literaturno-kraevedcheskoj kompetencii studentov-filologov bakalavriata [The method of projects in the formation of literary and local history competence of philology students] // Vestnik VUiT. 2012. №3. (In Russ.).

8. Konopel'ko A. A. Metod proektov v sovremennom obrazovanii [The method of projects in modern education] // ISOM. 2015. Prilozhenie 1. Pp. 34-36. (In Russ.).

9. Lexical minimum of Russian as a foreign language. Level B1. Common language / N. P. Andryushina and others (electronic publication). 7th ed. St. Petersburg: Zlatoust, 2015. 200 p. (In Russ.).

10. Morozov A. N. Metod proektov [Method of project]// Psihologija i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya [Psychology and pedagogy: methodology and problems of practical application]. 2010. №13. Pp. 221–225. (In Russ.).

11. Nikitina T. G., Rogaleva E. I. Proekty vuzovskoj leksikograficheskoj laboratorii: sotrudnichestvo i sotvorcestvo prepodavatelja i studenta [Projects of the university lexicographic laboratory: cooperation and co-creation of a teacher and a student] // Verba. North-West linguistic journal. 2021. №1(1). Pp. 69–78. (In Russ.).

12. Novikova A. V. Proektnaja dejatel'nost' pri obuchenii RKI kak sredstvo razvitija nadprofessional'nyh navykov [Project activity in teaching Russian as a foreign language as a means of developing professional skills] // Metodika prepodavanija inostrannyh jazykov i RKI: tradicii i innovacii : Sbornik materialov IV Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoj onlajn-konferencii, Kursk, 14 maja 2019 goda Kursk: Kurskij gosudarstvennyj medicinskij universitet, 2019. Pp. 438–441. (In Russ.).

13. Pak V. V. Metod proektov kak sposob formirovanija obobshhennyh proektnyh umenij studentov inzhenernyh vuzov [The project method as a way of forming generalized project skills among engineering students] // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii [Pedagogical education in Russia]. 2016. №1. Pp. 68–74. (In Russ.).

14. Song Honghai. Sovremennye metody v predostavlenii RKI [Modern methods in teaching Russian as a foreign language] // StudNet. 2021. №5. (In Russ.).

15. Federal State Educational Standard for Higher Education in the program 45.03.01 «Philology». Pp. 9–11. (In Russ.).

**THE DEVELOPMENT OF A LEXICOGRAPHIC PROJECT
AS A MEANS OF PROFESSIONAL ORIENTATION OF STUDENTS**

Karina S. Maliavka

Student of Philology, Southern Federal University

К. С. Малявка

(Rostov-on-Don, Russia)

Lyudmila B. Savenkova

Scientific Supervisor, Doctor of Philology, Professor,

Southern Federal University

(Rostov-on-Don, Russia)

Abstract

The article is devoted to the consideration of the method of project activity as a way of professional orientation of the students of the Faculty of Philology. The experience of creating a lexicographic project of the basic explanatory dictionary-manual "The student will understand the student better" for the average level of proficiency in Russian as a foreign language (B1) by the first-year students of the program "National Philology" is described. The practical significance of the project method in the process of teaching philology students is analyzed taking into account the Federal State Educational Standard in the program 45.03.01 "Philology". The article highlights such stages of work on the creation of the manual as the selection of linguistic material, the study of theoretical provisions of educational lexicography and teaching Russian as a foreign language, the creation of a set of multimedia presentations, describes the skills and abilities that students managed to develop during each stage. The article demonstrates the success of the development of students' professional skills when using the project activity method at an early stage of higher education, necessary for future professional activity in various aspects: research, pedagogical and lexicographic. In addition, special attention is paid to the value of this manual not only for native-speaker students and for foreign-speaker students, but also for teachers as an additional educational and methodological resource. The practical usefulness in the formation of students' information retrieval skills using a variety of tools, including digital, and analysis of the obtained data is noted. The importance of such projects is seen in deepening the students' knowledge of the Russian language as a system, acquiring skills of intercultural communication, as well as in improving the system of modern philological education.

Keywords: professional orientation, project activity, lexicographic project

Для цитирования: Малявка К. С. Разработка лексикографического проекта как средство профессиональной ориентации студентов // *Libri Magistri*. 2023. № 3 (25). С. 132–142.

Поступила в редакцию 20.06.2023

ББК 81.1
УДК 801.732

П. А. Матюшкина¹

ORCID: 0009-0009-2439-9435

*Тверской государственный университет,
170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33
matyushkina.polina@bk.ru*

И. В. Гладилина²

ORCID: 0000-0002-7363-4122

*Тверской государственный университет,
170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33
Gladilina.IV@tversu.ru*

ПОНЯТИЕ СЧАСТЬЯ В ИДИОЛЕКТЕ А.П.ЧЕХОВА

Статья раскрывает содержание понятия «счастья» в языке великого русского писателя Антона Павловича Чехова. Основой работы стали тексты писателя, которые были специально отобраны для выполнения поставленных задач. Основное внимание было сфокусировано на рассказе «Крыжовник», раскрывающем особенности чеховского видения рассматриваемого понятия. Также в работе освещаются труды И. С. Шмелева, О. В. Сарачаева по поставленному вопросу для лучшего понимания языковой личности Чехова. Предмет исследования – тексты писателя, в которых можно увидеть отражение понятия «счастья». Цель работы – понять, как выражается отношение А. П. Чехова к концепту «счастье» через язык его произведений. Работа имеет практическую ценность, так как результаты исследования можно применять при анализе личности писателя и его жизненных принципов, а также при рассмотрении его произведений в школах, университетах для более полного получения знаний о «видении» мира А. П. Чеховым. Новизна исследования обусловлена тем, что интерес к Чехову с годами только

---

¹ Матюшкина Полина Александровна, студентка направления «Филология», Тверской государственный университет, г. Тверь, Россия.

² Гладилина Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, заместитель декана филологического факультета, заведующий кафедрой русского языка, Тверской государственный университет, г. Тверь, Россия.

возрастает, однако не многие обращают внимание на изучение особенностей понимания счастья писателем, хотя это может помочь лучше понять творчество А. П. Чехова и его философию. Для сбора статистических данных об употреблении интересующего нас понятия и просмотра конкретных контекстов, в которых оно фигурирует, использовались возможности Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: А. П. Чехов, счастье, «Крыжовник», И. С. Шмелёв, языковая картина, концепт

Введение. В своей работе мы решили рассмотреть творчество одного из самых знаковых писателей русской литературы и проанализировать его понимание «счастья». Цель нашего исследования – получение и обобщение информации о выражении концепта «счастья» в идиолекте Антона Павловича Чехова.

Прежде всего мы опирались на работу М. С. Шмелева [5] также мы взяли во внимание сборник статей «Концептосфера А. П. Чехова» [1], в котором исследователи подробно рассматривают понятия, наиболее часто употребляющиеся в идиолекте русского писателя. Еще одной важной для нас работой стала статья О. В. Сарычева «Опыт эвдемонизма: А. Шопенгауэр и А. П. Чехов о поисках счастья» [3]. Использованы нами были и возможности Национального корпуса русского языка, который позволил нам найти необходимую информацию об употреблении понятия «счастья» в творчестве писателя и проанализировать полученный материал.

И. С. Шмелев, изучая творчество А. П. Чехова, приходит к следующему выводу: «Основное в нем, – или как лейтмотив, – глубокие вопросы: «вечные загадки», универсальные: о Боге, о смысле жизни, о *бытии*, о Зле, как грехе, о счастье» [5, 548]. Именно на последнем мы сконцентрируем свое внимание. А. П. Чехов, по мнению И. С. Шмелева, не навязывает читателю своего собственного мнения, но при этом спокойно высказывает свои мысли по интригующим его темам. Как замечает Шмелев, Чехов «не отзывался на «злобу дня сего»; он созерцал глубины жизни, вечные глубины» [5, 548]. Именно эта мысль И. С. Шмелева характеризует русского писателя как уникальную личность, который имел свой собственный взгляд на многие явления.

В сборнике работ «Концептосфера А. П. Чехова» исследователи рассматривают наиболее часто встречающиеся концепты в идиолекте великого русского писателя [1]. Так, Н. В. Изотова анализирует концепт «жизнь» в языковой картине мира А. П. Чехова и приходит

к выводу, что данное понятие чаще всего употребляется в значении «существование человека среди других людей» [1, 137–139]. Также одним из самых значимых чеховских концептов является концепт «вера», который употребляется Чеховым в разных смыслах. Н. В. Изотова пришла к выводу, что для писателя более характерным является осмысление веры как типа отношений между людьми, а не сосредоточенность сознания на религиозной стороне [1, 357–366]. Писателю важно показывать жизнь человека именно в обществе.

О. В. Сарычев, анализируя чеховскую картину мира, на контрасте с А. Шопенгауэром, выделяет особенности чеховского видения и подчеркивает уникальность многих чеховских представлений о мире. Так, исследователь убежден, что тон произведений А. П. Чехова и его юмор достаточно мрачны и безнадежны, однако именно в этом и открывается правда человеческого существования. Русский писатель, показывая мелочность нашей повседневности, позволяет нам самим ответить на вопрос о сущности мира, в котором мы живем. Если уже говорить про конкретных представителей мира в понимании Чехова, то Сарычев пишет следующее: «Каждый представитель этого мира подобен «человеку в футляре», который замкнут в рамках своего сознания, и только в нем живет» [3, 121]. Нельзя не согласиться со словами исследователя, ведь если мы обратимся к произведениям Чехова и посмотрим после на реальную жизнь, то мы, и правда, найдем много сходств: каждый человек выстраивает себе определенные границы, через которые не в силах переступить, находясь в своего рода «футляре», описанном писателем.

Рассматривая концепт счастье, Сарычев приходит к выводу, что во всех бедах виноваты не статусы, а несознательность, которая проявляется у людей в отношении жизни. Счастье само по себе – сложная категория, которая требует детального рассмотрения. Счастье у Чехова, по мнению О. В. Сарычева, заключается в социально полезной деятельности, в труде. Мы понимаем: исследователь полагает, что счастье одного человека неразрывно связано с остальным обществом. Эта мысль схожа с мнением Н. В. Изотовой, которая также акцентировала внимание на рассмотрении человека в чеховской прозе только в связи с другими людьми.

Основная часть. Анализируемый нами концепт – счастье – относится к морально-этическим или же онтологическим концептам. Важно заметить, что А. П. Чехов очень точно вербализирует данное сигнификативное понятие, понимание которого не меняется от произведения к произведению. Мы не наблюдаем какого-то

существенного изменения в описании «счастья» у А. П. Чехова, оно у него практически статично, однако рассматривается с разных сторон.

С помощью Национального корпуса русского языка [2] было выяснено, что в 76 текстах писателя интересующее нас понятие встречается около 289 раз, что не может не наталкивать на мысль о важности данной категории в творчестве автора.

Трактовка понятия «счастье» в русской литературе существенно отличается от рассмотрения этого концепта с точки зрения языка. Если обратиться к толковому словарю С. И. Ожегова, то выясняем, что счастье – это чувство и состояние полного, высшего удовлетворения [4]. Если человек не несчастлив, то можно сделать вывод, что он счастлив. Третьего не дано, ведь нельзя быть немного счастливым или наоборот. Мы понимаем, что счастье – состояние личности, которое должно являться нормой.

Но что же говорит нам русская литература? Из многочисленных произведений мы узнаем, что быть счастливым – нечто за пределами нормы. Такое толкование понятия счастья не может не давить на человека. С одной стороны, мы понимаем, что счастье – нормальное состояние, в котором личность должна пребывать чаще всего, но, с другой стороны, нам страшно быть счастливым, ведь это неудобно, не в характере русского человека. Подобные размышления приводят к следующему выводу: существует два аспекта понимания рассматриваемого концепта, которые отличаются друг от друга.

Но какое понимание счастья мы можем встретить у конкретного писателя русской культуры? Для анализа возьмем тексты А. П. Чехова.

Обратимся к произведению «Крыжовник»: *«К моим мыслям о человеческом счастье всегда почему-то примешивалось что-то грустное, теперь же, при виде счастливого человека, мною овладело тяжелое чувство, близкое к отчаянию»* (А. П. Чехов. Крыжовник (1898)) [2].

Учитывая контекст, в котором А. П. Чехов употребляет рассматриваемый нами концепт, мы понимаем, что у писателя толкование «счастья» отличается от смысла языкового понятия. В данном тексте счастье выступает в роли чего-то тяжелого, обременяющего жизнь человека в целом. Счастье одних заставляет чувствовать себя несчастным других. Но такого не предусматривается в языковом понимании этого концепта. Разве может быть ощущение полного удовлетворения чем-то грустным и отягощающим? Чеховым счастье рассматривается вне обычной трактовки данного концепта, авторская интерпретация понятия фактически противоречит реальной жизни, то есть привычный для нас план выражения приобретает

совершенно иной план содержания. Следует обратить внимание на следующую цитату из произведения, в котором ярко выражено отношение писателя к рассматриваемому понятию: *«Счастья нет и не должно его быть, а если в жизни есть смысл и цель, то смысл этот и цель вовсе не в нашем счастье, а в чем-то более разумном и великом»* (А. П. Чехов. Крыжовник (1898)) [2].

Данный контекст является очень важным для понимания чеховской интерпретации «счастья» конкретно в этом тексте. Почему же счастье считается чем-то недостижимым? У писателя довольно мрачное понимание данного контекста, которое совершенно не соответствует привычному пониманию. Читатель чувствует некое давление, словно быть счастливым абсолютно не в правилах русского человека. Если мы будем трактовать это высказывание с точки зрения языка, то мы увидим, что А. П. Чехов видит смысл жизни личности не в удовлетворении и наслаждении, а в чем-то высоком и, вероятнее, в таком же недостижимом. Писатель откровенно говорит нам, что невозможно полностью насладиться жизнью, к этому даже не нужно стремиться, ведь такого удовлетворения и не бывает. И снова мы видим совершенно иной аспект рассматриваемого концепта, который так и говорит читателю, что не имеет смысла гнаться за «счастьем», ведь это состояние какого-то мгновения, которое не будет с человеком всегда.

Из этого мы можем сделать вывод, что у А. П. Чехова отличное от многих понимание одного из базовых концептов жизни человека. Писатель, как мы можем судить на основе данного текста, достаточно скептически относится к «счастью» в жизни, у него совсем другое понимание, которое заключается в том, что в целом такого состояния не должно быть у человека, так как оно не свойственно людям. Само понятие счастья по произведению «Крыжовник» означает «нечто недостижимое, отягощающее состояние человека присутствием в его жизни»

Рассмотрим концепт «счастье» в произведениях того же периода, когда был написан «Крыжовник». Мы обратили свое внимание на рассказ «Душечка», в котором увидели очень интересную интерпретацию рассматриваемого понятия, в чем-то перекликающегося с «Крыжовником»: *«Чтоб мне не было счастья ни на этом, ни на том свете!»* (А. П. Чехов. Душечка (1899)) [2].

Перед нами довольно интересная ситуация, ведь человек сознательно отказывается от счастья, словно оно совершенно не нужно для хорошей жизни. При этом А. П. Чехов до конца придерживается своей позиции, которую высказал ещё в «Крыжовнике». Счастье

по Чехову – это то, чего не должно существовать в жизни, ведь это чувство лишь путает человека, возможно, даже ограничивает его в раскрытии своего потенциала. И опять мы видим противоречия с реальной действительностью. Если применим языковую логику к произведениям Чехова, придем к выводу, что раз герои его не хотят двигаться к счастью, у них его нет, то они несчастны. Но разве так может быть? Отнюдь, ведь персонажи куда-то стремятся, ищут в своем существовании нечто «высокое», чтобы чувствовать себя удовлетворенным. А значит герои находятся в погоне за счастьем (по языковому пониманию).

Ещё одну интересную трактовку понятия «счастья» можно встретить в «Новой даче»: *«Должно, нет нам счастья ни на том, ни на этом свете. Всё счастье богатым досталось. Она говорила весело; очевидно, давно уже привыкла говорить о своей тяжелой жизни»* (А. П. Чехов. Новая дача (1899)) [2].

Если мы будем выделять тему, исходя из предложенного контекста, то мы придем к выводу: счастье – иллюзорное чувство в жизни человека, которое может появиться при хорошем материальном положении. Но если мы обратим наше внимание на реальную жизнь, то сможем ли мы с уверенностью сказать, что счастливы только богатые люди? Не можем согласиться с данным заявлением, так как такое абстрактное понятие не может рассматриваться только в аспекте материального состояния человека, существует множество иных трактовок, которые не связаны с деньгами. У А. П. Чехова и в третьем примере концепт «счастье» обрисовывается как нечто недостижимое, воображаемое и «тёмное».

Выводы. На основе трех рассмотренных текстов мы можем сделать вывод, что концепт счастье у А. П. Чехова соотносится с неким недостижимым состоянием, автор размышляет о некой несправедливости счастья к отдельным людям, счастье для Чехова – отягощение человека, ведь в гонке за счастьем он теряет себя.

Список источников

1. Концептосфера А. П. Чехова: сборник статей / Федеральное агентство по образованию, Федеральное гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Южный федеральный ун-т»; [редкол.: Н. В. Изотова (отв. ред.) и др.]. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2009. 368 с.

2. Национальный корпус русского языка (ruscorpора.ru). URL: <https://ruscorpора.ru/?ysclid=lkpr5rwnl863637059> (дата обращения: 10.04.2023).

3. Сарычев О. В. Опыт эвдомонизма: А. Шопенгауэр и А. П. Чехов о поисках счастья // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 118–125.
4. Словарь русского языка С. И. Ожегова // Толковый словарь Ожегова онлайн. URL: <https://slovarozhegova.ru/?ysclid=lkpsfxxjcb181469608> (дата обращения: 10.04.2023).
5. Шмелев И. С. Творчество А. П. Чехова // Шмелев И. С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 7 (доп.). Это было: Рассказы. Публицистика. Москва: Русская книга, 1999. С. 542–552.

REFERENCES

1. Konzeptosfera A. P. Chehova: sbornik statej / Federal'noe agentstvo po obrazovaniju, Federal'noe gos. obrazovatel'noe uchrezhdenie vyssh. prof. obrazovanija "Juzhnyj federal'nyj un-t; [redkol.: N. V. Izotova (otv. red.) i dr.]. Rostov-na-Donu: Izd-vo Juzhnogo federal'nogo un-ta, 2009. 368 p.
2. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka (ruscorpora.ru). URL: <https://ruscorpora.ru/?ysclid=lkpr5rwnl863637059> (accessed 10.04.2023).
3. Sarychev O. V. Opyt jevdomonizma: A. Shopengaujer i A. P. Chehov o poiskah schast'ja // Izvestija TulGU. Gumanitarnye nauki. 2013. № 2. Pp. 118–125.
4. Slovar' russkogo jazyka S. I. Ozhegova // Tolkovyy slovar' Ozhegova onlajn. URL: <https://slovarozhegova.ru/?ysclid=lkpsfxxjcb181469608> (accessed 10.04.2023).
5. Shmelev I. S. Tvorchestvo A. P. Chehova // Shmelev I. S. Sbranie sochinenij: v 5 vol. Vol. 7 (dop.). Jeto bylo: Rasskazy. Publicistika. Moskva: Russkaja kniga, 1999. Pp. 542–552.

THE CONCEPT OF HAPPINESS IN THE IDIOLECT OF A. P. CHEKHOV

Polina A. Matyushkina

1st year student majoring in "Philology", Tver State University
(Tver, Russia)

Irina V. Gladilina

Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of
Russian Language, Tver State University
(Tver, Russia)

Abstract

The article reveals the content of the concept of "happiness" in the language of the great Russian writer Anton Pavlovich Chekhov. The work is based on his own texts, which have been specially selected to fulfill our tasks. The main attention was paid to the story "Gooseberry" ("Kryzhovnik"), which directly reveals Chekhov's vision of the concept under consideration. The work also highlights the works of I. S. Shmelev, O. V. Sarachaev on the question posed for a better understanding of the linguistic personality of Chekhov. The subject of our research is the writer's texts, in which one can see the reflection of the concept of "happiness". The purpose of the work is to understand how Chekhov's attitude to the concept of "happiness" is expressed through the language of his works. Our work has practical value, since the results of the study can be used in the analysis of the writer's personality and his life principles, as well as in the analysis of his works at schools and universities in order to obtain more comprehensive knowledge about Chekhov's "vision" of the world. The novelty of the study lies in the fact that interest in Chekhov increases over the years, however, not many researchers turn their attention to the writer's understanding of happiness, although this helps to understand creative work of Anton Pavlovich Chekhov and his philosophy. While working on this article, we used the National Corpus of the Russian Language to collect statistical data on the use of the concept in question and to view the specific contexts in which it appears. It was with the help of certain passages of works that we were able to reveal the meaning of "happiness" in Chekhov's language picture of the world.

Keywords: A. P. Chekhov, happiness, "Kryzhovnik", I. S. Shmelev, language picture, concept

Для цитирования: Матюшкина П. А., Гладилина И. В. Понятие счастья в идиолекте А. П. Чехова // Libri Magistri. 2023. № 3 (25). С. 143–150.

Поступила в редакцию 01.07.2023

ББК 81.1
УДК 81-114.4

Т. О. Мусатова¹

ORCID: 0009-0000-8158-6143

Южный федеральный университет

Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая 105/42

tm.nfyz@yandex.ru

А. Ф. Пантелеев²

ORCID: 0000-0002-2090-9225

Южный федеральный университет

Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая 105/42

afpanteleev@sfedu.ru

КАЛАМБУР КАК ОСОБЕННОСТЬ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА А. АСТВАЦАТУРОВА)

Экспериментальный характер искусства, предлагаемый авторам с приходом эстетики постмодернизма, естественным образом поощряет практику языковой игры. Языковая игра в XXI веке проникает во все сферы языковой деятельности индивида и становится языковой болезнью. В статье исследуется языковая игра в художественной литературе Андрея Аствацатурова, видного представителя русского постмодернизма. Цель исследования – охарактеризовать способы выражения каламбура, иллюстрируемые примерами из прозы писателя. Анализ, проведенный в ходе исследования, показывает, что каламбур представлен способами, кодифицированными в языковом обиходе. Авторский идиостиль характеризуется обыгрыванием многозначности, созвучий на фонетическом уровне, обыгрыванием паронимов. Игровые манипуляции в прозе А. Аствацатурова выступают как яркие средства языковой игры и отличаются своей многофункциональностью. Делаются выводы о продуктивности этого элемента языковой игры в творчестве современного автора. Лингвокреативное воспроизведение знакомых реципиенту лексем основано на ассоциативном восприятии значений слов. Обращаясь к изучению лексического структурного

---

¹ Мусатова Татьяна Олеговна, магистрант, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия.

² Пантелеев Андрей Феликсович, доцент, кандидат филологических наук, кафедра русского языка, заведующий кафедрой, г. Ростов-на-Дону, Россия.

уровню каламбуров, выявляется их тесная связь с фонетическим, графическим, синтаксическим уровнями языка.

Ключевые слова: каламбур, лексический уровень, языковая игра, постмодернизм, полисемия, паронимы, комическое

Введение. Экспериментальный характер искусства, предложенный эстетикой постмодернизма, естественным образом поощряет практику языковой игры. Языковая игра в XXI веке проникает во все сферы языковой активности личности и, по словам М. Э. Рут и Е. Н. Ивановой, становится «болезнью языка» [13, 83].

В последние десятилетия языковая игра захватывает литературные и внелитературные жанры, что связано с определенным мироощущением языковой личности XXI века: для нее характерно иметь ироническое отношение к происходящему и предубеждение, что все уже было сказано. Включение языковой игры в язык рекламы, СМИ, политики, разговорную речь необходимо, например, для того, чтобы адресант мог проявить собственную индивидуальность в целях удивить реципиента, запомниться ему.

Актуальность выбранной темы обусловлена интересом со стороны лингвистов к проблеме определения места каламбуров в современном авторском речетворчестве и – конкретно – в поле языковой игры. Также художественное наследие Андрея Аствацатурова не отделено от читателя-исследователя большим временным промежутком, а потому может иллюстрировать отражение современных языковых явлений.

На современном этапе изучения понятия «языковая игра» многие исследователи признают некоторые неточности, из-за которых этот термин становится синонимичен другим языковедческим терминам [8, 51], в том числе и понятию «каламбур». Мы ставим задачей в данном исследовании разграничивать понятия «языковая игра» и «каламбур».

Основная часть. Одно из определений каламбура выглядит так: «фигура речи, состоящая в юмористическом использовании многозначности слова или звукового сходства различных слов» [12, 94]. Таким образом, языковое явление каламбура связывают с лексическим уровнем: с полисемией и омонимией. Например, О. А. Корниенко в своей работе для иллюстрирования каламбура упоминает название книги А. Вознесенского «Время пошло» [6, 35]. В то же время большинство лингвистов: В. З. Санников, С. В. Ильясова, И. В. Швецов и др. – рассматривает средства проявления языковой игры на всех уровнях языка.

Еще одним дифференциальным признаком для разграничения понятий стоит считать то, что каламбур связан с юмористическим дискурсом, языковой шуткой, когда языковая игра не всегда является проявлением сферы комического, смешного, а может преследовать прагматичные цели, например, привлечь внимание реципиента. Соответственно, понятие «языковая игра» шире «каламбура» – мы склонны разделять эту точку зрения.

Каламбур становится предметом интереса отечественных писателей уже около столетия, и это связано с социально-историческими, общекультурными явлениями. Особенное влияние на использование языковой игры оказала эпоха постмодернизма. Современный период развития русского языка и русской литературы оказался наиболее благоприятным для игровых манипуляций, направленных на слово или текст в целом.

Языковую игру в различных ее проявлениях можно назвать одной из ярких черт идиостиля Андрея Аствацатурова: она встречается в названиях романов, названиях глав, касается фамилии главного героя, проявляется как в речи персонажей, так и в речи автора. В художественных произведениях Андрея Аствацатурова языковая игра приобретает экспрессивную, игровую (людическую), развлекательную, смыслообразующую, сюжетообразующую функции. В связи с частотностью употребления языковая игра получает выражение на всех уровнях: каламбур же оказывается одним из продуктивных приемов языковой игры на лексическом уровне. Наблюдается вовлечение каламбура как лексической языковой игры в разноуровневую её организацию. Так, каламбур, выраженный через деривационный повтор, оказывается одновременно средством реализации антитезы: «...<книги> сочиняют для того, чтобы превратить неорганизованное людское стадо в организованное» [1, 153].

Современный писатель обращается к обыгрыванию сходно звучащих слов (фонетической омонимии, паронимии) или значений полисемного слова (различению, неразличению, смешению значений).

Каламбур, построенный на фонетической игре, позволяет обыграть использование в реплике нарратора следующих лексем: «Можно даже безнаказанно кричать медному, надменному триумфатору «ужо!» или даже «у, жопа!» [3, 56]. В аллюзивном примере с пушкинским «Медным всадником» употребление слов в одном контексте изначально вызвано совпадением их звуковой организации – в ином случае игровой потенциал сочетания данных лексем не был бы раскрыт.

Одним из продуктивных способов создания каламбура становится обыгрывание паронимов. Комический эффект достигается за счет обращения к стилистической фигуре паронимии. Неразличение паронимов, которое встречается в речи персонажей, связано с неподготовленностью речи, ситуациями, когда говорящий забыл нужное слово: «Не по мужскому он делу. Другого он... ориентирования» [2, 246]. Пара «ориентирование» – «ориентация» не приведена в авторитетных паронимических словарях, между тем эти лексические единицы иллюстрируют явление паронимии, заключающееся в употреблении одного сходно звучного слова вместо другого. Слово «ориентирование» синонимично «ориентации» в значении, связанном с устанавливанием местоположения или направлением на кого-то или что-то [11, 460]. Однако в высказывании подразумевается сексуальная ориентация (см. значение слова в «Толковом словаре русского языка» [11, 460]), и в данном случае такая синонимика со словом «ориентирование» невозможна.

В качестве заголовка одного из произведений используется реплика персонажа: «Искусство должно быть гармональным!» [3, 87]. В тексте находим пояснение для подобной лексической сочетаемости: «...это искусство, в котором ощущается гармония. Которое <...> гармональное!». Хотя слова относятся к разным тематическим полям и не являются однокоренными, «гормональный» и «гармоничный» схожи в своем ритмико-фонетическом оформлении, что позволяет коммуникатору использовать одну лексическую единицу вместо другой. Искаженная орфография слова «гормональный» подчеркивает деривационную связь между прилагательным и производящим словом «гармония».

В следующем примере подмена лексических единиц происходит с целью совмещения значения разных слов. Например, учительница истории именуется истеричкой [4, 142], что созвучно слову «историчка» из школьного сленга с имеющей черты сходства морфемной организацией: корень (-истор- или -истер-), суффиксы -ич- и -к- и окончание [16, 223]. Смысл использования слова в несвойственном значении заключается в создании лексемы со значением «истеричная учительница истории».

Весьма продуктивным способом реализации каламбура становится обыгрывание полисемии. Лексема для достижения комического эффекта может реализовывать два значения одновременно: «Охотники быстро смекнули, что они имеют дело с глупыми, неповоротливыми и беззащитными существами, – «коровами», одним словом» [3, 113]. В предложении «корова» употребляется как наименование вида вымерших водных млекопитающих (стеллеровой коровы) и как номинация лица женского

пола, дающая качественную оценку с пренебрежительной коннотацией, ср.: «Корова... 2. Домашнее молочное животное, самка домашнего быка [11, 297]. Сочетаются два значения – прямое и переносное, оценочное, поскольку стеллерова корова, действительно, является «неповоротливым» животным.

Для следующего примера обыгрывания полисемии оказывается важным использование слов, относящихся к двум лексико-семантическим группам одновременно: «Здесь, в кулинарной столице, все кажется съедобным... Даже эти кофейные стулья, <...>, кремовые портьеры, молочные скатерти» [3, 56]. Все определения-полисеманты имеют значения, соотносимые, с одной стороны, с тематическим полем «еда и напитки», с другой – с цветом [11, 301], [11, 305], [11, 364]. В качестве прямого реализуется значение, выражающее цветовую характеристику, но образно, учитывая, что «все кажется съедобным», важно отождествление этих цветов с денотатами: кофе, кремом, молоком.

В другом примере с именами прилагательными-цветообозначениями можно заметить, что контекст не позволяет некоторым из них реализовать одновременно несколько значений: «Мама сидела на стуле, приставленном боком к желтому тощему столу... Я не понимал, почему фиолетовая тетка <то есть с фиолетовыми волосами> хочет, чтоб мы жили в зеленом районе. Мне мечталось жить в красном. Наверное, уже тогда во мне начали просыпаться левые идеалы» [4, 31]. Лексемы «желтый» и «фиолетовый», употребленные в прямом значении, усиливают игровой эффект многозначности других слов, которые реализуют одновременно два значения. Каламбурность употребления лексемы «зеленый» связана с частичным пониманием всех сем: герой соотносит значение только с семантическим полем цвета, когда имеется в виду зеленый, то есть насажденный растительностью, район [11, 228]. Обыгрывание лексемы «красный» уже связано с намеренным употреблением многозначного слова в двух актуальных для контекста значениях: во-первых, в соотносимом с лексемой «зеленый» и обозначающем цвет, во-вторых, – со словосочетанием «левые идеалы». Поскольку к левым течениям относят строй, характерный для идеологии СССР, слово «красный» использовано в значении «относящийся к советскому строю» [11, 303].

Через многозначное слово могут сближаться значения других слов, тематически не соотносящихся друг с другом. Так, лексема «лгать» не имеет пересечений лексико-семантических полей с «загибаться» и «змеиться», однако становится понятно, почему эти слова употреблены в одном предложении как действия, совершаемые лицами: «Они никогда не лгут, ни днем, ни тем более ночью:

Невский, Гороховая, Галерная. Не лгут, не виляют, не погибаются, не змеятся» [3, 127]. Глагол «вилять» реализует одновременно два значения: одно из них тематически близко к «лгать» («колебаться в рассуждении, уклоняться от прямого ответа»), другое – к «загибаться» и «змеиться» («делать крутые повороты, извиваться») [11, 201]. Также находим синонимический ряд, в котором встречаются единицы «вилять», «змеиться» [15, 138] и «вилять», «лукавить» [15, 650], что соотносится, по нашему мнению, с действием по слову «лгать». Таким образом, возникает ситуация объединения значений начального и конечных слов в полипропозитивном ряде посредством другого слова.

Для хиастического каламбура использовано полисемное слово, употребляемое в двух частях хиазма в разных значениях: «эта физиономия – гимн национальному гербу или герб национального гимна» [1, 251]. Отрывок взят из фрагмента, в котором размещены размышления на политическую тему: использование лексем «герб» и «гимн» обусловлено их принадлежностью к одной лексико-семантической группе существительных-наименований атрибутов государственного суверенитета. Но слово «гимн» реализовано в разных значениях: если в первом случае употребления это хвалебная песня, то в словосочетании с прилагательным «национальный» гимн есть символ государства.

Выводы. Итак, на основе рассмотренных нами примеров проявления каламбура можно сделать выводы о продуктивности данного проявления языковой игры в творчестве современного автора. Лингвокреативное обыгрывание знакомых реципиенту лексем основывается на бисоциативном восприятии значений слов. Стоит также отметить, что подобная одновременная реализация разных значений или сопоставление разных лексем в одном контексте требует от читателя умственных усилий для внесения ясности в прочитанное. Относясь к лексическому структурному уровню языка, каламбуры оказываются тесно связанными с фонетическим, графическим, синтаксическим уровнями.

Список источников

1. Аствацатуров А. Люди в голом: роман. Москва: AdMarginem, 2009. 304 с.
2. Аствацатуров А. Не кормите и не трогайте пеликанов. Москва: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2019. 352 с.
3. Аствацатуров А. Осень в карманах: роман в рассказах. Москва: АСТ, Редакция Елены Шубиной (ЕШ), 2015. 224 с.
4. Аствацатуров А. Скункамера: роман. Москва: АСТ, Редакция Елены Шубиной (ЕШ), 2021. 256 с.

5. Вороничев О. Е. Каламбур в ряду смежных феноменов языковой игры // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2017. № 2. С. 31–38.
6. Корниенко О. А. Игра слов, каламбур, паронимазия, амфиболия: к проблеме определения и дифференциации понятий в литературоведческом аспекте // Вісник Одеського національного університету. Філологія. 2013. Т. 18. № 1(5). С. 33–48.
7. Крылова М. Н. Каламбур как особый вид тропа // Русский язык и литература для школьников. 2012. №9. С.61–64.
8. Лебедева Е. Б. Уточнение понятия «Языковая игра» в лингвистике // Язык и культура. 2014. №4 (28). С. 48–63.
9. Лингвистика креатива-1: Коллективная моногр. / под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2013. 369 с.
10. Норман Б. Ю. Игра на гранях языка. Москва: Флинта, Наука, 2006. 344 с.
11. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. Москва: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
12. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителей. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Просвещение, 1976. 543 с.
13. Рут М. Э., Иванова Е. Н. Языковая игра в дискурсе языковой личности XVIII–XIX вв. // Лингвистика креатива. Екатеринбург, 2009. С. 78–86.
14. Сазонова, Л. А. Закономерности передачи каламбура при переводе художественной литературы: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Москва, 2004. 24 с.
15. Словарь синонимов русского языка: в 2 т. Т. 1: А–Н / ИЛИ РАН; под ред. А. П. Евгеньевой. Москва: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. 680 с.
16. Тихонов А. Н. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным. Москва: АСТ, 2014. 639 с.

REFERENCES

1. Astvacaturov A. Ljudi v golom: roman. Moscow: AdMarginem, 2009. 304 p. (In Russ.).
2. Astvacaturov A. Ne kormite i ne trogajte pelikanov. Moscow: AST; Redakcija Eleny Shubinoj, 2019. 352 p. (In Russ.).

3. Astvacaturov A. Osen' v karmanah: roman v rasskazah: Moscow: AST, Redakcija Eleny Shubinoj (ESH), 2015. 224 p. (In Russ.).
4. Astvacaturov A. Skunskamera: roman. Moscow: AST, Redakcija Eleny Shubinoj (ESH), 2021. 256 p. (In Russ.).
5. Voronichev O. E. Kalambur v rjadu smezhnyh fenomenov jazykovoj igry // Ural'skij filologicheskij vestnik. Serija: Jazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa. 2017. № 2. Pp. 31–38. (In Russ.).
6. Kornienko O. A. Igra slov, kalambur, paronomazija, amfibolija: k probleme opredelenija i differenciacii ponjatij v literaturovedcheskom aspekte // Visnik Odes'kogo nacional'nogo universitetu. Filologija. 2013. T. 18. № 1(5). Pp. 33–48. (In Russ.).
7. Krylova M. N. Kalambur kak osobyj vid tropa // Russkij jazyk i literatura dlja shkol'nikov. 2012. №9. Pp.61–64. (In Russ.).
8. Lebedeva E. B. Utochnenie ponjatija «Jazykovaja igra» v lingvistike // Jazyk i kul'tura. 2014. №4 (28). Pp. 48–63. (In Russ.).
9. Lingvistika kreativa-1: Kollektivnaja monogr. / pod obshhej red. prof. T.A. Gridinoj. 2-e izd. Ekaterinburg: FGBOU VPO «Ural. gos. ped. un-t», 2013. 369 p. (In Russ.).
10. Norman, B.Ju. Igra na granjah jazyka. Moscow: Flinta, Nauka, 2006. 344 p. (In Russ.).
11. Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij / Rossijskaja akademija nauk. Institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova. 4 izd., dopolnennoe. Moscow: OOO «A TEMP», 2006. 944 p. (In Russ.).
12. Rozental' D. Je. Slovar'–spravochnik lingvisticheskikh terminov : Posobie dlja uchitelej / D.Je. Rozental', M.A. Telenkova. 2 izd., ispr. i dop. Moscow: Prosveshhenie, 1976. 543 p. (In Russ.).
13. Rut M. Je., Ivanova, E. N. Jazykovaja igra v diskurse jazykovoj lichnosti XVIII–XIX vv. // Lingvistika kreativa. Ekaterinburg, 2009. Pp. 78–86. (In Russ.).
14. Sazonova L. A. Zakonomernosti peredachi kalambura pri perevide hudozhestvennoj literatury: 10.02.20: avtoreferat dissertacii kandidata filologicheskikh nauk. Moscow, 2004. 24 p. (In Russ.).
15. Slovar' sinonimov russkogo jazyka: V 2 t. T. 1: S48 A–N / ILI RAN; Pod red. A.P. Evgen'evoj. Moscow: OOO «Izdatel'stvo Astrel»: OOO «Izdatel'stvo AST», 2003. 680 p. (In Russ.).
16. Tihonov A. N. Novyj slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo jazyka dlja vseh, kto hochet byt' gramotnym. Moscow: AST, 2014. 639 p. (In Russ.).

**A PUN AS A FEATURE OF THE POSTMODERN TEXT
(AS ILLUSTRATED IN THE WORKS OF A. ASTVATSATUROV)**

Tatyana O. Musatova

Master's student of Southern Federal University
(Rostov-on-Don, Russia)

Andrey F. Panteleev

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Southern Federal University
(Rostov-on-Don, Russia)

Abstract

The experimental nature of art, suggested by the aesthetics of postmodernism, naturally encourages the practice of language play. The language play in the 21st century penetrates into all spheres of linguistic activity of the individual and becomes a language disease. The article studies the language play in the fiction of Andrey Astvatsaturov, a prominent representative of Russian postmodernism. The purpose of the study is to characterize the ways of expressing a pun implied in the writer's prose. The analysis carried out in the course of the study shows that the pun intended in the writer's prose is presented in ways codified in the language usage. The author's idiostyle is characterized by playing with different meanings, consonance at the phonetic level and playing with paronyms. Such manipulations in A. Astvatsaturov prose act as bright means of a language play and are distinguished by their multifunctionality. Certain conclusions about the productivity of this element of the language play in the work of a modern author are made. Linguocreative reproduction of lexemes familiar to the recipient is based on associative perception of the meanings of words. Referring to the lexical structural level of the language, puns are closely related to the phonetic, graphic, syntactic levels.

Keywords: pun, lexical level, language play, postmodernism, polysemy, paronyms, comic

Для цитирования: Мусатова Т. О., Пантелеев А. Ф. Каламбур как особенность постмодернистского текста (на примере творчества А. Аствацатурова) // Libri Magistri. 2023. № 3 (25). С. 151–159.

Поступила в редакцию 12.06.2023

С. А. Предеина

**ББК Ш5(2=Р) 5-4
УДК 821.161.1**

С. А. Предеина¹

ORCID: 0000-0002-4378-2394

Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
lana.predeina96@mail.ru

Научный руководитель – **В. В. Цуркан²**

ORCID: 0000-0002-0096-960X

Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
veravts2013 @yandex.ru

МОТИВ ПРЕОДОЛЕНИЯ РАЗОБЩЕННОСТИ БЫТИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Е. ЛЕТОВА

В статье исследуются этико-философские аспекты творчества рок-музыканта и поэта-поставангардиста Е. Летова. Подчеркивается, что русский авангард, в отличие от модернизма, в котором конечным стремлением художников было восстановление утраченной гармонии, приходит к типу художественного творчества, ориентированного на поэтизацию и постижение хаоса как универсальной формы человеческого существования. Демонстративное противостояние лирического героя Е. Летова и толпы анализируется как одна из значимых мировоззренческих проблем художника, остро ощущавшего «несовпадение» с эпохой, что, в свою очередь, вело его к отторжению от устоявшегося способа видения мира и человека. Также рассматривается летовская концепция развоплощенной, оторванной от мира личности, находящейся в поисках самоидентификации и утраченной целостности. Эгоцентрическая доминанта, стремление к независимости индивидуальной человеческой жизни, приводящие Е. Летова-художника

---

¹ Предеина Светлана Андреевна, бакалавр, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

² Цуркан Вероника Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

к самоотрицанию, «стиранию» из мира, характеризуются как родственные установкам поэтов-футуристов В. Хлебникова и В. Маяковского. Акцентированная деиерархизация бытия анализируется как распад единства, обособление внутри него отдельных, претендующих на самостоятельность порядков, сближающая Е. Летова с мироощущением, присущим творчеству А. Введенского и Д. Хармса. Подчеркивается, что концепция «безумия» ОБЭРИУтов в сознании летовского лирического героя переходит на новый онтологический уровень, а сила эмоционального напряжения в сочетании с трагизмом реальной судьбы приводит поэта к особой конфликтности авангардистского построения образа мира, которая проявляется в деиерархизации всех подсистем летовских текстов (речевых, пространственно-временных, характерологических), в ослаблении причинных связей, в жанровых колебаниях и кризисах.

Ключевые слова: Летов, поставангард, конец истории мир-хаос, демифологизация

Противоречивые отношения между «деформированным миром» и лирическим героем поэзии Е. Летова стали предметом рассмотрения ряда современных исследователей [1; 8; 12; 14]. На наш взгляд, наиболее значимыми концептами поэтического мышления идеолога сибирского панка, ставшего в 1980-е гг. «флагманом молодежной среды» [2], являются категории распада и объединения, разобщенности и единства. Именно эти начала представляются музыканту универсальными, становясь едва ли не ведущими мотивами его поэзии [3, 140]. При этом составляющие антиномии не являются равноправными. «Среди заражённого логикой мира» (таково название летовской песни) лирический герой чувствует себя чужим и одиноким: «Все мои песни (или почти все) именно о ЛЮБВИ, СВЕТЕ и РАДОСТИ. То есть о том, КАКОВО – когда этого нет! Или КАКОВО это – когда оно в тебе рождается, или, что вернее, когда умирает. Когда ты один на один со всей дрянью, которая в тебе гниёт и которая тебя снаружи затопляет. Когда ты – не тот, каким ДОЛЖЕН быть!» [9].

В восприятии Е. Летова, окружающий мир нелеп и хаотичен. Поэт видит себя в окружении «несовершенных» предметов. В то же время отдельные, раздробленные фрагменты могут соединиться в соответствии с замыслом и волей поэта, синтезирующими, на первый взгляд, несовместимое: «Таракан шуршал в коробочке весело и смело / А звезды стремительно сыпались /

С. А. Предеина

В бездонные зеленоватые копилки / В марсианские впадины («Когда наши руки...», 1993) [6]. Хаос оказывается источником вдохновения.

В посвящённом А. Введенскому стихотворении «Ночь» актуализирована идея противостояния всему и всем. Частное выражает общее, закономерное. Романтика майской ночи и мусор, горящий на помойке, творческий экстаз и приземленная бытовуха – всё это парадоксальным образом соединяется в сознании автора, идентифицирующего себя то с властителями дум (А. Введенским, В. Маяковским, К. Кастанедой), то с жалкими, ничтожными представителями мира сего (серым котейкой, кроликом, Передоновым, предлагающим слушателям недотыкомку «напрокат»). Весь этот фантазмагорический калейдоскоп – результат напряженной рефлексии страдающего бессонницей героя, у которого «глобальные вещи тужились в мозгу» [6].

Ключом к пониманию данного стихотворения является упоминание о знаменитом фестивале Вудсток, который проходил в США под лозунгом мира и прекращения войны во Вьетнаме. Как свидетельствовали очевидцы, в отличие от других подобных мероприятий, «ярмарка музыки и искусства в Вудстоке была настоящей. Неповторимой» [5]. Спустя несколько десятилетий легендарный фестиваль для Е. Летова, поэта и музыканта, становится неким рубежом, символизирующим границу между навсегда канувшей в историю эпохой рок-н-ролла и хиппи и его собственным, настоящим, творческим временем – эпохой тяжелого рока. И это вполне закономерно, ведь рок, по Е. Летову, «не музыка и не искусство, а некоторое религиозное действо, которое существует, дабы утвердить определённую установку. Человек, занимающийся роком, постигает жизнь не через утверждение, а через разрушение, через смерть» [11]. Упомянутый Е. Летовым Кастанеда, «воин абсолютной свободы», утверждал, что то, каким образом большинство людей видят мир, – далеко не единственный способ познания. Вселенная не ограничивается только той реальностью, которую мы знаем. Так и каждый упоминаемый в песне топос (Вудсток, Сибирь, Москва, Австралия) метафизичен, подразумевает нечто большее, выходящее за пределы материального, видимого мира. Очевидна близость такой концепции эзотерике и буддизму, религиозному познанию вообще.

Столкновение миров находит своё отражение в песне «Маленький принц возвращался домой» (1989), в которой сказочное повествование А. Экзюпери накладывается на сюжет авторской жизни, в котором, в отличие от сказочного, нет и не может быть счастливого финала. Кольцевая композиция стихотворения рождает ощущение

движения по кругу: «Наблюдал предметы, целовал ланиты / Кидал подкидышей, боялся юношей / Закусывал пожаром, запивал наводнением / Маленький принц возвращался домой» [10, 91]. Но дорога домой проходит через Вечность. Лирический герой выбирает путь, близкий эсхатологии А. Введенского: «Над тобой небесных рек берега / Подо мной подземных вод молоко» [4, 51]. Запертый в посмертном бытии в песне «Солнцеворот» (1996) лирический герой Е. Летова констатирует: «Однажды / Только ты поверь / Маятник качнётся в правильную сторону / И времени больше не будет...» [6]. Похожая модель бытия возникает в стихотворении из сборника «Оптимизм»: «На карте кружком обозначено солнце, / пунктирные линии, ветер и соль. / Под веками плавают сны на оконце, / волнами сползает зелёная боль. / На наших глазах разрушаются стены, / срстаются руки, теряя контроль, / и время уходит с загаженной сцены, / его заменяет вселенский покой» [10, 71].

Вместе с тем, лирический герой Е. Летова стремится вырваться из замкнутого мифологического хронотопа: «В автобусе или троллейбусе / Ехал простой человек / Он был совсем обыкновенный / И я спросил его: куда вы едете?.. / Он спокойно ответил: / На край земли» («В автобусе или троллейбусе...», 1986) [10, 53]. В данном случае герой Е. Летова ощущает себя в пространстве между автобусом и краем земли, подобно авторам «городского» текста «остро осознавая связь между городом и состоянием государства, между городом и временем» [13, 196]. Пребывание на границе времени и пространства – для него особая ценность.

Самым продуктивным способом борьбы с неопределенностью для поэта оказывается запрет на серьёзность и содержательность. Отсутствие смысла в произведениях Е. Летова компенсируется интертекстуальной насыщенностью. Любимый тематический пласт, активно эксплуатируемый в поэзии Е. Летова, – это военная песня, лозунги, воспоминания о подвигах фронтовиков [7, 53]. Трагедия поколения Великой Отечественной войны, Афганистана или Чечни накладывается на историю крушения Советского Союза. Война для Летова – осознанная необходимость, которая убивает самое дорогое: то, за что воевал. «Нету больше слов, нету больше нас / Лишь одно осталось на свете – Победа» [6].

Е. Летов обращается к концептам конца истории, краха миропорядка. В почти документальном повествовании о крушении Империи подчас неразличимы образы своих и чужих, врагов и героев. Если у М. Исаковского в песне «Враги сожгли родную хату» «вздыхнул солдат, ремень поправил», то у Летова: «Партизан спалил

С. А. Предеина

в п***у родную хату / Завязался в узел ремешок» [6]. Жизнь в социуме, пропитанном памятью о войне, осмысливается и как вечный бой, и как пугающая обыденность: «Мой день путан проволокой и зимой... / Опухшая мякоть внутри нас гниёт / Внутри плесневеет змеёй пулемёт» («Кого-то ещё», 1989); «Дружно по тревоге граждане собрали / Тёплые пожитки, ценные предметы» («Амнезия», 1988); «Я становлюсь превосходным солдатом / С каждой новой соплей, с каждой новой матрёшкой» («Превосходная песня», 1989) [6].

Демифологизация истории приводит к открытию новых истин. «Майор их передушит всех подряд, он идёт / Он гремит сапогами, но упал гололёд / И мы – лёд под ногами майора» [10, 72], – заявляет лирический герой, осознавая себя песчинкой, кусочком льда, материалом истории. Человеческая жизнь утрачивает ценность: «отряд не замечает потери бойца», «простые трупы валяются там и сям», «заклоченным в камере смертников снился один и тот же сон» [10,72]. Через устойчивые формулы вежливости в стихотворении «Солдатами не рождаются» (1988) прорывается вопль отчаяния: «Свято место не бывает в пустоте. Лишним телом заложили котлован. / Красной тряпкой обернули катафалк. / Бравой песней заглушили злое горе; / Ведь солдатами не рождаются, / Солдатами умирают» [10, 72].

Таким образом, соединяя авторитетные языки с маргинальными, официальный дискурс с бунтарским, демифологизируя историю и «разрушая набор фикций» [15, 550], навязывавших ложные представления об идеале и правде, лирический герой Е. Летова сознательно уходит от целостного видения мира. Он противостоит тенденции упрощения реальности путём провозглашения анархии. Борясь с безумием через слово, творчество, Е. Летов последовательно расширяет поставангардистскую картину мира.

Список источников

1. Ворошилова М. Б., Чемагина А. В. Советские прецедентные феномены в рок-альбоме Е. Летова «Все идет по плану» (1988) // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сборник научных трудов. Екатеринбург; Тверь, 2010. Вып. 11. С. 25–31.
2. Губайдуллина А. Н. Поэзия Егора Летова: сибирский вариант неоавангарда // Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства = Sibiriën: Blick von Aussen und von Intern. Geistige Raumermessung / [сост. - Н. В. Пономарева]: науч. докл., Иркутск: Тип. ЗАО Рекл.-Полигр. Центр Радиан, 2004. С. 309–313.
3. Коблов А. Л. Егор Летов. Моя оборона. Москва: АСТ, 2021. 208 с.

4. Козицкая Е.А. «Чужое» слово в поэтике русского рока // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1998. Вып. 1. С. 49–56.

5. Легендарному Вудстоку 50 лет: Как в 1969 году проходил легендарный рок-фестиваль, ставший символом поколения // Культурология: официальный сайт. URL: <https://kulturologia.ru/blogs/151219/44888/> (дата обращения: 17.03.2023)

6. Летов Егор Стихи // Гражданская оборона: официальный сайт. URL: https://www.gr-oborona.ru/pub/rock/egor_letov_stihi.html (дата обращения: 16.04.2022).

7. Летов Егор Я не верю в анархию (сборник статей). Москва: Иксер; Скит Интернешнл, 2001. 272 с.

8. Новицкая А.С. Смерть в художественной картине мира Егора Летова // Проблемы филологии и журналистики: Сб. тезисов и докл. международной научно-практич. конф. молодых ученых РГУ им. И. Канта. Калининград: Тавель, 2006. С. 54–58.

9. Поэтика Егора Летова: от гражданского протеста до метафизических поисков // Гражданская оборона: официальный сайт. 1990. URL: <https://www.gr-oborona.ru/pub/anarhi/1056981372.html> (дата обращения: 16.04.2023).

10. Поэты русского рока: Е. Летов, Д. Ревякин, Я. Дягилева, К. Рябинов, В. Кузьмин, Н. Кунцевич / А. Сои; предисл. Е. Борисова. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2005. 528 с.

11. Предеина С. А. «Я всегда буду против...»: концепция личности в творчестве Е. Летова // Мировая литература глазами современной молодежи: сб. материалов VI междунар. молодежной науч.-практ. конф., 14-15 октября 2022 г. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г. И. Носова, 2022. С. 124–129.

12. Темиришина О. Р. Поэтическая типология лирики Летова и Маяковского: от модели мира к языку Международная филологическая конференция // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 49. С. 188–208.

13. Цуркан В. В. Особенности репрезентации концепта «город» в творчестве Ю. Трифонова и А. Битова 1960-1980-х гг. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 1 (19). С. 195–198.

14. Черняков А. Н. «Без меня»: 10 лет без Егора Летова – 10 лет с Егором Летовым // Международная филологическая конференция. Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2018. С. 108–113.

15. Postnikova E., Volkova V., Tsurkan V., Koz'ko N. Mythology of power in works of M. Y. Saltykov-Shchedrin and F. M. Dostoevsky // 4th international multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts sgm 2017. Conference Proceedings. Sofia, 2017. C. 547–554.

REFERENCES

1. Voroshilova M. B., Chemagina, A. V. Sovetskie precedentnye fenomeny v rok-al'bome E. Letova «Vse idet po planu» (1988). Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst: sb. nauch. tr. Ekaterinburg; Tver', 2010. Vyp. 11. Pp. 25–31. (In Russ.).

2. Gubajdullina A. N. Poeziya Egora Letova: sibirskij variant neoavangarda [Elektronnyj resurs] // Sibir': vzglyad izvne i iznutri. Duhovnoe izmerenie prostranstva: nauch. dokl., Irkutsk. 2004. S. 309–313. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/6_3.html (accessed 24.03.2023). (In Russ.).

3. Koblov A. L. Egor Letov. Moya oborona. Moscow: AST, 2021. 208 p. (In Russ.).

4. Kozickaya, E.A. «Chuzhoe» slovo v poetike russkogo roka // Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst: sb. nauch. tr. Tver: Tver. gos. Un-t., 1998. Vyp. 1. Pp. 49–56. (In Russ.).

5. Legendarnomu Vudstoku 50 let: Kak v 1969 godu prohodil legendarnyj rok-festival', stavshij simvolom pokoleniya. // Kul'turologiya: oficial'nyj sajt. URL: <https://kulturologia.ru/blogs/151219/44888/> (accessed 17.03.2023). (In Russ.).

6. Letov Egor Stihi. / Koblov A. L. // Grazhdanskaya oborona: oficial'nyj sajt. URL: https://www.gr-oborona.ru/pub/rock/egor_letov_stihi.html (accessed 16.04.2022). (In Russ.).

7. Letov Egor Ya ne veryu v anarhiyu (sbornik statej). Moscow: Ikser, 2001. 272 p. (In Russ.).

8. Novickaya A.S. Smert' v hudozhestvennoj kartine mira Egora Letova // Problemy filologii i zhurnalistiki: Sb. tezisov i dokl. mezhdunarodnoj nauchno-praktich. konf. molodyh uchenyh RGU im. I. Kanta. Kaliningrad: Tavel', 2006. Pp. 54-58. (In Russ.).

9. Poetika Egora Letova: ot grazhdanskogo protesta do metafizicheskikh poiskov // Grazhdanskaya oborona: oficial'nyj sajt. 1990. URL: <https://www.gr-oborona.ru/pub/anarhi/1056981372.html> (accessed 16.04.2023). (In Russ.).

10. Poety russkogo roka: E. Letov, D. Revyakin, Ya. Dyagileva, K. Ryabinov, V. Kuz'min, N. Kunceвич / A. Soj; predislovie E. Borisova. Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika, 2005. 528 p. (In Russ.).

11. Predeina S. A. «Ya vseгда budu protiv...»: koncepciya lichnosti v tvorchestve E. Letova // Mirovaya literatura glazami sovremennoj

molodezhi: sb. materialov VI mezhdunar. studench. nauch.-prakt. konf., 14-15 oktyabrya 2022 g. Magnitogorsk: Izd-vo Magnitogorsk. gos. tekhn. un-ta im. G. I. Nosova, 2022. Pp. 124–129. (In Russ.).

12. Temirshina O. R. Poeticheskaya tipologiya liriki Letova i Mayakovskogo: ot modeli mira k yazyku Mezhdunarodnaya filologicheskaya konferenciya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya; pod red. D. A. Katunina. Tomsk: Tomskij gosudarstvennyj universitet, 2017. Pp. 188–205. (In Russ.).

13. Curkan V. V. Osobennosti reprezentacii koncepta «gorod» v tvorchestve Yu. Trifonova i A. Bitova 1960-1980-h gg. // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2013. № 1 (19). Pp. 195–198. (In Russ.).

14. Chernyakov A. N. «Bez menya»: 10 let bez Egora Letova – 10 let s Egorom Letovym // Mezhdunarodnaya filologicheskaya konferenciya. Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psihologiya. Moscow: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 2018. Pp. 108–113. (In Russ.).

15. Postnikova E., Volkova V., Tsurkan V., Koz'ko N. Mythology of power in works of M.Y. Saltykov-Shchedrin and F. M. Dostoevsky // 4th international multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts sgem 2017. Conference Proceedings. Sofia, 2017. Pp. 547–554. (In Russ.).

THE MOTIF OF OVERCOMING THE DISUNITY OF BEING IN THE WORK OF E. LETOV

Svetlana A. Predeina

Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

Veronika V. Tsurkan

Assistant Professor, Candidate of Philology, Nosov Magnitogorsk
State University (Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The article examines the ethical and philosophical aspects of the work of rock musician and post-avant-garde poet E. Letov. The article states that the Russian avant-garde, unlike modernism, in which the ultimate aspiration of artists was to restore the lost harmony, comes to the type of artistic creativity focused on poetization and comprehension of chaos as a universal form of human existence. The demonstrative confrontation between the lyrical hero of E. Letov and the crowd is analyzed as one of the significant ideological problems of the artist, who keenly felt the "discrepancy" with the epoch, which, in turn, led him to rejection of the established way of viewing the world and a person. E. Letov's concept of a disembodied, detached from the world personality,

С. А. Предеина

who is in search of self-identification and lost integrity, is also considered in the article. The egocentric dominant, the desire for independence of individual human life, which lead E. Letov, as an artist, to self-denial, "erasure" from the world, are characterized as related to the attitudes of the futurist poets V. Khlebnikov and V. Mayakovsky. The accentuated de-hierarchization of being is analyzed as the disintegration of unity, the isolation of separate orders claiming independence within this unity, which brings E. Letov closer to the worldview expressed in the works of A. Vvedensky and D. Kharms. It is emphasized that the concept of "madness" of the members of the Union of Real Art (OBERIU) in the consciousness of Letov's lyrical character moves to a new ontological level, and the strength of emotional tension combined with the tragedy of real fate leads the poet to a special conflict of the avant-garde construction of the image of the world, which manifests itself in the de-hierarchization of all subsystems of Letov's texts (speech, space-time, characterological), in the weakening of causal connections, in genre fluctuations and crises.

Keywords: Letov, postavanguardia, the end of history, world-chaos, demythologization

Для цитирования: Предеина С. А. Мотив преодоления разобщенности бытия в творчестве Е. Летова // Libri Magistri. 2023. № 3 (25). С. 160–168.

Поступила в редакцию 15.06.2023

ББК 83.3
УДК 821.161.1

Н. А. Ромашенко¹

ORCID: 0009-0000-2605-7425

*Новосибирский государственный
технический университет*

*630102, Россия, г. Новосибирск, пр-т Карла Маркса, 20
romashenko-022@mail.ru*

Т. Н. Чурляева²

ORCID: 0000-0002-0062-5479

*Новосибирский государственный
технический университет*

*630102, Россия, г. Новосибирск, пр-т Карла Маркса, 20
churlyaevatatyana@gmail.com*

**«ДЕЙСТВИЕ БЕЗ НАДЕЖДЫ НА УСПЕХ»,
ИЛИ К ВОЗМОЖНОСТИ «ОРГАНИЗАЦИИ» ХАОСА
(В. С. МАКАНИН «ДОЛОГ НАШ ПУТЬ»)**

«Зрелая» проза В. С. Маканина (1980–1990-е гг.) характеризуется творческим стремлением к художественной репрезентации экзистенциальных проблем, обусловленных социокультурными и историческими изменениям в современном мире, на фоне которых остро выявляется кризис духовной жизни человека [1; 6; 13]. В этой связи раскрытие сюжетообразующего значения ситуации познания в ее онтологическом и гносеологическом аспектах являет собой возможность раскрытия авторской картины мира относительно представлений о человеке и современной реальности в условиях осознания абсурдности бытия. Предметом научного исследования являются сюжетообразующие элементы ситуации познания в повести В. Маканина «Долог наш путь». Цель работы видится в выявлении сюжетообразующего значения ситуации

---

¹ Ромашенко Наталья Алексеевна, студент направления 45.03.01 «Прикладная филология», Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Россия.

² Чурляева Татьяна Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Россия.

познания в сюжетологическом (сюжетно-фабульная композиция, пространственно-временная семантика), и нарратологическом (повествовательная структура текста) аспектах. Изучение сюжетообразующей ситуации познания на фоне и в сравнении с экзистенциалистскими произведениями Ж.-П. Сартра и А. Камю позволяет выявить экзистенциальный характер художественного конфликта повести, возникающего в момент обнаружения человеком абсурда (хаоса). Уровень осознания абсурда (гносеологический или онтологический) обуславливает выбор героем способа самоопределения – бегство или сопротивление «без надежды на успех». Несмотря на признание абсурда как неотменяемого свойства бытия и сознания в авторской позиции доминирующим чувством оказывается чувство трагического гуманизма, что близко по своему нравственно-этическому пафосу философии абсурда А. Камю. В качестве метода исследования используется структурно-семиотический подход Ю. М. Лотмана, позволяющий раскрыть ключевые смыслы повествовательной логики событийности, художественно-коммуникативный подход (М. М. Бахтин, В. И. Тюпа и др.), а также метод филологической герменевтики, помогающий выявить смысловые значения событийных элементов художественного повествования.

Ключевые слова: экзистенциализм, сюжет познания, абсурд, зло (хаос), Ж.-П. Сартр, А. Камю

В прозе В. Маканина заметны следы влияния философии экзистенциализма [5; 10; 11; 15]. Поиск нравственно-духовных принципов совместности человека и реальности свидетельствует о близости В. Маканина экзистенциальной философии Ж.-П. Сартра и философии абсурда А. Камю. В. Маканин не столько повторяет, сколько подвергает проверке современностью идеи философов-экзистенциалистов с тем, чтобы понять, насколько эти идеи, рождённые в трагические 1930–1940-е гг., сохраняют свою актуальность в период 1980–1990-х гг.

Роман Ж.-П. Сартра «Тошнота» (1938) и повесть А. Камю «Посторонний» (1940) художественно манифестируют иррациональную суть бытия и трагическую обреченность на абсурдное существование человека [4; 12]. Следуя философии атеистического экзистенциализма, Ж.-П. Сартр определяет человека неотъемлемой частью хаотичного бытия, вынужденного самостоятельно определять сущность своего существования («первым делом экзистенциализм отдаёт каждому человеку во владение его бытие и возлагает на него полную ответственность за существование» [14, 323]). Фундаментом

философии А. Камю является категория абсурда как разрыва между априори непроявленной сутью бытия и страстным желанием человека ясности сознания [3, 404]. Этическое самоутверждение – «действие без надежды на успех» видится А. Камю единственно возможным способом самоопределения [3]. Ж.-П. Сартр и А. Камю, двигаясь разными путями, приходят к пониманию необходимости человека взрастить в себе сопротивление (духовное, нравственное, этическое).

Логика событийности в повести раскрывается в сложно организованном повествовании (структура «текст в тексте»), сюжетно-фабульные элементы которого вступают друг с другом в нелинейные отношения. Разделяющая тексты по принципу включения и обрамления граница, вследствие своей проницаемости, обуславливает взаимопроникновение двух хронотопов: реальности (социальной и бытийной) и вымысла, художественно репрезентирующего время-пространство уже наступившего ХХII века. Попытка выявить доминирующий «рассказ» в структуре «текст в тексте» приводит к неоднозначному выводу: «рассказ о мясокомбинате ХХII в. и о командировочном» обрамляет «рассказ о времени середины 1980-х гг. и его основном герое Илье Ивановиче».

Следуя формальной логике построения текста, обнаруживаем, что время наступившего утопического будущего («не убий!») скептически отбрасывает неидеальное настоящее, если не отменяет его совсем. Однако сюжетологическая модель повести эксплицирует иные смысловые значения. Сочиненный автором-персонажем «рассказ о командировочном» на уровне события рассказа [2] является ничем иным как этическим жестом – попыткой поддержать друга подаренной иллюзией возможного освобождения от страха смерти и насилия; на уровне события рассказывания – авторским воплощением экзистенциального поиска альтернативного абсурдному способу мироустройства и существования человека.

История об Илье Ивановиче есть художественная объективация «пограничной ситуации», высвечивающей экзистенциальный конфликт, возникающий при столкновении человека с окружающей его жестокой и несправедливой социальной реальностью. Суть проблемы видится герою в несовершенной природе человека. Илья Иванович находит зло в преднамеренных убийствах бездомных собак («В одном Ленинграде, по статистике, уничтожено за год 85 тысяч собак» [8, 495]), в непреднамеренных убийствах случайно сбитых машинами городских птиц («он не может ехать, не может сидеть у автобусного окна, пока голубя не уберут» [8, 504]) в убийстве коров ради мяса («Ведь мы их едим» [8, 493]).

В сюжете Ильи Ивановича проблема присутствия человека в мире раскрывается в трагическом ключе: герой «не переносил, когда

человеку, или животному, или какой-нибудь птице было больно» [8, 491]. Неприемлемым для него являются не только жестокость людей по отношению к животным [8, 494], но и звериная жестокость, проявляющаяся в человеческом мире – «убийства, расчленки в подъездах, закопанные в мусорных баках младенцы» [8, 504].

Ситуация трагического конфликта человека и социума в сюжете Ильи Ивановича отсылает к герою романа Ж.-П. Сартра «Тошнота» (1938) [12]. Так внезапно изменённое видение и восприятие раннее привычного мира приводит маканинского героя, подобно сартровскому Рокантену, к переосмыслению устройства мира, организации общества, отношений между человеком и другим существом. В сознании Ильи Ивановича социальный мир открывается как несправедливый, с неприемлемыми для него способами организации.

В сартровской истории реакция героя на окружающий мир выражается в экзистенциальном чувстве тошноты, тогда как в маканинском сюжете реакцией на несовершенство социального мира становится поражающая сознание болезнь – шизофрения. В результате единственным способом существования избирается «уход». Один из таких вариантов «ухода» видится герою в утопическом стремлении к «высокому нравственному сговору» [8, 492] по принципу умалчивания и сокрытия жестокости с целью демонстрации этического начала как главенствующего качества человека. В представлении Ильи Ивановича автотрофная реальность возможна путем возведения «секретных скотобоен» и внушения всему обществу идеи «применения искусственных синтезируемых белков» [8, 494]. Иной вариант «ухода» выражается в «спасительной пилюле», блокирующей чувствительность. Именно поэтому нахождение в психиатрической больнице понимается героем не как лечение, а как возможность укрыться от зла реальности посредством успокаивающих страх и тревогу препаратов¹.

В сюжете Ильи Ивановича гносеологический аспект абсурда раскрывается в «тупиковости» сознания – в открытии хаоса и в решении окончательного разрыва связей с жизнью, в которой есть зло (хаос). Нравственное прозрение, возникающее в результате накопления знаний о зле (хаосе), не приводит к духовному сопротивлению. Напротив, смерть героя является лишь констатацией

---

¹ Мотив «спасительной пилюли» является сквозным в творчестве В. Маканина. В повести «Утрата» (1987) история «таблеточника» схожа с историей Ильи Ивановича попытками «затуманить» собственное сознание, уйти в бессознательное как в спасительную для не способной к восприятию зла души нишу [9].

страха сосуществования со злом, онтологически заложенном в условиях существования. Сюжет Ильи Ивановича раскрывает гносеологический аспект абсурда.

Автор-персонаж, выступающий оппонентом Ильи Ивановича, иронически переосмысливает модель будущего, предлагаемую приятелем – «Открытиями новейших заменителей мяса (одно открытие обгоняет другое) полны газеты. Это обсуждается и в правительстве, и просто на улицах. А телевидение в программе новостей каждый вечер демонстрирует целые бассейны, наполненные искусственными белками» [8, 496]. Безответственным, с точки зрения автора-персонажа, является так же и бегство Ильи Ивановича в больницу за «спасительной пилюлей» («Так приятно переложить свои тяжести на плечи таблетки») [8, 515] в надежде застраховаться от зла.

В сюжете Ильи Ивановича «вера» в «пяточок, свободный от зла» [8, 505] лишь на время успокаивает героя, отсрочивая неизбежность губельного финала (смерть от инфаркта), т. е. все возможности исключить себя из реальности и тем самым спастись от зла, онтологически укорененного в реальности, оказываются иллюзорными.

Разность позиций Ильи Ивановича и автора-персонажа обусловлена разностью осознания реальности. Илья Иванович воспринимает мир с позиции дуальности, т. е. осознает устойчивость миропорядка и мыслит его исключительно в категориях добра и зла, тогда как автор-персонаж исходит из единственно возможного для него допущения абсурдности бытия, его нелогичности, неразумности. В представлении нарратора преступным является избегание реальности, пусть даже страшной и нелогичной. Сознательное вглядывания в реальность не с тем, чтобы ее оправдать, а с тем, чтобы, зная о тотальной природе зла, действовать «без надежды на успех», проявлять усилия к этическому сопротивлению, поскольку не-сопротивление собственному экзистенциальному страху перед реальностью оборачивается для человека поражение, представляется единственный подлинным способом самоопределения.

Вымышленная история позволяет уловить иронически-скептическое отношение автора-персонажа относительно идеалистических представлений Ильи Ивановича. Утопическая модель XXII века иллюстрирует возможный путь развития человечества, которое избавилось от зла и в котором гуманные и этические ценности доведены до абсолюта – «уже лет двести, как нет войн, ни больных, ни малых, народы и концерны доверяют друг другу, и гуманистические ценности восторжествовали» [8, 457]. Решена

и проблема убийства коров – знака неидеального мироустройства – за счёт технологических достижений, позволивших реализовать принцип «не убий». В XXII в. человек из гетеротрофа становится автотрофом. Научно-технологический прогресс приводит к равноправию человека и живых существ путём синтеза искусственного белка, к организации идеального мира, основанном на принципах добра, равенства и самоценности всякой жизни.

Главным героем вымышленного рассказа является молодой инженер, отправившийся на комбинат с целью внедрения изобретённого им технологического узла АТм-241. Установка «узла» требует от командированного доскональной проверки работы всех циклов конвейера – «во время испытания он хотел бы видеть весь конвейер» [8, 466], в результате которой герой приходит к трагическому осознанию – человечество не устранило зло, а лишь замаскировало, сделало невидимым.

Подозрение о том, что на комбинате по-прежнему убивают животных, возникает ещё в начале «пути». Станным кажется резкий запах убоины, объяснение которому видится в том, что «они там со своей химией перегустили...» [8, 462]. Чувство подозрения рождает любопытство и стремление изучить весь процесс работы комбината, чтобы «во время испытания видеть весь конвейер» [8, 466].

Знание о том, что на комбинате, как и в прежние времена, продолжают убивать животных приходит после экспериментального прохождения молодым специалистом всех циклов конвейера, вплоть до «нулевого» – камеры умерщвления коров током. Герой осознает, что зло (смерть) не побеждено, убийство животных не устранено, а замаскировано, а идея о синтезируемом белке оказывается прекраснодушным мифом.

Ситуация встречи со «злом» в сюжете командированного эксплицирует иную, отличную от Ильи Ивановича, реакцию. Знание существования зла (хаоса) не приводит героя к разочарованию и глубокому пессимизму, напротив, командированный удерживает в себе некую неустрашимость и намеренность остаться на комбинате даже после того, как открылась его страшная тайна (сущность). Осознание тотальности «зла» открывает бессмысленность бегства – «Оно (зло. – *Н. Р., Т. Ч.*) будет теперь с ним повсюду, это знание и эта его сопричастность» [8, 502].

Экзистенциальный конфликт в сюжете командированного, как и в сюжете Ильи Ивановича, возникает в результате открывшегося знания о реальности, суть которой хаотична. В вымышленной истории о командированном раскрывается онтологический аспект абсурда,

выражающейся в осознании неотменимости зла (хаоса как основы бытия) и в необходимости продолжения жизни «без надежды на успех».

Осознание хаотичности реальности и выбор способа существования становятся основой сюжетобразующего мотива пути, вынесенного в заглавие повести. «Долгий путь» не что иное, как метафора познания, направленного на выработку представлений о внутренне противоречивых, хаотичных проявлениях мира (бытийного, социального, личностного) и действий, единственно возможных в обстоятельствах абсурда. Так, понимание невозможности сбежать с комбината в силу осознания того, что зло (хаос) укоренено в самой реальности, приводит командированного к стоической позиции. В результате чего единственно верным способом самоопределения становится для него душевно-духовное воссоединение с людьми, обречёнными жить на комбинате и жгущими костры в надежде на спасение – «костры жгли, как выяснилось не только командированные, жгли и работающие на комбинате, уже отчасти тяготившиеся своей работой» [8, 523]. Герой осознаёт, что мечта о вертолёте, который всех спасёт, – иллюзия («Нет смысла вскидывать глаза к небу каждую минуту» [8, 522]), поэтому движем чувством человеческой солидарности и желания совместности в беде.

Сюжет командированного раскрывает авторскую интенцию, подводящую к осознанию необходимости трезвого взгляда на внутренне противоречивые и хаотически непроясненные (абсурдные) свойства бытия и вместе с тем к выработке духовно-нравственных ориентиров, основанных на чувстве трагического гуманизма.

Сюжетообразующая ситуация встречи со злом (хаосом) в повести В. Маканина «Долог наш путь» художественно моделирует возможные варианты человеческой «организации» хаоса – бегство и сопротивление. В мире без смысла лишь этическое самоопределение становится подлинным способом самоопределения. Экзистенциальный характер художественной мысли раскрывается в жизнеутверждающем пафосе духовно-нравственного противостояния абсурду, пронизанном чувством трагического гуманизма – «действия без надежды на успех».

Список источников

1. Агеев А. Истина и свобода. (Владимир Маканин: взгляд из 1990 года) // Литературное обозрение. 1990. № 9. С. 25–33.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. Москва: Художественная литература, 1975. 504 с.

3. Камю А. Бунтующий человек; Миф о Сизифе. Москва: АСТ, 2021. 512 с.
4. Камю А. Посторонний: повесть. Чума: роман. Москва: АСТ, 2007. 348 с.
5. Климова Т. Ю. Метанарративные стратегии прозы В. Маканина // Вестник ТГУ. 2010. № 340. С. 12–16.
6. Липовецкий М. Против течения: Авторская позиция в прозе Владимира Маканина // Урал. 1985. № 12. С. 148–158.
7. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Москва: Искусство, 1970. 384 с.
8. Маканин М. Долог наш путь. Москва: Вагриус, 1999. 527 с.
9. Маканин М. Отдушина: Повести. Роман. Москва: Известия, 1990. 560 с.
10. Маркова Т. Н. Формотворческие тенденции в прозе конца XX века (В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин): автореф. дисс. ... док. филол. наук: 10.01.01. Екатеринбург, 2003. 46 с.
11. Рыбальченко Т. Л. Ситуация отказа от писательства в романах М. Булгакова, Б. Пастернака, В. Маканина // Вестник ТГУ. 2003. № 227. С. 133–143.
12. Сартр Ж.-П. Тошнота. Москва: АСТ, 2020. 317 с.
13. Степанян К. Реализм как преодоление одиночества // Знамя. 1996. № 5. С. 203–210.
14. Сумерки богов / Сост. И общ. Ред. А.А. Яковлева: Перевод. Москва: Политиздат, 1998. 398 с.
15. Чурляева Т. Н. Проблема абсурда в прозе В. Маканина 1980-х начала 1990-х гг.: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Новосибирск, 2001. 247 с.

REFERENCES

1. Ageev A. Istina i svoboda. (Vladimir Makanin: vzgljad iz 1990 goda) // Literaturnoe obozrenie. 1990. № 9. Pp. 25–33. (In Russ.).
2. Bahtin M. M. Voprosy literatury i jestetiki. Issledovanija raznyh let. Moscow: Hudozhestvennaja literatura, 1975. 504 p. (In Russ.).
3. Kamju A. Buntujushhij chelovek; Mif o Sizife. Moscow: AST, 2021. 512 p. (In Russ.).
4. Kamju A. Postoronnij: povest'. Chuma: roman. Moscow: AST, 2007. 348 p. (In Russ.).
5. Klimova T. Ju. Metanarrativnye strategii prozy V. Makanina // Vestnik TGU. 2010. № 340. Pp. 12–16. (In Russ.).
6. Lipoveckij M. Protiv techenija: Avtorskaja pozicija v proze Vladimira Makanina // Ural. 1985. № 12. Pp. 148–158. (In Russ.).

7. Lotman Ju. M. Struktura hudozhestvennogo teksta. Moscow: Iskusstvo, 1970. 384 p. (In Russ.).
8. Makanin M. Dolog nash put'. Moscow: Vagrius, 1999. 527 p. (In Russ.).
9. Makanin M. Otdushina: Povesti. Roman. Moscow: Izvestija, 1990. 560 p. (In Russ.).
10. Markova T. N. Formotvorcheskie tendencii v proze konca XX veka (V. Makanin, L. Petrushevskaja, V. Pelevin): avtoref. diss. ... dok. filol. nauk: 10.01.01. Ekaterinburg, 2003. 46 p. (In Russ.).
11. Rybal'chenko T. L. Situacija otkaza ot pisatel'stva v romanah M. Bulgakova, B. Pasternaka, V. Makanina // Vestnik TGU. 2003. № 227. Pp. 133–143. (In Russ.).
12. Sartr Zh.-P. Toshnota. Moscow: AST, 2020. 317 p.
13. Stepanjan K. Realizm kak preodolenie odinochestva // Znamja. 1996. № 5. Pp. 203–210. (In Russ.).
14. Sumerki bogov / Sost. I obshh. Red. A. A. Jakovleva: Perevod. Moscow: Politizdat, 1998. 398 p. (In Russ.).
15. Churljaeva T. N. Problema absurda v proze V. Makanina 1980-h nachala 1990-h gg.: diss. ... kand. filol. nauk: 10.01.01. Novosibirsk, 2001. 247 p. (In Russ.).

**«ACTION WITHOUT HOPE FOR SUCCESS»
OR THE POSSIBILITY TO «ORGANIZE» CHAOS
(V. MAKANIN «OUR WAY IS LONG »)**

Natalia A. Romashenko

Student, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russia)

Tatiana N. Churlyaeva

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Novosibirsk State
Technical University (Novosibirsk, Russia)

Abstract

The "mature" prose of V. S. Makanin (1980-1990s) is characterized by a creative desire for an artistic representation of existential problems caused by socio-cultural and historical changes in the modern world, against which the crisis of a person's spiritual life is acutely revealed [1; 6; 13]. In this regard, the disclosure of the plot-forming meaning of the situation of cognition in its ontological and epistemological aspects is an opportunity to reveal the author's picture of the world, regarding ideas about a person and modern reality in the context of awareness of the absurdity of being. The subject of scientific research is the plot-forming elements of the situation of cognition in V. Makanin's story "Our Way Is Long". The purpose of the work is seen in revealing the plot-forming meaning

Н. А. Ромашенко, Т. Н. Чурляева

of the situation of cognition both in the plot (plot-story composition, space-time semantics) and narratological (narrative structure of the text) aspects. The study of the plot-forming situation of cognition against the background and in comparison, with the existentialist works of J.-P. Sartre and A. Camus makes it possible to reveal the existential nature of the artistic conflict of the story that arises at the moment a person discovers absurdity (chaos). The level of awareness of the absurd (epistemological or ontological) determines the hero's choice of a way of self-determination - flight or resistance "without hope of success". Despite the recognition of the absurd as an irrevocable property of being and consciousness in the author's position, the dominant feeling is the feeling of tragic humanism, which is close in its moral and ethical pathos to the philosophy of the absurd by A. Camus. The structural-semiotic approach of Yu. M. Lotman, which allows revealing the key meanings of the narrative logic of eventfulness, the artistic and communicative approach (M. M. Bakhtin, V. I. Tyupa, etc.), as well as the method of philological hermeneutics, which helps to identify the semantic meanings of the eventful elements of a literary narrative are used as research methods.

Keywords: existentialism, the plot of cognition, absurdity, evil (chaos), J.-P. Sartre, A. Camus

Для цитирования: Ромашенко Н. А., Чурляева Т. Н. «Действие без надежды на успех», или к возможности «организации» хаоса (В. С. Маканин «Долог наш путь») // Libri Magistri. 2023. № 3 (25). С. 169–178.

Поступила в редакцию 29.05.2023

ББК 84.1
УДК 811.161.1

Д. С. Сажко¹

ORCID: 0009-0002-8652-0586

*Тверской государственный университет
170100, Тверская область, г. Тверь, ул. Желябова, д.33
dssazhko@edu.tversu.ru*

И. В. Гладиллина²

ORCID: 0000-0002-7363-4122

*Тверской государственный университет
170100, Тверская область, г. Тверь, ул. Желябова, д.33
Gladilina.IV@tversu.ru*

**ЛЕКСЕМЫ МУЗЫКИ В ТВОРЧЕСТВЕ ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА
«ГРОМОКИПЯЩИЙ КУБОК», «АНАНАСЫ
В ШАМΠΑНСКОМ», «МЕНЕСТРЕЛЬ», «ЗЛАТОЛИРА»,
«ЛИТАВРЫ СОЛНЦА»)**

Статья посвящена изучению лексем тематического поля «музыка» в творчестве Игоря Северянина на примерах его сборников. Данные лексем являются достаточно частотными в поэтических текстах автора, что может говорить об их смыслообразующем значении, кроме того, эксперименты автора в области синтеза слова и музыки вплотную приблизили его к созданию нового синкретичного искусства на стыке его двух вышеупомянутых видов. Отдельное внимание в нашей работе уделено окказионализмам музыкальной тематики в творчестве Игоря Северянина, так как данный вид неологизмов наиболее ярко отражает специфику идиостиля поэта. Целью работы является изучение употребления лексем тематического поля «музыка» в творчестве Игоря Северянина и их значение в создании синкретического искусства. Актуальность нашей работы определяется необходимостью изучения творчества И. Северянина в тесной связи с особенностями культуры эпохи рубежа веков. Новизна данной статьи состоит в том, что проблема исследования лексем музыки как одной из составляющих синкретизма искусств

---

¹ Сажко Дарья Сергеевна, студент 2 курса филологического факультета, Тверской государственный университет, г. Тверь, Россия.

² Ирина Владимировна Гладиллина, доцент, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русского языка, Тверской государственный университет, г. Тверь, Россия.

ранее не предпринималась. Практическая значимость исследования заключается в том, что данная статья может послужить основой для дальнейшего изучения лексем тематического поля «музыка» других сборников Игоря Северянина и базой для создания словаря лексем музыки данного автора, а также материалы нашей работы могут быть использованы как в общих курсах по русской литературе начала XX века, в спецкурсах и спецсеминарах, так и в школе при изучении русской литературы XX века.

Ключевые слова: Игорь Северянин, лексика, язык художественной литературы, идиостиль, окказионализм, свирель, музыка, синкретизм искусств

Творчество Игоря Северянина зародилось на основе предшествующих литературных направлений рубежа XIX–XX в., прежде всего символизма. Северянина называют «поэтом-экспериментатором», его поэтика характеризуется определенным «сдвигом» по отношению к существовавшей норме, что характерно для всего искусства начала XX в.

И. Северянин в своих произведениях сделал попытку выйти за рамки поэзии, совместив её с музыкой и театральным искусством. Особый интерес для исследователей представляют развитие искусства на основе синтеза и истоки так называемого «вторичного синкретизма» [6, 9].

Использование большого количества лексем, связанных с музыкой, не должно удивлять. Сам И. Северянин считал, что его творчество развивалось с самого начала на основе «классической банальности и мелодической музыкальности» [9, 480].

И. Северянин являлся основателем нового литературного течения, развивавшегося в рамках футуризма, – эгофутуризма, что обусловило многие стилистические особенности творчества поэта (см. подробнее: [1; 2; 3; 4; 8; 11; 14, 236, 290–291, 298, 248; 15]). «Самоутверждение личности», «поиски нового без отвергания старого», «осмысленные неологизмы», – таковы были лозунги эгофутуризма.

Понятие «синтеза искусств» в творчестве Игоря Северянина складывалось из нескольких составляющих: манеры поведения поэта на сцене, его манеры исполнения собственных произведений, а также самого литературного материала.

На композиционном уровне эстетически значимо соотнесение названий, в которых присутствуют названия музыкальных жанров, с ритмико-мелодической и интонационной структурой текста

и особенностями его содержания. Тексты многих стихотворений строятся аналогично музыкальным формам, и именно она является их эстетической доминантой: «Примитивный романс», «Nocturne», «Сиреневый ноктюрн», «Эпиталама», «Prelude», «Интродукция», «Эгополонез», «Симфония», «Вальс», «Увертюра», «Соната», «Вариация», «Реквием». Об этой особенности своего творчества Северянин говорит в стихотворении «Я – композитор».

Поэт часто заимствует названия для своих стихотворений из других видов искусств. Примерно пятая часть заглавий северянинских стихов имеет прямое отношение к изобразительному искусству, музыке и танцу. Так, в сборнике «Громокипящий кубок» достаточно много заимствований из музыкальной сферы: Северянин предлагает читателю две сонаты («Элементарную» и «Сонаты в шторм»); два гимна («Пасхальный» и «Алтайский»); два полонеза («Шампанский» и «Титанию» («Mignon», арию Филины); два этюда («В предгрозье» и «Прогулку короля»); три ноктюна («Nocturne», «Nocturno», просто «Ноктюрн»), романс, прелюдию, «песенку» и др. [7, 61–62]

Озаглавливая вступления к лирическим циклам, поэт также использует названия различных музыкальных жанров и их частей. Его цель при этом – всеми способами подчеркнуть музыкальную форму композиции. Так, цикл «Колье принцессы» открывает «Увертюра» «Колье принцессы – аккорды лиры...» [10, I, 307]. В музыке увертюры исполняли перед началом спектакля, оперы, концерта, чтобы дать зрителям возможность занять свои места.

Началом цикла «Живи живое» стал «Эгополонез». Полонезом, как известно, торжественно открывались балы.

Музыкально-поэтическая форма произведений – увертюры, прелюдии, полонезы – настраивает читателя на особый лад. Тем самым Северянин подчёркивает художественную самоценность произведений, входящих в композиционные рамки его книг стихов. Стоит также отметить, что Северянина внешняя музыкальная организация его произведений заботит в меньшей мере, чем мелодическая изощрённость текстов.

В то же время И. Северянин нередко использует в своих текстах различные тропы и изобразительно-выразительные средства. Наиболее частотно употребительной, содержащей лексемы музыки, в его творчестве является метафора.

Язык и музыка в исследовании языка И. Северянина тесно соприкасаются. Поэтичность языка этого художника слова подчас берет свои истоки в области музыкального, и это далеко не случайно.

Музыка всегда присутствовала в жизни поэта, но более всего он любил оперу, часто там бывал, поэтому совсем не удивительно, что для описания своего творческого таланта и написания произведений Северянин использует лексемы музыки. Автор как бы отождествляет себя с певцом, с музыкантом, но при этом всегда помнит, что он – поэт: «*Одну из нас, – кому свои напевы / И жизнь свою вручишь, поэт!*» [10, I, 167] Достаточной частотным у Северянина является употребление глагола «петь» в значении «исполнять стихи» или «красиво говорить, описывать», что также может быть связано с идеей синкретизма искусств, когда лирический герой одновременно сочетает в себе качества и поэта, и певца.

Вместе с этим в текстах Северянина прослеживается мысль о соотношении музыки с красотой, эстетикой и искусством в целом: «...*Словно сказка, вы / Летесь, ласковы, / Мелодичные, / Безмятежные...*» [10, I, 435] или «*Им флейтой сердце трепит в унисон, / Лия лучи сверкающих созвучий*» [10, I, 142]. Использование данных тропов может подтверждать авторскую концепцию о взаимопроникновении различных видах искусства друг в друга и говорить об авторской системе ценностей и мировоззрений.

В то же время Северянин использует лексемы звука для обозначения чувственного восприятия мира: «*Летя в окна ароматный рокот... / Ты вздыхаешь с музыкой в лице / Птичье пенье*» [10, I, 118], «...*Сердце в мелодиях, страстных варьянтах, / Счастья, прощенья, любви и свободы...*» [10, I, 468]. На этих примерах видно, что поэту проще выразить эмоции и переживания с помощью метафорического переноса, что опять же отсылает нас к уже упомянутому авторскому замыслу.

Также И. Северянин в своих произведениях достаточно часто упоминает музыкальные произведения, композиторов и исполнителей, причем не только отечественных, но и зарубежных. Это может говорить о большой осведомленности автора в области данной темы.

На лексическом уровне звуковое восприятие, помимо глаголов звучания и слушания, выражается названиями музыкальных терминов, жанров, инструментов. Особое место в этой системе занимают имена собственные, выполняющие функцию аллюзии, поскольку высокая степень их известности предполагает непосредственную реакцию читателя – создание ассоциативного рада. И. Северянин вводит в тексты следующие группы:

1. композиторы (Шопен, Григ, Массне, Тома, Масканы);
2. исполнители (Карузо, Собинов);

3. музыкальные произведения («Титания», «Mignon», «Цампа», «Госка», «Риголетто»).

Северянин создаёт общую картину, указывающую на то, что музыка существует повсеместно, она находит отражение во многих сферах деятельности и жизни человека. С помощью упоминания композиторов И. Северянин конструирует, с одной стороны, мотив романтики и нежных чувств, а с другой, у него появляется тема памяти, в которой он отдаёт дань уважения почившим музыкантам.

Спецификой идиостиля И. Северянина является широчайшее использование окказионализмов. Поэт мгновенно реагировал на те процессы, которые происходили в языке поэзии начала XX века, и в концентрированном виде отразил некоторые из них: заимствовал иноязычные экзотические слова, воскрешал забытые слова, занимался словотворчеством. Свои окказионализмы Северянин создавал по принципу гармонии и благозвучия, с установкой на изысканность и изящество.

Многие неологизмы создаются на базе ключевых слов, являющихся для автора определённым «концептом» или в терминах авторов «Словаря языка Ф. М. Достоевского» – идеоглоссами [12, 34–35]. Говоря о музыкальных окказионализах, наиболее продуктивными оказываются идеоглоссы *Музыка* и *Свирель*.

В языке И. Северянина присутствуют глаголы, образованные в соответствии с продуктивным типом языка и мотивированные существительными, имеют значение «стать тем, кто (что) назван(о) мотивирующим существительным, или приобрести его признаки». Среди них можно выделить лексему «освирелиться». Однако в контекстах оно используется в переносном значении: «стать мелодичным, певучим». Также присутствует в его тексте глагол «освирелить», план выражения которого сходен с упомянутым выше глаголом, но здесь происходит трансформация значения, которое можно трактовать как «рассказать красиво, в красках». Есть ещё одна лексема, которую следует отнести к этой группе – «виолончелить». Значение этого глагола можно соотнести со значением предыдущего и определить его как «петь красиво, мелодично».

Также Северянин актуализирует в поэтических произведениях ироническую оценку посредством оксюморона, с помощью которого автор образует окказионализмы. Примером может служить прилагательное «литаврово-немой». Лексема образована путем сложения основ с прямо противоположным значением: литавровый – «характерный для литавр, издающий звук» и немой – «тихий, безмолвный». В окказиональном слове создается образ полного противоречия и несоответствия, что помогает автору ярче показать свою картину мира и подчеркнуть общую концепцию противопоставления в произведении.

Однако Северянин при образовании окказионализмов опирается не только на продуктивные деривационные модели. Для русского языка не характерны слова, в состав которых входит более двух корней, однако поэт создает лексему «музыкально-поэзо-вокальный», описывая вечер в деревне. Подобный выбор не случаен, так как нетипичное для языка слово Северянин использует с целью создания нестандартного, возвышенного образа, не коррелирующего в окружающей действительности, с точки зрения содержания произведения. Образование подобной лексики используется поэтом для наиболее точного описания события: вечер, на котором будет звучать музыка, будут читать поэмы и исполнять произведения. Данная тенденция была новой для языка, что подходило Северянину как поэту-футуристу, поэтому её использование можно считать достаточно целесообразной. Начиная с 20-х гг. XX века, эта идея развивается в рамках такого явления, как аббревиация, которое становится популярным и даже необходимым.

Как ещё одну группу окказионализмов, можно выделить прилагательные «янтарно-гитарный» и «музыкально-ласковый». Интересно в этих лексемах то, что они сочетают в себе слова из разных семантических полей. «Янтарно-гитарными» Северянин называет пчёл и с помощью одного эпитета описывает и цвет насекомых, и их способность издавать звуки. Прилагательное «музыкально-ласковый» описывает мгновения, которых ждет лирических герой. Здесь трудно так чётко разделить составляющие, потому что они образуют одно отдельное значение «приятные, тёплые, светлые», однако всё равно можно увидеть отдельные семы производящих слов.

Таким образом, использование лексем, связанных с музыкой, а также окказионализмов, достаточно характерное явление для творчества Игоря Северянина. В начале XX века идея синтеза искусств волновала многих художников и теоретиков искусства, порождая стремление к творческому поиску в этом направлении. Эксперименты Игоря Северянина в области синтеза слова, музыки и визуального воздействия на зрителя вплотную приблизили его к созданию нового синкретического искусства.

Список источников

1. Ахмедова Ю. А. Синестезия как элемент идиостиля (на примере лирики Игоря-Северянина) [Электронный ресурс]. 2000. URL: <http://severyanin.lit-info.ru/severyanin/kritika/ahmedova-sinesteziya-kak-element-idiostilya.htm> (дата обращения: 25.11.2022).

2. Ахмедова Ю. А. Эгофутуризм Игоря Северянина // Знание. Понимание. Умение. 2008. №1. С. 152–156
3. Брандт Р. Ф. О языке Игоря Северянина [Электронный ресурс]. 2000. URL: <http://severyanin.lit-info.ru/severyanin/kritika/brandt-o-yazyke-severyanina.htm> (дата обращения: 29.11.2022).
4. Викторова С. А. Игорь Северянин и поэзия Серебряного века: Творческие связи и взаимовлияния: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Ярославль, 2002. 217 с.
5. Глумов А. Н. Нестертые строки. Москва: Всероссийское театральное общество, 1977. 422 с.
6. Зиновьева Э. Н. Игорь Северянин: эксперименты в области синтеза искусств // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2019. №1. С. 9–12.
7. Капустина Ю. А. Музыкальный жанр во вступлении к лирическим циклам Игоря-Северянина // Вестник литературного института им. А. М. Горького. 2016. №3. С. 60–64.
8. Матвеева Е. Н. Коммуникативно обусловленное эстетическое значение слова в поэзии: на материале поэзии Игоря Северянина: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Благовещенск, 2008. 237 с.
9. Северянин И. Образцовые основы // Северянин И. Тост безответный. Стихотворения. Поэмы. Проза. Москва: Республика, 1999. С. 479–480.
10. Северянин И. Сочинения: в 5 т. / сост., вст. ст. и комм. В. А. Кошелева и В. А. Сапогова Санкт-Петербург: Logos, 1995–1996.
11. Секриеру А. Э. Художественный синтез в творчестве Игоря Северянина: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Москва, 1998. 169 с.
12. Словарь языка Достоевского: Лексический строй идиолекта / сост. Е.Л. Гинзбург, М.М. Коробова, Е.А. Цыб, С. Н. Шепелева; гл. ред. Ю.Н. Караулов; Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Москва: Азбуковник, 2001. 442 с.
13. Толковый словарь русского языка: 120000 слов и фразеологических выражений / сост. С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. Москва: ООО «А ТЕМП», 2020. 896 с.
14. Флоря А. В. Русская стилистика. Курс лекций: Словообразование. Лексикология. Семантика. Фразеология. Орск: Изд-во ОГГИ, 2003. 903 с.

15. Ходан М. В. Лексико-семантические средства выражения авторской экспрессии в поэтическом языке Игоря Северянина: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Москва, 2003. 210 с.

REFERENCES

1. Ahmedova Ju. A. Sinesteziya kak jelement idiositilja (na primere liriki Igorja-Severjanina) [E'lektronny`jresurs]. 2000. URL: <http://severyanin.lit-info.ru/severyanin/kritika/ahmedova-sinesteziya-kak-element-idiositilya.htm> (accessed: 25.11.2022). (In Russ.).
2. Ahmedova Ju. A. Jegofuturizm Igorja Severjanina // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2008. №1. Pp. 152–156. (In Russ.).
3. Brandt R. F. O jazyke Igorja Severjanina [E'lektronny`jresurs]. 2000. URL: <http://severyanin.lit-info.ru/severyanin/kritika/brandt-o-yazyke-severyanina.htm> (accessed: 29.11.2022). (In Russ.).
4. Viktorova S. A. Igor' Severjanin i poezija Serebrjanogo veka: Tvorcheskie svjazi i vzaimovlijanija. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Jaroslavl', 2002. 217 p. (In Russ.).
5. Glumov, A.N. Nestertye stroki. Moscow: Vserossijskoe teatral'noe obshhestvo, 1977. 422 p. (In Russ.).
6. Zinov'eva Je. N. Igor'-Severjanin: jeksperimenty v oblasti sinteza iskusstv // Vestnik Ul'janovskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. 2019. №1. Pp. 9–12. (In Russ.).
7. Kapustina Ju. A. Muzykal'nyj zhanr vo vstupenii k liricheskim ciklam Igorja-Severjanina // Vestnik literaturnogo instituta im. A. M. Gor'kogo. 2016. №3. Pp. 60–64. (In Russ.).
8. Matveeva, E. N. Kommunikativno obuslovennoe jesteticheskoe znachenie slova v poezii: na materiale poezii Igorja Severjanina. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Blagoveshensk, 2008. 237 p. (In Russ.).
9. Severjanin I. Sochinenija: v 5 t. / sost., vst. st. i komm. V. A. Kosheleva i V. A. Sapogova Saint Peterburg: Logos, 1995–1996. (In Russ.).
10. Severjanin I. Obrazcovye osnovy // Severjanin. Tost bezotvetnyj. Stihotvorenija. Pojemy. Proza. Moscow, 1999. (In Russ.).
11. Sekrieru A. Je. Hudozhestvennyj sintez v tvorčestve Igorja Severjanina. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Moscow, 1998. 169 p. (In Russ.).
12. Slovar' jazyka Dostoevskogo: Leksicheskij stroj idiolekta / sost. E. L. Ginzburg, M. M. Korobova, E. A. Cyb, S. N. Shepeleva; gl. red. Ju. N. Karaulov; Rossijskaja akademija nauk. Institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova. Moscow: Azbukovnik, 2001. 442 p. (In Russ.).

13. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 120000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij / sost. S. I. Ozhegov, N. Ju. Shvedova; Rossijskaja akademija nauk. Institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova. 4-e izd., dopolnennoe. Moscow: OOO «A TEMP», 2020. 896 p. (In Russ.).

14. Florja A. V. Russkaja stilistika. Kurs lekcij: Slovoobrazovanie. Leksikologija. Semantika. Frazeologija. Orsk: Izd-vo OGGI, 2003b. (In Russ.).

15. Hodan, M. V. Leksiko-semanticheskie sredstva vyrazhenija avtorskoj jekspressii v pojeticheskom jazyke Igorja Severjanina. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Moscow, 2003. 210 p. (In Russ.).

**MUSIC LEXEMES IN IGOR SEVERYANIN'S WORKS
(«THE THUNDERING CUP», «PINEAPPLES IN CHAMPAGNE»,
«MINSTREL», «GOLDEN LYRE », «TIMPANI OF THE SUN»)**

Darya S. Sazhko

2nd year student of the Faculty of Philology of Tver State University
(Tver, Russia)

Irina V. Gladilina

Associate Professor, PhD in Philological, Head of the Russian
language department of Tver State University
(Tver, Russia)

Abstract

The article focuses on studying music lexemes in Igor Severyanin's works as illustrated by his poetry collections. Given lexemes are quite frequent ones in this author's poetic texts which may indicate their semantic meaning, besides author's experiments in the field of word and music synthesis brought him closer to creation of new syncretic art at the meeting point of the two kinds mentioned above. In our work we pay particular attention to occasionalisms in musical theme in works of Igor Severyanin because these neologisms vividly reflect the specificity of the poet's idiolect. The purpose of the work is the study of music lexemes usage in Igor Severyanin's poems and their role in syncretic art creation. The importance of this research is determined by the need to study of Severyanin's works in strong connection with cultural features at the turn of the centuries. Scientific originality of this article is the fact that the problem of studying music lexemes as a part of syncretism of arts has never been brought up. Practical relevance of the work consists in the fact that this article can become the basis for the further study of music lexemes of other Igor Severyanin's poetry collections and the basis

Д. С. Сажко, И. В. Гладиллина

for creation of a dictionary of music lexemes of this author. Also the materials of our work can be used in general courses on Russian Literature of the early 20th century, in special courses and special seminars and at school while studying Russian Literature of the early 20th century.

Keywords: Igor Severyanin, lexis, fiction language, idiolect, occasionalism, reed-pipe, music, syncretism of arts

Для цитирования: Сажко Д. С., Гладиллина И. В. Лексемы музыки в творчестве Игоря Северянина («Громокипящий кубок», «Ананасы в шампанском», «Менестрель», «Златолира», «Литавры солнца») // Libri Magistri. 2023. № 3 (25). С. 179–188.

Поступила в редакцию 14.06.2023

ББК 81.19
УДК 377:378

М. Ю. Слащева¹

ORCID: 0009-0006-5425-6476

Южный федеральный университет

344006, Россия. Г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42

mslashcheva@sfedu.ru

Научный руководитель – Л. Б. Савенкова²

ORCID: 0000-0002-2637-679X

Южный федеральный университет

344006, Россия. Г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42

savenkova@sfedu.ru

ПРОДУКТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ПРОЕКТА «СТУДЕНТ СТУДЕНТА ЛУЧШЕ ПОЙМЁТ» КАК МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ РЕСУРС: УСПЕХИ И ТРУДНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ

Предмет данного исследования – особенности реализации студентами-филологами мультимедийного лексикографического проекта, предназначенного для инофонов, овладевающих русским языком как иностранным на уровне В1. Цель работы – описание различных мультимедийных компонентов проекта с указанием их места и роли в его общей структуре и оценка трудностей, встретившихся участникам проекта. Основные методы исследования – интроспективный и аналитический. Их релевантность обусловлена тем, что автор являлся одним из участников проекта и мог наблюдать за ним на всех стадиях реализации, начиная с формулировки цели, постановки задач, распределения ролей, продолжая отбором материала и самостоятельным повышением методической грамотности членов проектных групп и завершая созданием конечного продукта.

Основные результаты работы заключаются в осмыслении одного из эффективных методов осуществления проектной деятельности студентов-филологов через создание ими фрагмента базового толкового словаря для инофонов и развитие у них навыков

---

¹ Слащева Милана Юрьевна, студентка-филолог, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, Россия.

² Савенкова Людмила Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, Россия.

творческой деятельности в методической сфере. В работе охарактеризовано обращение участников проекта к аудиоматериалам, графическим и фотоматериалам, видеоматериалам и создании на основе всех составляющих продукта в виде презентации с системой ссылок. Новизну исследования составляет описание одного из возможных подходов вовлечения обучающихся на ранних этапах получения гуманитарного образования в научно-методическую деятельность, предполагающую выработку умения создавать собственный обучающий мультимедийный продукт. Практическая значимость работы видится в том, что её результаты исследования могут быть полезны преподавателям, использующим метод проектной деятельности в лингвоориентированном образовательном процессе.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, толковый словарь-самоучитель, мультимедийный ресурс

Введение. Одной из приоритетных тенденций современного образования является информатизация учебного процесса с внедрением мультимедийных ресурсов. Под «мультимедиа» в настоящем исследовании понимаются интерактивные системы, обеспечивающие одновременную работу а) с неподвижными изображениями и движущимися видео, б) анимированными компьютерными изображениями и движущимися видео, в) анимированной компьютерной графикой и текстом, г) речью и высококачественным звуком и т. п. [2].

О возможностях организации обучения с использованием такого рода информационных технологий говорится в исследованиях Г. Кувандиковой, З. Н. Юлчиевой, Д. Ф. Хамрокуловой [4], В. Н. Падерина [8], Г. В. Князевой [3] и др. Вопросом эффективности внедрения мультимедийных ресурсов в образовательное пространство занимались Ю. Н. Егорова [2], В. П. Сухинин, В. В. Сухинина, С. М. Спасский [11], Н. Е. Попова [9] и др. Использование мультимедийных ресурсов в процессе преподавания иностранного языка раскрыто в работах М. Набиевой [6], Е. В. Бессоновой, И. К. Кирилловой, Ю. А. Тарабаринной [1], М. А. Сакбаева [10], Н. Ю. Миронова [5] и др. Однако идея создания студентами-русистами мультимедийного ресурса как учебного продукта для инофонов не получила достаточного освещения.

Цель исследования – рассмотреть продукт проекта «Базовый толковый словарь-самоучитель для изучающих современный русский язык на уровне В1», выполненного обучающимися первого курса

профиля «Отечественная филология», как интерактивную систему, помогающую лучше овладеть лексическим составом современного русского языка как целевой аудитории (инофонам), так и самим разработчикам проекта.

Обоснование целесообразности лексикографического проекта. В первую очередь необходимо понять, почему важно использовать средства мультимедиа при работе по обучению студентов-инофонов силами других обучающихся высшего учебного заведения, которые являются носителями русского языка. Обращаясь к различным формам представления контента при составлении толкового словаря-самоучителя, мы ориентируемся на студентов-иностранцев с разным типом восприятия информации (визуалы, аудиалы, кинестетики) [7, 63]. Мультимедийными ресурсами в нашем случае выступают аудиозаписи произношения осваиваемых иностранными студентами слов, видеоряд и фото, представляющие ситуации, в которых возможно использование изучаемых лексем, анимированная компьютерная графика, иллюстрирующая толкуемые слова и являющаяся способом взаимодействия с массивом материала при помощи разработанного комплекса упражнений, который позволяет инофонам закрепить в сознании изучаемые слова. В то же время студенты, работающие над проектом, глубже вникают в лингвистический материал и внимательнее подходят к теории русской лексикологии и лексикографии, поскольку должны добиваться успешной трансляции информации адресату проекта.

Компоненты проекта, обеспечивающие мультимедийность продукта. Процесс создания видео, аудиоряда, фотографий и графических объектов трудоёмкий даже на когнитивном уровне, так как для студентов первого курса профиля «Отечественная филология», не обладающих опытом в области обучения иностранцев русскому языку, в значительной степени затруднительно понимание того, как объяснить инофону семантику тех слов, которые для носителя в толковании не нуждаются. Это заставляет их самостоятельно обращаться к научно-методической литературе. Однако необходимо рассмотреть и техническую сторону проекта, потому что благодаря средствам мультимедиа, которые были перечислены выше, возможно создание востребованного среди студентов-иностранцев учебного продукта, способного помочь им в освоении лексики современного русского языка.

Аудиоматериалы. Одной из задач, стоявшей перед участниками проекта, было составление минимально достаточного набора предложений с опорой на «Лексический минимум по русскому

языку как иностранному», которые бы демонстрировали общепринятое использование толкуемых слов. Далее следовало создание аудиозаписей предложений, а также произношения отдельно взятых лексем, значение которых объясняется студентам-иностранцам. Этот элемент информационного ресурса позволяет инофонам услышать верное, соответствующее орфоэпическим нормам произношение изучаемого слова как отдельно, так и в речевом потоке.

Все аудиозаписи создавались при помощи диктофона на мобильном устройстве либо же мессенджера, где возможен обмен аудиосообщениями в реальном времени.

Графические объекты. Графическими объектами продукта проекта предстают изображения предметов, проявлений чувств, ситуаций, описанных в минимальном наборе составленных предложений. Изображения служат визуальным сопроводителем толкования лексем.

Те проектные группы, которые для демонстрации широко распространенных случаев употребления отобранных слов использовали непосредственно графические объекты, в большей степени прибегали к традиционному способу рисования, то есть изображению референтов лексем в составе предложений при помощи карандашей/красок/фломастеров и бумаги. Однако важно принять во внимание тот факт, что все графические объекты затем были оцифрованы и уже в преобразованном формате вошли в состав информационных ресурсов проекта. Такая медийная единица направлена на обучение людей с визуальным типом восприятия.

Проблемы, с которыми столкнулись студенты, принимавшие участие в работе над созданием иллюстраций, упираются в техническую сферу. Очевидно, что графические объекты, выполненные в так называемой «диджитал» технике, то есть при помощи электроники и цифровых программ, обладали бы более высоким качеством изображения. Например, очень популярны в сфере изобразительного искусства такие устройства, как планшеты, стилусы, заменяющие карандаши, а также приложения для рисования («Procreate», «Sketchbook», «ArtRage» и многие другие). Кроме того, большинство студентов-первокурсников профиля «Отечественная филология», занимавшихся графическими информационными ресурсами, – художники-любители, они не обладают профессиональными навыками в сфере изобразительного искусства, а также умением пользоваться всеми средствами современных девайсов и приложений для рисования.

Фотоматериалы. Фотоматериалы являются аналогом графических иллюстраций ситуаций общепринятых употреблений объясняемых слов. Как известно, при изучении иностранного языка предложений с использованием толкуемой лексемы может оказаться недостаточно для понимания узуса языковой единицы, как минимум потому, что в синтаксическом окружении нового слова могут находиться такие лексемы, план содержания которых непонятен изучающему иностранному языку.

Фотоматериалы как информационный элемент продукта проекта представляют собой цифровые иллюстрации к каждому составленному предложению. Они сопровождают текст и восполняют пробелы в понимании инофоном написанного.

Проектные группы, использовавшие фото в качестве визуального медийного ресурса, выполняли работу при помощи камеры на мобильном устройстве или любительского фотоаппарата, а также примитивных приложений для фотошопа, обработки изображений. И хотя мы живем во время IT-революции и практически каждый мобильный девайс имеет камеру удовлетворительного качества, тем не менее при пересылке фото с одного устройства на другое, при корректировке изображения качество картинки, несомненно, ухудшается. Более высоким результатам проекта способствовала бы профессиональная электроника и специальные мобильные/компьютерные приложения, а именно фотокамера и программы для обработки изображений. Далее следует отметить, что процесс создания фотоматериалов проходил в полевых условиях, то есть без аренды студии, без покупки декораций и каких-либо аксессуаров для съемки, что тоже отдаляло медиaproдукт проекта от идеала.

Видеоматериалы. Видеоряд создавался на основе минимально достаточного набора диалогов, в которых демонстрировалось использование изучаемого слова. С одной стороны, видеоматериалы выполняют ту же функцию, что и фото и графические объекты, с другой – проявляется ещё одно важное назначение этой медийной единицы. Видеоряд позволяет улучшить усвоение инофоном верного произнесения толкуемой лексемы в потоке речи за счет наблюдения за артикуляционными особенностями произношения звуков. Он аккумулирует возможности фотографических объектов и аудиозаписей.

После того как один из участников составлял пять диалогов, используя при этом слова исключительно «Лексического минимума по русскому языку как иностранному», следовало распределение реплик между членами проектной группы. Для видеосъемки требовалось от 1 до 5 встреч участников.

Сама запись видеороликов в большинстве случаев проходила в аудиториях или рекреациях после учебного времени. Такой выбор локации делал неизбежным присутствие внешних и собственно производительных шумов. При их большом количестве аудиоряд записывался отдельно и накладывался на видео. На наличие посторонних звуков повлияло также и отсутствие профессиональной аппаратуры: камеры, микрофона с шумоподавлением, комнаты для звукозаписи. Не представлялось возможным искоренить данные недостатки с помощью приложений-видеоредакторов, так как для их использования необходимы определенные навыки, которыми первокурсники-филологи не обладают. Более того, большинство таких программ содержит платный контент, приобретение которого было невозможно.

Презентации. В качестве ещё одного элемента информационного ресурса можно выделить интерактивные презентации, в которых представлен комплекс упражнений для закрепления изученного инофоном материала. Такое мультимедийное средство позволяет структурировать в сознании полученный массив информации. В качестве наиболее распространенных типов единиц методической организации учебного материала можно выделить сопоставление лексем с графическим объектом, составление предложений из предложенных слов, введение пропущенного слова в синтаксическую конструкцию.

Все презентации были созданы в редакторе «Microsoft PowerPoint». Программа предоставляет широкий спектр возможностей создания медийных ресурсов, при этом она довольно проста в использовании, так что проблем технического характера у участников проекта не возникло. Разработка комплекса упражнений требовала понимания того, как изложить иностранцу материал в доступной для него форме, так как для носителя русского языка понятно толкование слов практически на интуитивном уровне, а выполнение элементарных заданий не вызывает никаких затруднений. Таким образом, при работе с данным элементом медиапродукта возникали проблемы более всего на когнитивном уровне. В том числе для оценки качества разработанного комплекса упражнений впоследствии проводились интервью с целевой аудиторией.

Все вышеописанные элементы информационного ресурса некоторыми проектными группами были рассортированы по папкам и помещены в облачное хранилище «Google Drive». Ссылки на каталоги файлов были скопированы и вставлены непосредственно в итоговые презентации, представляющие собой словарь с толкованиями лексем и всеми созданными информационными

единицами. Переход к документам, прикрепленным к соответствующему слову, осуществляется через гиперссылки. Другая часть проектных групп не использовала облачную платформу как место хранения элементов информационного ресурса, все обучающие материалы вошли непосредственно в состав отчетной презентации, навигация по которой также осуществляется с помощью гиперссылок.

Рассмотрим функционирование каждого медийного элемента продукта проекта на примере темы «Носильные вещи». Результатом работы проектной группы явилась презентация с толкованиями отобранных лексем и гиперссылками на сопровождающие объясняемые инофону слова, видео-, аудиоматериалы, графические объекты, комплекс упражнений. Толкуемое значение сопровождает элемент контента, кликнув по которому пользователь переходит на слайд с фотографиями референтов отобранного слова (*свитер, юбка, джинсы, туфли, кроссовки*). На том же слайде обучаемый видит ряд гиперссылок на единицы мультимедийного источника, нажатие на которые отсылает его в ту или иную папку облачного хранилища, где находятся все материалы, необходимые для изучения иностранцем лексики. Таким образом организованы все толкования отобранных слов. Последние слайды сопровождаются частью гипертекстового документа, отсылающей к презентации с комплексом упражнений для закрепления изученного материала и к интервью с инофоном, оценившим качество продукта проекта.

Заключение. В целом можно говорить о том, что большинство трудностей, с которыми столкнулись члены проектных групп при разработке мультимедийного продукта, было связано с отсутствием как такового профессионального технического оборудования и программ, специализирующихся на работе с информационными ресурсами. С другой стороны, именно это позволило разработчикам проявлять изобретательность, находить простые решения и, главное, дать обучающимся почувствовать, что их обучению способствуют такие же молодые люди, как и они сами, живущие с ними «на одной волне». Именно поэтому продукт проекта видится потенциально востребованным среди студентов-иностранцев мультимедийным ресурсом, который предоставляет аудио-, фото-, видеоматериалы, графические объекты и интерактивные презентации. Информация предстает в разных форматах, что позволит инфонам опираться на оптимальные для них каналы восприятия.

Список источников

1. Бессонова Е. В., Кириллова И. К., Тарабарина Ю. А. Использование мультимедиа-технологий в обучении иностранному

языку в вузе // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 62–2. С. 51–54.

2. Егорова Ю. Н. Мультимедиа как средство повышения эффективности обучения в общеобразовательной школе: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. Чебоксары, 2000. 196 с.

3. Князева Г. В. Применение мультимедийных технологий в образовательных учреждениях // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2010. № 16. С. 77–95.

4. Кувандикова Г. Г., Юлчиева З. Н., Хамрокулова Д. Ф. Использование мультимедийных технологий в учебном процессе // Наука и образование сегодня. 2018. № 3. С. 52–54.

5. Миронова Н. Ю. Использование мультимедиа при обучении иностранному языку в вузовской подготовке // Евразийский Союз Ученых. 2015. № 10-4. С. 77–79.

6. Набиева М. Использование мультимедиа в процессе обучения иностранному языку // Конструктивизм в психологии и педагогике. Сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. (Волгоград, 15 мая 2018 г.). Уфа: Аэтерна, 2018. С. 123–125.

7. Овсянникова Е. А., Серебрякова А. А. Основы психологии. Москва: Флинта, 2015. 131 с.

8. Падерин В. Н. Использование мультимедийных технологий в обучении студентов вузов // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2016. № 5 (87). С. 9. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26168093> (дата обращения: 02.05.2023).

9. Попова Н. Е. Применение мультимедийных средств в обучении: проблемы и противоречия // Science for Education Today. 2015. № 3. С. 34–43.

10. Сакбаева М. А. Роль мультимедиа и компьютерных технологий в преподавании иностранных языков // Достижения науки и образования. 2020. № 8. С. 44–46.

11. Сухинин, В. П., Сухина В. В., Спаский С. М. Мультимедийные средства и образовательная среда // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. № 4. С. 91–94.

REFERENCES

1. Bessonova E. V., Kirillova I. K., Tarabarina Yu. A. Ispol'zovanie mul'timedia-tekhnologij v obuchenii inostrannomu yazyku v vuze [The use of multimedia technologies in teaching a foreign language at a university] // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo

obrazovaniya. [Problems of modern pedagogical education]. 2019. № 62-2. Pp. 51–54. (In Russ.).

2. Egorova YU. N. Mul'timedia kak sredstvo povysheniya effektivnosti obucheniya v obsheobrazovatel'noj shkole [Multimedia as a means of improving the effectiveness of teaching in a comprehensive school]: 13.00.01: dis. ... kand. ped. nauk. Cheboksary, 2000. 196 p. (In Russ.).

3. Knyazeva G. V. Primenenie mul'timedijnyh tekhnologij v obrazovatel'nyh uchrezhdeniyah [Application of multimedia technologies in educational institutions] // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva. [Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University]. 2010. №16. Pp. 77–95. (In Russ.).

4. Kuvandikova G. G., Yulchieva Z. N., Hamrokulova D. F. Ispol'zovanie mul'timedijnyh tekhnologij v uchebnom processe [The use of multimedia technologies in the educational process] // Nauka i obrazovanie segodnya. [Science and education today]. 2018. №3. Pp. 52–54. (In Russ.).

5. Mironova N. Yu. Ispol'zovanie mul'timedia pri obuchenii inostrannomu yazyku v vuzovskoj podgotovke [The use of multimedia in teaching a foreign language in university training] // Evrazijskij Soyuz Uchenyh. [Eurasian Union of Scientists]. 2015. №10-4. Pp. 77–79. (In Russ.).

6. Nabieva M. Ispol'zovanie mul'timedia v processe obucheniya inostrannomu yazyku [The use of multimedia in the process of teaching a foreign language] // Konstruktivizm v psihologii i pedagogike. Sb. statej Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Volgograd, 15 maya 2018 g.) [Constructivism in psychology and pedagogy. Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. (Volgograd, May 15, 2018)]. Ufa: «Aeterna», 2018. Pp. 123–125. (In Russ.).

7. Ovsyannikova E. A., Serebryakova A. A. Osnovy psihologii [Fundamentals of psychology]. Moscow: Flinta, 2015. 131 p. (In Russ.).

8. Paderin V. N. Ispol'zovanie mul'timedijnyh tekhnologij v obuchenii studentov vuzov [The use of multimedia technologies in teaching university students] // Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyj nauchnyj zhurnal [Management of economic systems: an electronic scientific journal]. 2016. № 5. [Elektronnyj resurs]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26168093> (accessed: 02.05.2023). (In Russ.).

9. Popova N. E. Primenenie mul'timedijnyh sredstv v obuchenii: problemy i protivorechiya [The use of multimedia in teaching: problems and contradictions] // Science for Education Today. 2015. № 3. Pp. 34–43. (In Russ.).

10. Sakbaeva M. A. Rol' mul'timedia i komp'yuternyh tekhnologij v prepodavanii inostrannyh yazykov [The role of multimedia and computer technologies in teaching foreign languages] // Dostizheniya nauki i obrazovaniya [Achievements of science and education]. 2020. № 8. Pp. 44–46. (In Russ.).

11. Suhinin, V. P., Suhinina V. V., Spasskij S. M. Mul'timedijnye sredstva i obrazovatel'naya sreda [Multimedia tools and educational environment] // Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya [Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology]. 2018. № 4. Pp. 91–94. (In Russ.).

**THE PRODUCT OF THE LEXICOGRAPHIC PROJECT
"THE STUDENT WILL UNDERSTAND THE STUDENT BETTER"
AS A MULTIMEDIA RESOURCE: ACHIEVEMENTS
AND DIFFICULTIES OF IMPLEMENTATION**

Milana. Y. Slashcheva

Student of Philology, Southern Federal University
(Rostov-on-Don, Russia)

Savenkova Lyudmila Borisovna

Scientific Supervisor, Doctor of Philology, Professor of the Russian
Language Department, Southern Federal University
(Rostov-on-Don, Russia)

Abstract

The subject of this study is the peculiarities of the implementation by philology students of a multimedia lexicographic project designed for foreign speakers mastering Russian as a foreign language at the B1 level. The purpose of the work is to describe the various multimedia components of the project, indicating their place and role in its overall structure and to assess the difficulties encountered by the project participants. The main research methods are introspective and analytical. Their relevance is due to the fact that the author was one of the project participants and could observe it at all stages of implementation, starting with the formulation of goals, setting tasks, assigning roles, continuing with the selection of material and independent improvement of methodological literacy of the project team members and ending with the creation of the final product.

The main results of the work are to comprehend one of the effective methods of implementing the project activities of students of philology through the creation of a fragment of a basic explanatory dictionary for foreign speakers and the development of their skills of creative activity in the methodological sphere. The paper describes the usage of audio,

graphic, photographic and video materials by the project participants and the creation of the product in the form of a presentation with a system of links. The product included the abovementioned materials. The novelty of the research is the description of one of the possible approaches to involving students at the early stages of receiving a liberal arts education in scientific and methodological activities involving the development of the ability to create their own multimedia teaching products. The practical significance of the work is seen in the fact that its research results can be useful to teachers using the method of project activity in the language-oriented educational process.

Keywords: Russian as a foreign language, self-help explanatory dictionary, multimedia resource

Для цитирования: Слащева М. Ю. Продукт лексикографического проекта «Студент студента лучше поймёт» как мультимедийный ресурс: успехи и трудности реализации // Libri Magistri. 2023. № 3 (25). С. 189–199.

Поступила в редакцию 19.06.2023

И. М. Степаненко, С. В. Русанова

УДК 81'44
ББК 81.054

И. М. Степаненко¹

ORCID: 0009-0009-3853-1302

*Новосибирский государственный
технический университет*

630073, Россия, г. Новосибирск, пр-т К. Маркса, д. 20
Stepanenkoivan540@gmail.com

С. В. Русанова²

ORCID: 0000-0003-3451-6892

*Новосибирский государственный
технический университет*

630073, Россия, г. Новосибирск, пр-т К. Маркса, д. 20
rusanova@corp.nstu.ru

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ ЗАИМСТВОВАНИЙ ИЗ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА В ГОВОРАХ СТАРООБРЯДЦЕВ (СЕМЕЙСКИХ) ЗАБАЙКАЛЬЯ

Данная статья посвящена изучению словообразовательной активности заимствований из бурятского языка в говорах семейских Забайкалья. Актуальность научно-исследовательской работы определяется несколькими факторами. Во-первых, изучение функционирования языка и его реализации на различных территориях Российской Федерации самоценно, так как даёт представление о том, как развивается и функционирует язык, сталкиваясь с национальными языками. Во-вторых, одной из актуальных проблем отечественной региональной русистики считается проблема освоения русским языком лексических заимствований из национальных языков народов России. Объектом настоящего исследования выступает деривационный потенциал существительных в говорах старообрядцев, заимствованных из бурятского языка. Целью работы является выявление и описание словообразовательной активности бурятских заимствований в говорах семейских, что определяет основные методы

---

¹ Степаненко Иван Максимович, студент направления 45.03.01 «Филология», Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Россия.

² Русанова Светлана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Россия.

исследования: сравнительно-сопоставительный анализ, описание и классификация. В работе говорится, чем обусловлено появление заимствований из бурятского языка в русском языке. Сравняются способы словообразования в русском языке и бурятском. Рассматриваются слова с наибольшей словообразовательной активностью и делается вывод о том, что они принадлежат к одной тематической сфере. Наиболее распространенными в исследуемых говорах являются словообразовательные пары, которые состоят из производящего заимствованного существительного и производного от него в русском языке глагола. Кроме того, анализируются словообразовательные модели, использующиеся для образования дериватов от заимствованных слов. В заключение делаются выводы о том, что словообразовательно активные заимствования, встраиваясь в систему русского языка, подвергаются грамматической ассимиляции и образуют словообразовательные пары и словообразовательные гнезда по существующим словообразовательным моделям.

Ключевые слова: словообразовательная активность, деривационный потенциал, бурятские заимствования, словообразовательная модель, грамматическая ассимиляция, говоры семейских

Введение. Одной из важных проблем современной русистики является проблема освоения русским языком лексических заимствований из национальных языков народов России.

Заимствования из бурятского языка в говорах старообрядцев обусловлены прежде всего массовым расселением старообрядцев в Сибири во второй половине XVIII в. и в начале XIX в. Тесные экономические и культурные контакты старообрядцев (семейских) и бурят привели к появлению в языке множества заимствований [2]. В. И. Даль, один из первых этнографов и исследователей русского регионального языка, говоря о его лексических особенностях, утверждал, что «в сибирском наречии немало принято также от инородцев: татар, остяков, тунгусов, бурят, якутов и прочих» [3, 67]. Дальнейшим изучением бурятских заимствований в русских говорах Забайкалья занимались лексикологи Л. Е. Элиасов [12], В. И. Копылов [6], Р. Х. Харташкина [11], Э. Д. Эрдынеева [13], которые классифицируют заимствованные лексемы по тематическим сферам. Кроме того, современные исследователи подмечают грамматические и фонетические изменения бурятских слов, встроенных в систему русского языка.

Основная часть. В центре нашего исследования заимствованные из бурятского языка существительные с большим деривационным потенциалом в говорах старообрядцев (семейских) Забайкалья, который обуславливает их словообразовательную активность.

Источником настоящего исследования послужил «Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья» под редакцией Т. Б. Юмсуновой, являющийся наиболее обширным собранием лексем старообрядческих говоров Восточной Сибири и Забайкалья, среди которых особое место занимают заимствования из бурятского языка.

Под деривационным потенциалом мы имеем в виду способность слова к образованию других единиц. А. В. Дурнева, рассматривая деривационный потенциал непроемких прилагательных, утверждает: «словообразовательный потенциал непроемких прилагательных <...> рассматривается как мотивационный потенциал, проявляющийся в способности прилагательного мотивировать производные в словообразовательном гнезде на данном временном срезе» [4, 207].

Под словообразовательной активностью нами понимается существующий языковой факт реализации деривационного потенциала. Словообразовательная активность, по мнению В. Фляйшера, может употребляться по отношению к «словообразовательным единицам – основам, аффиксам и синкретичным элементам, характеризуя их способность участвовать в словообразовании в качестве производящих основ» [15, 122].

Способы словообразования существительных в бурятском и русском языках различны. Русский язык относится к группе флективных языков. В нем существует две основные группы способов словообразования: аффиксальный и безаффиксальный. Наиболее продуктивной является группа аффиксальных способов словообразования, включающая в себя суффиксацию, префиксацию, префиксально-суффиксальный способ, сложносуффиксальный способ и нулевую суффиксацию [5, 24]. Бурятский язык входит в группу агглютинативных языков, и основным способом словообразования в нем является суффиксальный.

Отличительной чертой бурятского словообразования, по сравнению с другими агглютинативными языками, является полифункциональность словообразовательных суффиксов. Полифункциональность суффиксов проявляется в том, что «имена существительные, образованные при помощи одного и того же суффикса, могут обозначать действующее лицо и пассивный предмет, реальный предмет и обобщённые отвлечённые

понятия» [9, 51]. Близость значения и функций некоторых суффиксов создаёт комбинации их сочетания. Например, слово *хаби-уур-га* образовано при помощи двух суффиксов: 1) *-уур* с основной функцией «выражение значения орудия действия» [9, 53]; 2) *-г*, образующего имена существительные со значением «орудие или предмет, при помощи которых совершается действие» [9, 53]. В таких комбинациях каждый последующий элемент уточняет значение предыдущего. Если слово *хабиуур* – это «всякий предмет, при помощи которого прищеляется другой» [9, 61], то *хабиуурга* уже имеет значения «тиски, пинцет» [9, 61].

Заемствования из бурятского языка в говорах старообрядцев подвергаются грамматической ассимиляции, и некоторые из них, включаясь в словообразовательную систему русского языка, образуют гнезда производных слов.

Наибольшей словообразовательной активностью обладают слова, связанные с животноводством, что подчёркивает важность этой сферы для старообрядцев (семейских), проживающих в Забайкалье.

Так, существительное *яман* «домашний козёл» [14, 537], являясь вершиной словообразовательного гнезда, отличается наибольшим количеством дериватов из изученных нами слов:

Яман

- 1) яман-ён-ок «детёныш домашней козы»,
- 2) яман-ий «относящийся к яману»,
- 3) яман-ин-а «шкура ямана»,
- 4) яман-ить-ся «рождать козлят»,
- 5) яман-их-а «то же, что и ямануха»,
- 6) яман-ка «то же, что и ямануха»,
- 7) яман-н-ый «то же, что и яманий»,
- 8) яман-ух-а «домашняя коза»,
- 9) ямаш-ок «то же, что и яманёнок»,
- 10) ямаш-онок «то же, что и яманёнок».

Существительное *гуран* «дикий козёл» [14, 110] образует 6 дериватов, *бурун* «телёнок по второму году» [14, 63] – 5 дериватов.

Большинство словообразовательно активных заимствований образует пары, состоящие из производящего заимствованного существительного и производного от него в русском языке глагола. К таким парам относится, например, слова *тала* – *талиться*. Существительное *тала* «друг, товарищ (обычно о бурятах)» [14, 466] представляет лексическое заимствование из бурятского языка (бур. *тала* «друг, приятель» [1, 528]), от которого образован глагол *талиться* «дружить с кем-л., быть кому-л. талой» [14, 466].

В эту же группу входят следующие пары слов:

1) *балур* (от бур. *балуур* с тем же значением [1, 115]) «приспособление для измельчения комков навоза и равномерного распределения его по полю – бревно, прицепляемое к трактору» [14, 31] – *балурить* «размельчать и равномерно распределять навоз по полю» [1, 31].

2) *бус* (от бур. *буусэ* «мельчайшая пыль, оседающая на мельнице» [1, 146]) «1. Мелкий дождь, изморозь, 2. Мелкая мучная пыль» [14, 64] – *бусить* «1. Моросить (о мелком дожде), 2. Сыпать мелкой мучной пылью» [14, 64].

3) *Архи* (от бур. *Архи* с тем же значением [1, 60]) «1. Молочная водка 2. Водка» [14, 26] – *архидачить* «пьянствовать вместе со знакомыми, соседями, переходя из одного дома в другой» [14, 26].

От всех проанализированных словообразовательно активных заимствований образуются дериваты по имеющимся в русском языке словообразовательным моделям, которые представлены в приведенной ниже таблице.

Словообразовательно активное заимствование	Дериваты	Словообразовательная модель
архи	архидачить	интерфикс -дач- +суф. -и- [10]
тарка	тарочка	суффикс -чк-
инзаган	1) инзаганчик 2) инзагашка	1) суф. -чик 2) суф. -аш- + суф. -к-
балур	балурить	суф. -и-
буган	буганчик	суф. -чик
бурун	1) бурунка 2) бурунчик 3) бурунщик 4) бурунщица 5) буруний	1) суф. -к- 2) суф. -чик 3) суф. -щик 4) суф. -щиц- 5) суф. -ий
бус	бусить	суф. -и-
гуран	1) гуранёнок 2) гуранина 3) гураниха 4) гуранка 5) гуранчик 6) гураний	1) суф. -ёнок- 2) суф. -ин- 3) суф. -их- 4) суф. -к- 5) суф. -чик 6) суф. -ий
курма	1) курмушка 2) курмушечка	1) суф. -ушк- 2) суф. -ушеч- + суф. -к-
куцан	куцашок	суф. -шок

отхон	отхончик	суф. -чик
тала	талиться	суф. -и- + постфикс -ся
яман	1) яманёнок 2) яманий 3) яманина 4) яманиха 5) яманка 6) яманный 7) ямануха 8) ямашок 9) ямашонок 10) яманиться	1) суф. -ёнк- 2) суф. -ий 3) суф. -ин- 4) суф. -их- 5) суф. -к- 6) суф. -н- 7) суф. -ух- 8) суф. -ок 9) суф. -онок 10) суф. -и- + постфикс -ся

Проведенный анализ показал, что в говоре старообрядцев наиболее распространенным способом словообразования для бурятских заимствований является суффиксальный. При образовании существительных наиболее частотными оказываются словообразовательные модели с использованием уменьшительно-ласкательных суффиксов -к- (6 случаев) и -чик (5 случаев). При образовании глаголов от заимствованных существительных наиболее активно используется словообразовательная модель с глагольным суффиксом -и- (4 случая), имеющая значение «действие, имеющие отношение к тому, что названо мотивирующим существительным» [8, 333]. Наиболее активной в области образования прилагательных является модель с суффиксом -ий со значением принадлежности.

Выводы. Итак, заимствования из бурятского языка в говорах старообрядцев (семейских) встраиваются в словообразовательную систему русского языка, реализуя свой деривационный потенциал. Этот процесс демонстрирует глубокое освоение русским региональным языком лексических заимствований из бурятского языка. При этом, встраиваясь в словообразовательную систему русского языка, бурятские заимствования подвергаются грамматической и морфонологической ассимиляции и образуют словообразовательные пары и словообразовательные гнезда по существующим словообразовательным моделям русского языка. Кроме того, словообразовательно активные заимствования входят в одну тематическую группу сельскохозяйственной сферы и на почве русского языка образуются множество синонимичных словообразовательных вариантов.

Список источников

1. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеозиатских языков. Москва; Новосибирск: Наука, 2000. 768 с.
2. Васильева С. В. Старообрядчество на окраинах России: вынужденная подвижность или миграционное перемещение // Вестник бурятского государственного университета. 2014. № 2. С. 11–17.
3. Даль В. И. О наречиях русского языка // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. Москва: Русский язык, 1981. С. 679–708.
4. Дурнева А. В. Деривационный потенциал непроемких прилагательных: на материале лексико-семантической парадигмы со значением «характеристика телосложения человека»: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2001. 207 с.
5. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Флинта: Наука, 2011. 32 с.
6. Копылова В. И. Стилистическая характеристика некоторых слов семейского говора, заимствованных из бурятского и других языков // Стилистика и лексикология бурятского языка. Улан-Удэ: [б. и.], 1972. С. 60–65.
7. Ольшанский И. Г. Лексикология: Современный немецкий язык: учеб. для студ. лингв. фак. высш. уч. заведений. Москва: Изд. центр «Академия», 2005. 416 с.
8. Русская грамматика: в 2-х т. / Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. Москва: Наука, 1980. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология [Н. С. Авилова, А. В. Бондаренко, Е. А. Брызгунова и др.]. Москва: Наука, 1980. 783 с.
9. Санжеев Г. Д., Бертагаев Т. А., Цыдендамбаев Ц. Б. Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. Москва: ИВЛ, 1962. 340 с.
10. Харанутова Д. Ш. Некоторые заметки по образованию регионализмов и их деривационной активности // Русский язык и литература в образовательном пространстве азиатского региона: материалы международной научно-практической конф. (Улан-Удэ, 13-14 окт. 2017 г.). Улан-Удэ: Бурятский государственный университет, 2017. С. 65–67.
11. Харташкина Р. Х. О взаимодействии русского и бурятского языков на уровне говоров // Социолингвистические исследования в Бурятии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1992. С. 121–130.

12. Элиасов Л. Е. Бурятские и эвенкийские заимствования в языке русского старожилого населения Забайкалья // Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1965. С. 96–103.

13. Эрдынеева Э. Д. Бурятские лексические заимствования в русских говорах южной части Бурятии // Традиционная система управления кочевых сообществ Южной Сибири. Улан-Удэ, 2008. С. 179–183.

14. Юмсунова Т. Б. Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. Новосибирск: Издательство СО РАН, Научно-издательский центр ОИГТМ, 1999 г. 560 с.

15. Юшкова Л. А. Словообразовательная активность глагольных единиц в современном немецком языке // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2015. № 4 (28). С. 121–128.

REFERENCES

1. Anikin A.E. *Jetimologicheskij slovar' russkih dialektov Sibiri: Zaimstvovanija iz ural'skih, altajskih i paleoziatskih jazykov.* Moscow; Novosibirsk: Nauka, 2000. 768 p. (In Russ.).

2. Vasil'eva S.V. *Staroobryadchestvo na okrainah Rossii: vynuždennaja podvizhnost' ili migracionnoe peremeshhenie.* // *Vestnik burjatskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2014. № 2. Pp. 11–17. (In Russ.).

3. Dal' V. I. *O narechijah russkogo jazyka* // *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka. Sovremennaja versija.* Moscow, 1981. (In Russ.).

4. Durneva A. V. *Derivacionnyj potencial neproizvodnyh prilagatel'nyh: na materiale leksiko-semanticheskoi paradigmy so znacheniem «harakteristika teloslozhenija cheloveka»:* dissertacija ... kandidata filologicheskikh nauk. Ekaterinburg, 2001. 207 p. (In Russ.).

5. Zemskaja E. A. *Sovremennyj russkij jazyk. Slovoobrazovanie: ucheb. posobie - 3-e izd. ,ispr. i dop.* Moscow: Flinta: Nauka, 2011. 32 p. (In Russ.).

6. Kopylova V. I. *Stilisticheskaja harakteristika nekotoryh slov semejskogo govora, zaimstvovannyh iz burjatskogo i drugih jazykov* // *Stilistika i leksikologija burjatskogo jazyka.* Ulan-Ude, 1972. Pp. 60–65. (In Russ.).

7. Ol'shanskij I. G., Guseva A. E. *Leksikologija: Sovremennyj nemeckij jazyk: ucheb. dlja stud. ligv. fak. vyssh. uch. zaved.* Moscow: Izd. centr «Akademija», 2005. 416 p. (In Russ.).

8. Russkaya grammatika: V 2-x t. / Redkol.: N. Yu. Shvedova (gl. red.) i dr.]. Moscow: Nauka, 1980-. T. 1. Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonaciya. Slovoobrazovanie. Morfologiya / [N. S. Avilova, A. V. Bondarenko, E. A. Bryzgunova i dr.]. Moscow: Nauka, 1980. 783 p. (In Russ.).
9. Sanzheev G. D., Bertagaev T. A., Cydendambaev C. B. Grammatika burjatskogo jazyka. Fonetika i morfologija. Moscow: IVL, 1962. 340 p. (In Russ.).
10. Haranutova D. Sh. Nekotorye zametki po obrazovaniju regionalizmov i ih derivacionnoj aktivnosti // Russkij jazyk i literatura v obrazovatel'nom prostranstve aziatskogo regiona: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konf. (Ulan-Udje, 13-14 okt. 2017 g.). Ulan-Ude, 2017g. Pp. 65-67. (In Russ.).
11. Hartashkina R. H. O vzaimodejstvii russkogo i burjatskogo jazykov na urovne govorov // Sociolingvisticheskie issledovanija v Burjatii. Ulan-Ude, 1992. Pp. 121–130. (In Russ.).
12. Jeliasov L. E. Burjatskie i jevenkijskie zaimstvovanija v jazyke russkogo starozhilogo naselenija Zabajkal'ja // Razvitie literaturnyh jazykov narodov Sibiri v sovetskiju jepohu. Ulan-Ude, 1965. Pp. 96–103. (In Russ.).
13. Jerdyneeva Je. D. Burjatskie leksicheskie zaimstvovanija v russkih govorah juzhnoj chasti Burjatii // Tradicionnaja sistema upravlenija kochevyh soobshhestv Juzhnoj Sibiri. Ulan-Ude, 2008. Pp. 179–183. (In Russ.).
14. Jumsunova T. B. Slovar' govcorov staroobrjadcev (semejskih) Zabajkal'ja. Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN. Nauchno-izdatel'skij centr OIGGM, 1999. 560 p. (In Russ.).
15. Jushkova L. A. Slovoobrazovatel'naja aktivnost' glagol'nyh edinic v sovremennom nemeckom jazyke // Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 2, Jazykoz. 2015. № 4 (28). Pp. 121–128. (In Russ.).

**WORD-FORMATION ACTIVITY OF THE BORROWINGS
FROM THE BURYAT LANGUAGE IN THE DIALECTS OF OLD
BELIEVERS (SEMEISKIE) OF TRANSBAIKALIA**

Ivan M. Stepanenko

Student, Novosibirsk State Technical University
(Novosibirsk, Russia)

Svetlana V. Rusanova

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the
Department of Philology, Novosibirsk State Technical University
(Novosibirsk, Russia)

Abstract

This article is dedicated to the study of word-formation activity of loanwords from the Buryat language in the dialects of the Transbaikalia region. The relevance of this research is determined by several factors. Firstly, the study of the functioning of the language and its implementation in different territories of the Russian Federation is valuable in itself, as it provides an understanding of how the language develops and functions when encountering national languages. Secondly, one of the current issues in Russian regional linguistics is the problem of how the Russian language deals with lexical borrowings from the national languages of the peoples of Russia. The object of this study is the derivational potential of nouns, borrowed from the Buryat language, in the speech of Old Believers. The goal of the work is to identify and describe the derivational activity of Buryat loanwords in the dialects of the Transbaikalia region, which determines the main research methods: comparative and contrastive analysis, description, and classification. The paper discusses the reasons for the emergence of loanwords from the Buryat language in the Russian language. The methods of word formation in the Russian and Buryat languages are compared. Words with the highest derivational activity are examined. The conclusion is made that they belong to the same thematic sphere. The most common word formation pairs in the studied dialects are those consisting of a loaned noun and its derived verb in the Russian language. Additionally, the word formation patterns used to form derivatives from borrowed words are analyzed. In conclusion, it is observed that derivationally active loanwords, when integrated into the Russian language system, undergo grammatical assimilation and form word formation pairs and nests based on existing word formation models.

Keywords: word-formation activity, Buryat language, derivational potential, borrowings, word-formation model, grammatical assimilation, Semey dialects

Для цитирования: Степаненко И. М., Русанова С. В. Словообразовательная активность заимствований из бурятского языка в говорах старообрядцев (семейских) Забайкалья // Libri Magistri. 2023. № 3 (25). С. 200–209.

Поступила в редакцию 30.05.2023

ББК 74.025.6
УДК 371.13

Э. А. Сухоносова¹
ORCID: 0009-0001-9938-3376
Новосибирский государственный
технический университет
Россия, Новосибирск, пр. Карла Маркса, 20
elyasuh@mail.ru

Е. М. Дубровская²
ORCID: 0000-0001-5239-8995
Новосибирский государственный
технический университет
Россия, Новосибирск, пр. Карла Маркса, 20
elenadubrowskaya@gmail.com

УЧЕТ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИГРОВОЙ МЕТОДИКИ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ КАК ИНОСТРАННОМУ

В статье изучается возможность обучения иностранных студентов начального уровня русскому языку с применением элементов игровой методики и с включением лингвострановедческих особенностей в процесс обучения. Основное внимание акцентируется на включении страноведения в разработку игр. Актуальность данной работы заключается в значительном повышении эффективности обучения при использовании игрового метода.

Целью статьи является описание возможных вариантов проведения игр с включением элементов лингвострановедения. Объектом работы является игровая методика в преподавании русского как иностранного. Предметом исследования данной работы являются лингвострановедческие особенности языка при обучении русскому как иностранному с применением игровой методики. При разработке игр и изучении возможностей лингвострановедения использовался метод педагогического моделирования, разработка осуществлялась

---

¹ Сухоносова Элина Андреевна, магистрант, Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Россия.

² Дубровская Елена Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Россия.

при помощи формирующего педагогического моделирования. Разработанные игры направлены на развитие языковой компетенции студентов уровня А2.

Включение лингвострановедческих элементов повысит эффективность обучения, позволит студентам в процессе игры больше узнавать о российской культуре, вследствие чего повысится мотивация к самостоятельному изучению русского языка. Рассмотрены основные стереотипы о России, которые в игровой форме опровергаются или подтверждаются. Новизна работы состоит в комплексном учете нескольких факторов при разработке занятий: дистанционного формата обучения, элементов игровой методики, лингвострановедческих особенностях в структуре занятий. Важным результатом статьи является предложенная структура одного дистанционного занятия. Результаты исследования являются достаточно значимыми для развития игровой методики и инновационного образования в целом, что, в свою очередь, влияет на качество преподавания русского как иностранного.

Ключевые слова: игровая методика, лингвострановедение, педагогическое моделирование, цифровизация обучения, русский как иностранный

1.1. Игровая методика с точки зрения педагогической технологии

По мнению П. М. Ершова, для качественной обработки информации, не преподаватель должен «выдавать» её, а обучающиеся должны её «добывать». К сожалению, как правило, традиционные методы в обучении языку направлены именно на выдачу информации, когда обучающиеся находятся в пассивной позиции и занимаются поглощением выдаваемого материала. Инновационные методики как раз отличаются тем, что студенты должны сами добывать необходимые знания, а преподаватель помогает им искать, и ищет при этом вместе с ними в позиции равного. Среди таких инновационных методик, способных пробудить неподдельный интерес к самостоятельному изучению языка, присутствует и исследуемый нами игровой элемент [9].

Игра как средство общения, обучения и накопления жизненного опыта является сложным социокультурным феноменом. Она обогащает речевые возможности учащихся, так как последние овладевают способом построения своего высказывания, подбирают необходимые языковые средства выражения мыслей и оформляют их в речь в соответствии с коммуникативным замыслом.

Игровые педагогические технологии включают достаточно обширную группу методов и приемов организации учебного процесса в форме различных педагогических игр. В отличие от игр вообще, педагогическая игра обладает существенным признаком – четко поставленной целью обучения и соответствующим ей педагогическим результатом, которые характеризуются учебно-познавательной направленностью.

Игровой методикой, или игровым обучением, называют форму учебного процесса в условных ситуациях, направленную на воссоздание и усвоение общественного опыта во всех его проявлениях: знаниях, навыках, умениях, эмоционально-оценочной деятельности [3].

Перейдем к некоторым определениям. Е. В. Дзюба и А. Э. Массалова уточняют и систематизируют термины *метод*, *технология*, *методика*. Под *методом* данные авторы понимают способ достижения цели при помощи совокупности правил, приемов, способов, норм познания и действия.

Технология, по мнению З. И. Комаровой, обладает «фиксированной совокупностью приемов практической деятельности, приводящей к заранее определенному результату». А. Г. Войтова называет *технологией* внешней формой методике, овладение которой позволят получать необходимый результат для всех. Т. е., любой, кто сможет освоить всю технологию, всегда сможет добиваться результата [7].

Таким образом, *методика* являет собой совокупность взаимообусловленных методов и технологий в условиях реального применения. С данной точки зрения, методика становится исключительно субъективным феноменом, который должен учитывать следующие факторы: специфику аудитории, реальные условия обучения, возможности и интересы самого преподавателя, индивидуальный подход.

1.2. Лингвострановедение в преподавании РКИ

Непременным условием современного преподавания русского языка как иностранного (РКИ) считается изучение языка при одновременном ознакомлении с национальной культурой. Взаимосвязь языка и культуры неоспорима и фундаментально обоснована еще в работах Е. И. Пассова. Необходимо четко осознавать, что никакой язык нельзя освоить без изучения культуры народа, его традиций, обрядов, верований и мифологии [16].

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров выдвинули следующее определение лингвострановедения: «лингвострановедение – это аспект

преподавания иностранного языка, в котором с целью обеспечения коммуникативности обучения и для решения общеобразовательных и гуманистических задач лингводидактически реализуется кумулятивная функция языка и проводится аккультурация адресата, причем методика преподавания имеет филологическую природу – ознакомление проводится через посредство иностранного языка в процессе его изучения» [7].

Россия – это многонациональное государство с богатой историей и культурой. Лингвострановедческие особенности России связаны с её языком, культурой и общественной жизнью. Ниже приведены основные культурные особенности:

1. Русский язык: Русский язык является государственным языком России и наиболее распространенным языком в стране. Он используется в официальных документах, в образовании, на работе и в повседневной жизни. Кроме того, в России также говорят на многих других языках, таких как татарский, башкирский, чеченский и другие.

2. Религия: Россия имеет богатую религиозную историю, связанную с православием, которое является наиболее распространенной религией в стране. В России также есть мусульмане, иудеи, буддисты и другие верующие.

3. Культура: Россия имеет богатую культурную историю, связанную с литературой, музыкой, театром, кино и другими искусствами. Русская литература, представленная произведениями Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и А. П. Чехова, известна во всем мире, также как и российская музыка, классическая музыка П. И. Чайковского и С. В. Рахманинова.

4. Общественная жизнь: Россия имеет свои уникальные общественные традиции, такие как баня, которая является не только местом для купания, но и социальным местом, где люди могут общаться и проводить время вместе. Кроме того, в России есть традиции, связанные с празднованием Нового года, Масленицы, Пасхи и других праздников.

5. География: Россия является крупнейшей страной в мире и имеет разнообразную географию, включая различные климатические зоны, такие как тундра, степь, лесостепь и тайга. Это может сказаться на культуре и образе жизни людей в разных регионах России.

1.3. Разработка занятия

Прежде чем приступить непосредственно к оформлению заданий, преподавателю, как составителю программы урока, необходимо убедиться, что он верно оценивает особенности своей группы.

Мы подбираем программу урока для группы с уровнем А2. В таком случае предполагаются следующие особенности:

1. Так как уровень является базовым, национальные особенности также нужно подбирать самые базовые, больше относящиеся к стереотипным.

2. На данном уровне студенты должны уметь: читать короткие тексты, понимать основную информацию и бытовые темы, поддерживать диалог и инициировать его, использовать грамматические навыки в соответствии с намерениями в наборе социально-бытовых ситуаций, объем лексического минимума составляет до 1300 единиц.

3. В данном контексте мы будем исходить из усредненной группы, где все студенты находятся примерно на одном уровне понимания.

4. Необходимо понимать, к какой национальности будет относиться условная группа. Данный параметр нужен скорее для исключений некоторых недопустимых заданий, мы же постараемся дать усредненную картину, не нагруженную другими национальными особенностями. Например, если в нашей целевой аудитории находятся бразильцы, то мы, как составители, могли бы составить задание с обсуждением русского и бразильского футбола. Перед нами же стоит задача отобразить культурные особенности именно России.

5. Необходимо понимать, в каком формате мы можем проводить игру. Для нас актуальны разработки как в очном, так и в дистанционном формате, соответственно, в исследовании приводятся обе формы заданий.

С учетом вышеперечисленных особенностей, мы решили построить занятие вокруг мультфильма, отображающего национальные особенности России. При использовании данного формата возможна отработка идиом, обсуждение русских мультфильмов и фольклора в игровой форме.

По нашему мнению, для интересного обсуждения подойдут некоторые серии из мультсериала «Гора самоцветов» Воронежской киностудии, в частности, серия под названием «Умная дочка». В данной серии изображена русская сказка, в которой можно увидеть типичные фигуры Хорошего Отца, Жадного Брата/Соседа, Умной

дочери, Царя, Народа. Помимо этого можно обсудить концепцию загадок, символизма числа «три», отношение русского народа к фигуре царя.

Таким образом, постепенно выстраивается концепция занятия: предтекстовые задания, включающие в себя подготовку к просмотру; текстовое задание непосредственно для просмотра, и игровые послетекстовые задания, включающие в себя обсуждение лингвострановедческих особенностей России. Данное занятие направлено в основном на развитие коммуникативной компетенции.

Занятие «Русские сказки»

Задание 1. Обсудим название урока. Ответьте на вопросы.

- Какие русские сказки вы знаете?

- Какие сказки есть в вашей стране? Какие там персонажи?

Задание 2. Обсудим русские идиомы. Что они означают?

Плох обед, коли хлеба нет; не учи ученого; утро вечера мудренее; кто рано встает, тому бог подает; от горшка два вершка.

Задание 3. Упражнение «Найди пару». Участникам предлагаются карточки: у одной группы на карточках представлены наименования различных достопримечательностей городов России; у другой группы – карточки городов. Задача участников – найти свою пару, соответствующий город и достопримечательность.

Задание 4. Название сегодняшнего видео «Умная дочка». О чем будет видео? Какие персонажи из русских сказок могут быть в видео?

Задание 5. Посмотрите видео и заполните таблицу. (После просмотра видео будет обсуждение основных фигур и архетипов)

Задание 6. Ответьте на вопросы.

- Что вы узнали о России в начале видео?

- Почему Царю кланялись?

- В каком городе был снят мультфильм? (о нем сказали в начале видео)

- Кто правильно ответил на загадки – Игнат или Отец? Почему?

Задание 7. Составьте большую схему на тему «Русские элементы и персонажи в мультфильме». Участники группы под кураторством преподавателя составляют схему и устанавливают связи между персонажами и элементами (Например, Царь-Батюшка, знает, хороший – Народ; Дочь – умная, добрый, любит – Отец и пр.). Помимо персонажей, преподаватель включает другие элементы, которые обсуждались ранее (Русская земля – кормит, большая, жадный, не знает землю – Игнат). В результате должно получиться подобие кластера, или визуальная схема, отражающая восприятие данных фигур русскими.

Задание 8. Упражнение «Отгадай персонажа». Персонажи из мультфильма распределяются между участниками группы, и каждый из участников рассказывает о своем персонаже, не называя его имени. Другие пытаются его отгадать.

При данной композиции занятия возможно совершенствование коммуникативно-познавательных умений, систематизация и углубление знаний об изучаемой стране, сопоставление полученной информации с феноменами иных лингвокультур, сравнение полученных сведений о России с фактами мировой культуры, науки и техники. Помимо русских сказок, данные занятия возможно проводить и на другие темы, которые мы изложили ранее.

Заключение

В заключении можно сказать, что применение методов страноведения и игровых техник при обучении русскому языку как иностранному является отличным способом сделать процесс изучения более интересным и эффективным. Такой подход позволяет студентам не только быстрее усваивать грамматические правила, но и более точно понимать русский язык и его национальную культуру.

Список источников

1. Абазова Л. М. Особенности презентации текстов лингвострановедческого характера на начальном этапе обучения РКИ. // Педагогика современность. 2013. № 4. С. 36–42.
2. Арутюнов А. Р. и др. Игровые задания на уроках русского языка. Москва: Русский язык, 1989. 311 с.
3. Арутюнов А. Р., Музруков Н. Б., Чеботарев П. Г. Игровые задания на уроках русского языка // Русский язык за рубежом. 1984. № 1. С. 53–61.
4. Бим И. Л. Методика обучения иностранным языкам как наука и теория школьного учебника. Москва: Русский язык, 1977. 288 с.
5. Бужинский В. В. Методика коммуникативного обучения иноязычной произносительной культуре на начальной ступени: дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.02. Москва, 1992. 187 с.
6. Бухбиндер В. А. О системе упражнений // Общая методика обучения иностранным языкам: хрестоматия / Сост. Леонтьев А. А. Москва: Русский язык, 1991. С. 92–98.
7. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 2-е изд. Москва: Русский язык, 1976. 248 с.

8. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. Москва, 1990. 246 с.

9. Виншалек А. К., Леонтьев А. А., Степанова Л. В. Научные основы принципа активной коммуникативности // Современное состояние и основные проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы. Прага: Русский язык, 1982. С. 72–80.

10. Витт Н. В. Эмоциональная регуляция речи: автореф. дис... докт. псих. наук: 19.00.01. Москва, 1988. 48 с.

11. Выготский Л. С. Психология развития человека. Москва: Смысл, Эксмо, 2003. 1136 с.

12. Вятютнев М. Н. Теория учебника русского языка как иностранного: (метод. основы). Москва: Русский язык, 1984. 144 с.

13. Гальперин П. Я. Методы, факты и теории в психологии формирования умственных действий и понятий // Материалы XVIII Международного психологического конгресса. Симпозиум 24. Психология формирования понятий и умственных действий. Москва, 1966. С. 38–58.

14. Казиева М. Ю. кызы. Реальное речевое общение как средство повышения результативности обучения иностранным языкам: дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.02. Баку, 1988. 217 с.

15. Капитонова Т. И., Шукин А. Н. Современные методы обучения русскому языку иностранцев. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Русский язык, 1987. 230 с.

16. Кирш Т. К., Крылова Н. Г., Мельникова Л. В. Русская речь интенсивно. Москва: Русский язык, 1988. 214 с.

17. Китайгородская Г. А. Методика интенсивного обучения иностранным языкам. Москва: Высшая школа, 1986. 101 с.

18. Мамонтов А. С. Сопоставительное лингвострановедение и обучение иностранным языкам // Язык и культура в филологическом вузе. Актуальные проблемы изучения и преподавания. Москва: Филоматис, 2006. С.155–163.

19. Михайленко Н. К вопросу о строении игр с правилами // Дошкольное воспитание. 1998. №1. С. 26–31.

REFERENCES

1. Abazova L. M. Features of the presentation of texts of a linguistic and cultural nature at the initial stage of teaching RCT. (RSCI) // Pedagogy of modernity. 2013. № 4. Pp. 36–42. (In Russ.).

2. Arutyunov A. R. et al. Russian Russian language lessons Game tasks. Moscow: Russian language, 1989. 311 p. (In Russ.).

Э. А. Сухоносова, Е. М. Дубровская

3. Arutyunov A. R., Muzrukov N. B., Chebotarev P. G. Game tasks in Russian language lessons // Russian Russian abroad. 1984. №1. Pp. 53–61. (In Russ.).

4. Bim I. L. Methodology of teaching foreign languages as science and theory of a school textbook. Moscow: Russian language, 1977. (In Russ.).

3. Arutyunov A. R., Muzrukov N. B., Chebotarev P. G. Game tasks at the lessons of the Russian language. 1984. № 1. Pp. 53–61. (In Russ.).

4. Bim I. L. Methodology of teaching foreign languages as science and theory of a school textbook. 288 p. (In Russ.).

5. Buzhinsky V. V. Methods of communicative teaching of foreign language pronunciation culture at the initial stage. Dis.k.p.n., Lipetsk, 1992. 187 p. (In Russ.).

6. Buchbinder V. A. About the system of exercises // General methodology of teaching foreign languages: A textbook / Comp. Leontiev A. A. Moscow: Russian language, 1991. Pp. 92–98. (In Russ.).

7. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. Language and culture. Linguistics in teaching Russian as a foreign language. 2nd ed. Moscow: Russian language, 1976. 248 p. (In Russ.).

8. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. Language and culture: Linguistics in teaching Russian as a foreign language. 4th ed., transl. And dop. M., 1990. 246 p. (In Russ.).

9. Vinshalek A. K., Leontiev A. A., Stepanova L. V. Scientific foundations of the principle of active communication // Modern state and main problems of studying and teaching Russian language and literature. Moscow, 1982. 103 p.

10. Witt N. V. Emotional regulation of speech. Autoref. dis. D. P. N. Moscow, 1988. 48 p. (In Russ.).

11. Vygotsky L. S. Psychology of human development. Moscow: Sense, Eksmo, 2003. 1136 p. (In Russ.).

12. Vyatyutnev M. N. Theory of the textbook of the Russian language as a foreign language: (Methodological foundations). Moscow: Russian language, 1984. 144 p. (In Russ.).

13. Galperin P. Ya. Methods, facts and theories in the psychology of the formation of mental actions and concepts // Psychology of the formation of concepts and mental actions: XV111 International Psychological Congress. Symposium 24. Moscow, 1966. Pp. 38–47. (In Russ.).

14. Kazieva M. Yu. kyzy Real speech communication as a means of improving the effectiveness of teaching foreign languages. Dissertation. Ph.D. Baku, 1988. 179 p. (In Russ.).

15. Kapitonova T. I., Shchukin A. N. Modern methods of teaching the Russian language to foreigners. 2nd ed., reprint. and additional. Moscow: Russian language, 1987. 230 p. (In Russ.).

16. Kirsh T. K., Krylova N. G., Melnikova L. V. Russian speech intensely. Moscow: Russian language, 1988. 214 p. (In Russ.).

17. Kitaygorodskaya G.A. Methods of intensive teaching of foreign languages. Moscow: Higher School, 1986. 101 p. (In Russ.).

18. Mamontov A.S. Comparative linguistics and teaching foreign languages // Language and culture in a philological university. Actual problems of studying and teaching. Moscow, 2006. Pp. 155–163. (In Russ.).

19. Mikhailenko N. On the question of the structure of games with rules // Preschool education. 1998. № 1. P. 26–31. (In Russ.).

**TAKING INTO ACCOUNT LINGUISTIC AND CULTURAL
PECULIARITIES WHEN USING GAME TECHNIQUES
IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE**

Elina A. Sukhonosova

Novosibirsk State Technical University

(Novosibirsk, Russia)

Elena M. Dubrovskaya

Scientific Supervisor, Candidate of Philological Sciences, Associate
Professor of the Department of Philology, Novosibirsk State Technical
University (Novosibirsk, Russia)

Abstract

The article examines the possibility of teaching elementary level Russian to foreign students using elements of game methodology and the inclusion of linguo-country study features in the learning process. The main emphasis is placed on the inclusion of country studies in the development of games. The relevance of this article lies in the novelty of the research and a significant increase in the effectiveness of learning when using the game method.

The aim of the article is to describe possible variants of games with the inclusion of elements of linguo-country studies. The object of the article is the game method in teaching Russian as a foreign language. The subject of the article is linguo-country study peculiarities of the language when teaching Russian as a foreign language with the help of game methods. The method of pedagogical modeling was used in the development of the games and the study of the possibilities of linguo-country studies, the development was carried out with the help of formative pedagogical modeling. The developed games are aimed at the development of linguistic competence of A2 level students.

Э. А. Сухоносова, Е. М. Дубровская

The inclusion of linguo-country study elements will increase the efficiency of learning, allow students to learn more about Russian culture during the game, as a result their motivation for independent study of the Russian language will increase. The main stereotypes about Russia are discussed, stereotypes are refuted or confirmed in the form of a game. The novelty of the work lies in the complex consideration of several factors in the development of lessons: a distance learning format, elements of game methodology, linguo-country study features in the structure of lessons. The result of the article is the proposed structure of a distant lesson. The results of the research are quite significant for the development of game methodology and innovative education in general, which in turn affects the quality of teaching Russian as a foreign language.

Keywords: game technique, linguo-country studies, pedagogical modeling, digitalization of education, Russian as a foreign language

Для цитирования: Сухоносова Э. А., Дубровская Е. М. Учет лингвострановедческих особенностей при использовании игровой методики в обучении русскому как иностранному // Libri Magistri. 2023. № 3 (25). С. 210–220.

Поступила в редакцию 04.06.2023

ББК 81.055, 81.003
УДК 81'22, 81'42

Л. Н. Чурилина¹

ORCID: 0000-0002-2898-8538

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
lchurilina@gmail.com*

В. А. Мурзина²

ORCID: 0009-0009-6976-7772

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
murzinaveronika1@gmail.com*

ЭТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННОЙ РОК-ПОЭЗИИ

Содержание статьи составляют результаты реконструкции этических концептов «Боль» и «Любовь» как фрагментов индивидуальной картины мира. Лингвистическим материалом для реконструкции послужили написанные на русском языке песенные тексты рок-группы «Нервы». Феномен русского рока заключается в его исповедальном характере, к концу XX – началу XXI века рок-поэзия в России становится площадкой для выражения уникальной картины мира, представляющей систему этических, эстетических и философских концептов, что делает рок-поэзию объектом когнитивно-дискурсивной лингвистики. Предмет исследования составляет совокупность слов и сверхсловных единиц, функционально связанных с экспликацией в текстах личностных концептов. Универсальность избранных для реконструкции концептов дает авторам статьи возможность обнаружить в ходе анализа уникальность концептуальных структур. К специфическим характеристикам

---

¹ Чурилина Любовь Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

² Мурзина Вероника Александровна, магистрант, кафедра русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

реконструируемых концептов авторы относят их амбивалентность, с одной стороны, и неразрывное единство – с другой. Выявленный в ходе реконструкции двухполюсный концепт «Боль – Любовь» вполне предсказуемо соотносится в индивидуальной картине мира с аналогичным по структуре концептом «Жизнь – Смерть». Анализ лексической структуры песенных текстов позволил выявить уникальный набор средств экспликации концептуальных структур: в поисках небанальных средств самовыражения авторы текстов формируют на традиционной основе новые образы, упаковывая их в метафорические модели, детерминированные национальной культурой, но отличающиеся оригинальностью.

Ключевые слова: личностная картина мира, лингвистика текста, концептуальный анализ, вербализация, метафорические модели

Введение. Рок-поэзия как новый песенный жанр на территории тогда ещё СССР начал формироваться в 70-е годы прошлого столетия. Русский рок начинался как жанр протестный и контркультурный. При этом он принципиально отличался от западного аналога: если европейский рок изначально был ориентирован на музыку, а не на тексты, то русский явился наследником авторской песни, основу которой всегда составлял текст. К концу XX века рок-поэзия становится площадкой для выражения уникальной картины мира, представляющей совокупность, систему весьма личностных в каждом конкретном случае этических, эстетических и философских убеждений. Уникальность и самобытность транслируемой рок-поэзией жизненной позиции не утратила своей ценности и сегодня, несмотря на, казалось бы, массовое увлечение поп-музыкой. В отличие от так называемой *популярной* песни *рок* всегда обращён к важным социальным проблемам, любой рок-текст – попытка самовыражения, соединённая с поиском своего слушателя, единомышленника, собеседника [4; 5; 6]. «Именно эта непосредственная связь между музыкантами и зрителями рождает сильнейшую социокультурную установку рок-музыки, её форму общения, основанную на демократизме, доступности, массовости» [5, 71]. Избранная коммуникативная установка определяет доминирование в современной рок-поэзии не столько протестных настроений, сколько мировоззренческих установок, всякий раз уникальной философии бытия.

Проводимые исследования [2; 6; 8; 12; 15] позволяют констатировать, что для философско-ориентированной русскоязычной рок-поэзии базовыми являются этические концепты, объединяемые универсальными понятиями *Добро* и *Зло*, *Я* и *Другой*, *Свои* и *Чужие*,

Жизнь и Смерть, Любовь и Ненависть. Эти фрагменты индивидуальной картины мира при всей своей уникальности детерминированы культурой, что делает возможной их реконструкцию. Уникальность индивидуального концепта проявляется на фоне сопоставления с универсальной моделью концепта.

Реконструкции этических концептов на основе анализа текстов современной рок-поэзии посвящено наше исследование.

Основная часть. 1. Материалом для реконструкции личностных концептов «Любовь» и «Боль» послужили 54 музыкальные композиции [10], написанные Евгением Мильковским – солистом рок-группы «Нервы», основанной в 2010 году в Киеве. Несмотря на то, что эта группа «территориально» считается украинской, она занимает заметное место в российской рок-культуре: значительная часть исполняемых текстов написана на русском языке, что обеспечивает популярность группы среди русскоязычной аудитории.

Отобранные тексты объединены общей темой – «любовь между мужчиной и женщиной». Ключевыми в структуре текстов оказываются две лексемы – *любовь* и *боль*. Каждая из выделенных лексем формирует в текстах тематическую группу, которую мы рассматриваем в качестве экспликаторов соответствующего концепта.

2. Остановимся на основных результатах анализа более подробно.

«Боль», как и «Любовь», справедливо отнести к семантическим универсалиям, т. е. интуитивно понятным концептам. Боль – это физическое негативное ощущение / состояние, которое может испытывать любое живое существо, при этом человека отличает ещё и способность испытывать боль на психоэмоциональном уровне; предлагаемая толковыми словарями русского языка дефиниция лексемы *боль* учитывает оба возможных варианта негативного состояния («ощущение страдания, физического и душевного»).

Ядро группы репрезентантов концепта «Боль» составляют лексемы с корневой морфемой *-бол'-*; частота встречаемости таких лексем в рассмотренных текстах весьма высокая – 50 употреблений.

Из совокупности вовлечённого в анализ материала нами было отобрано 16 песенных текстов («Боль осталась», «Так как раньше», «Привет, лови!» и др.), в которых концепт «Боль» реализуется в полной мере: наиболее востребованной из лексем-репрезентантов концепта оказывается признаковое слово *болно* (19 включений), ср.: *болит* (3), *болезнь* (единичное употребление). При этом «боль» опредмечивается, т. е. перестаёт быть характеризующим состояние субъекта признаком, но обретает статус автономного существования:

«*Лови мою боль по любви*» («Привет, лови!», 2017)¹, «*Боль осталась в тебе, боль осталась во мне*» («Боль осталась», 2019), «*Ты смотришь на неё через боль*» («Так как раньше», 2021). Немаловажно, что приведённые фрагменты многократно повторяются в процессе музыкального исполнения текста, т. е. являются рефреном, на котором акцентируется внимание слушателя.

К числу экспликаторов концепта «Боль» относятся также лексемы *рана* и *шрамы*: рана является источником физического страдания, а шрам остаётся на месте раны как болезненное напоминание о пережитом. Так, в тексте «Самый дорогой человек» лексема *рана* использована 15 раз (!). Лирический герой и его возлюбленная отождествляются с раной («*Я рана! Ты рана!*»), нанесённой любовью или её уходом (*Пропадает в миллионах навек, когда-то / Самый дорогой человек, правда – / Слишком глубокая рана*).

В рассматриваемых контекстах к экспликаторам концепта «Боль» правомерно отнести однокоренные глаголы и их производные, актуализирующие семантический компонент ‘удар’: *биться*, *бей*, *разбитым*: «*Бей, бей, бей мое сердце, / Оно и разбитым может биться*» («Бей моё сердце», 2012); «*Снова падать с высоты, биться головой об стену*» («Нервы», 2020). Физическая и душевная (*сердечная*) боль трансформируются, перетекают одна в другую, что практически лишает лирического героя возможности различать их.

В зону концепта «Боль» опосредованно включены и лексемы с процессуальным значением, прямо или косвенно актуализирующие семы ‘разрушение’ и ‘смерть’: *растерян*, *разорван*, *яд*, *сгорит*, *перечеркну*, *обожгусь*, *заразили (друг друга)*, *дай умереть*, *не убивай меня*, *падать*, а также сверхсловные единицы *черная дыра*, *сгорит огнём* и др. Боль, которую причиняет любовь, отождествляется лирическим героем с болью от ожога: «*Я полюблю и снова обожгусь*» («Боль осталась», 2019).

Анализ лексического состава и структуры отобранных текстов показал, что в ближайшем контекстном окружении лексем, актуализирующих сему ‘боль’, частотно оказываются репрезентанты концепта «Любовь». Нельзя не отметить, что в анализируемых текстах данный концепт выражается и прямо, и, в значительном числе случаев, опосредованно – за счёт языковых средств, означающих действия, эмоции, желания героя, испытывающего чувство любви: *не забуду*, «*целую, целую*», «*нашёл любовь*», *чувствую*, *не боюсь*, «*прячу свой страх*», «*не хватает уверенности*» и др.

---

¹ Здесь и далее цитирование по источнику [10].

Лексемы с корневой морфемой *-люб-* относятся к числу наиболее частотных в рассмотренных текстах (63 употребления), что свидетельствует об их концептуальной значимости; в эту группу вошли *любовь, любить, полюбить, влюблён*. При этом само психоэмоциональное состояния оценивается лирическим героем как преимущественно отрицательное, любовь – основной источник боли и страдания; ср.: *«Я вдыхаю этот яд вместе с воздухом», «Я чувствую себя разбитым и грязным»* («Вороны», 2012), *«Это не больно, это не как любить тебя, мой враг»* («Будь осторожен», 2019), *«Камень на сердце за тобою / Тянет тебя на дно с любовью»* («Камень», 2021), *«И я умираю за любовь / И я умираю от любви»* («Потери», 2021). В тексте песни «Батарей» (2012) отмечен сложный метафорический образ, связывающий идиому *ходить по лезвию ножа / бритвы* и *небо* как символ высшего блаженства (*на седьмом небе*): *«Мы с тобой поднимаемся по лезвию в небо»*. Чувства, которые испытывает лирический герой к своей возлюбленной, сравниваются им с болезнью – бешенством: *«И не хочется сдержанным быть, и обыкновенным, / Когда ты это бешенство, запускаешь по венам»*. Ассоциативно тождественный образ отмечен и в других текстах: *«Мы заразили друг друга бешенством»* («Боль осталась», 2019).

Концепт «Боль» в анализируемой индивидуальной картине мира обнаруживает тенденцию к трансформации в концепт «Смерть». Лирического героя охватывают суицидальные мысли:

Мои руки связаны моими же руками.

Стоя на краю, я вспоминаю о маме.

Думаю, я бы ее огорчил,

Если бы покинул этот мир, у нее не спросив («Вороны», 2012).

Однако такой исход на каком-то временном этапе исключается:

Но, воля в кулаке, воля в кулаке, воля в кулаке.

Верись, я не сдамся этой тоске! («Вороны», 2012).

Потеря возлюбленной также вызывает мысли о смерти: *«Прошу вернись или дай умереть мне»; «Ты не простишь мои грехи / Я сдохну с ними, ну так что ж»* («Слишком влюблен», 2012).

Уход любимой в сознании лирического героя сопоставим с убийством. Однако здесь скорее имеется в виду не физическое, но моральное уничтожение:

Давай, иди, чего ты ждёшь?

Я не хочу, чтоб ты смотрела

На то, как ты меня убьёшь («Слишком влюблен», 2012).

При этом концепт «Любовь» оказывается амбивалентным, поскольку трансформируется и в концепт «Жизнь»: *Но я живу, пока держу твою ладонь в своей руке / И трещины на потолке напоминают мне о том, что без тебя я был никем* («Слишком влюблен», 2012).

Реконструкция концептуальных структур предполагает обращение одновременно к четырём взаимно соотнесённым феноменам: боль – любовь – смерть – жизнь.

3. Два концепта «Боль» и «Любовь» оказываются в анализируемых текстах связанными неразрывно, справедливо говорить об их единстве, т. е. о концепте «Боль – Любовь». Любовь для лирического героя – *«болезнь, от которой нет лекарства»*, она заразна – *вирус «Я слишком влюблен / Ты в каждой моей мысли, ты – вирус»* («Слишком влюблен», 2012). Любовь – болезнь смертельная, средством её означивания в тексте оказывается метафора *«волиебный яд: «Тогда одолжи и мне этого волиебного яда»* («Боль осталась», 2019).

Готовность и способность субъекта наслаждаться этим амбивалентным чувством находит прямую экспликацию в текстах: *«наслаждаться этой болью»* («Нервы», 2020). В цитируемом тексте реализуется ещё одна метафорическая модель, соединённая с оксюмороном (*сладкая соль*): *«Я люблю тебя любить, мазать раны сладкой солью»*. Общеизвестно, что соль разъедает рану, делая боль ещё более невыносимой, тем более противоречивым оказывается чувство-состояние, называемое – ассоциируемое в тексте с любовью.

Текстовый концепт «Боль – Любовь» лишён созидающего потенциала, он разрушителен для личности, но в этом разрушении заключается цель существования. Однако отмеченным внутренним противоречием не исчерпывается уникальность рассматриваемого концепта. На смену любви-боли приходит счастье, воплощением которого является покой: *«Я не хочу курить после любви, / Я хочу наслаждаться тобой. / И ничего тебе не надо говорить, / Ты без слов прогнала мою боль»*; и рефрен – *«Счастье моё – быть с тобой вдвоём; / Счастье моё – возвращаться домой. / Когда вокруг бесконечный бой – / В моём сердце мир, в моём сердце покой!»* («Счастье», 2022).

Таким образом, «Любовь» в реконструируемой на основе текстов картине мира неожиданно обретает статус антипода «Счастья».

Заключение

Выявленный в ходе реконструкции индивидуальных этических концептов факт их взаимной соотнесённости вполне предсказуем:

амбивалентность любви отмечалась многими исследователями [1; 3; 13; 14]. Интерес представляют избираемые авторами рок-поэзии способы экспликации знаниевых структур. В поиске небанальных средств самовыражения авторы текстов формируют на традиционной основе новые образы, упаковывая их в метафорические модели, описание которых представляет самостоятельную исследовательскую задачу.

Список источников

1. Бекишева Е. В., Барбашева С. С. Репрезентация концептуального пространства «боль» в общеупотребительном языке и в медицинской терминологии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2022. № 9 (172). С. 114–118.
2. Вологина О. В. Гуманистические ориентиры русского рока // Система ценностей современного общества. 2010. № 14. С. 363–367.
3. Дербенёва О. Д. Репрезентация духовного концепта «любовь» в современном песенном тексте // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 29 (320). Вып. 83. С. 51–54.
4. Деревскова Е. Н., Чурилина Л. Н. Концепт «Эго» как доминанта современного рок-дискурса: языковая репрезентация // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 3 (96). С. 26–38.
5. Корсакова И. А. Рок-музыка в контексте коммуникации // Система ценностей современного человека. 2011. № 20. С. 71–75.
6. Лексина А. В. Ценности русского рока // Русская рок-поэзия: текст и контекст. 2008. № 10. С. 109–114.
7. Мурзина В. А. Рок-искусство как источник крылатых выражений современного русского языка // Мировые научные исследования современности: возможности и перспективы развития: материалы XVI Международной научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 31 марта 2022 г.). в 2-х ч. Ч. 2. Ставрополь: Изд-во «Параграф», 2022. С. 84–87.
8. Мякотин Е. В. Рок-музыка. Опыт структурно-антропологического подхода: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.02. Саратов, 2006. 24 с.
9. Пашкова Е. А. Реализация концепта «ЛЮБОВЬ» в текстах рок-композиций // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 3. С. 143–146.

10. Сборник текстов песен группы «Нервы» // Text-Lyrics. URL: <https://text-lyrics.ru/n1/nerve/> (дата обращения: 10.04.2023).
11. Тихомирова Е. Е., Колечкова О. И. Этические концепты культуры как основа воспитания // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2011. № 3. С. 54–61.
12. Чебыкина Е. Е. Русская рок-поэзия: прагматический, концептуальный и формо-содержательный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Екатеринбург, 2007. 23 с.
13. Чурилина Л. Н. Концепт «Любовь» в русской наивно-языковой картине мира (на материале ассоциативного тезауруса) // Филология и культура: Материалы III-й Международной научной конференции. Ч. 2. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т им. Г.Р. Державина, 2001. С. 145–148.
14. Чурилина Л. Н. Концепт «Любовь» в индивидуальной картине мира: текстоцентрический аспект // Традиции в контексте русской культуры. Межвуз. Сб. Научных работ. Вып. VIII. Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 2001. С. 118–124.
15. Шинкаренкова М. Б. Метафизическое моделирование художественного мира в дискурсе русской рок-поэзии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2005. 24 с.

REFERENCES

1. Bekisheva E. V., Barbasheva S. S. Repräsentacija konceptual'nogo prostranstva «bol'» v obshheupotrebitel'nom jazyke i v medicinskoj terminologii // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. 2022. № 9 (172). Pp. 114–118. (In Russ.).
2. Vologina O. V. Gumanističeskie orientiry russkogo roka // Sistema cennostej sovremennogo obshhestva. 2010. № 14. Pp. 363–367. (In Russ.).
3. Derbenjova O. D. Repräsentacija duhovnogo koncepta «ljubov'» v sovremennom pesennom tekste // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 29 (320). Vyp. 83. Pp. 51–54. (In Russ.).
4. Derevskova E. N., Churilina L. N. Koncept «Jego» kak dominanta sovremennogo rok-diskursa: jazykovaja repräsentacija // Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 3 (96). Pp. 26–38. (In Russ.).
5. Korsakova I. A. Rok-muzyka v kontekste kommunikacii // Sistema cennostej sovremennogo čeloveka. 2011. № 20. Pp. 71–75. (In Russ.).
6. Leksina A. V. Cennosti russkogo roka // Russkaja rok-pojezija: tekst i kontekst. 2008. № 10. Pp. 109–114. (In Russ.).
7. Murzina V. A. Rok-iskusstvo kak istočnik krylatyh vyraženij sovremennogo russkogo jazyka // Mirovye nauchnye issledovanija

sovremenosti: vozmozhnosti i perspektivy razvitiya: materialy XVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Rostov-na-Donu, 31 marta 2022 g.). v 2-h ch. Ch. 2. Stavropol': Izd-vo «Paragraf», 2022. Pp. 84–87. (In Russ.).

8. Mjakotin E. V. Rok-muzyka. Opyt strukturno-antropologicheskogo podhoda: avtoref. dis. ... kand. iskusstvovedeniya: 17.00.02. Saratov, 2006. 24 p. (In Russ.).

9. Pashkova E. A. Realizacija koncepta «LJUBOV» v tekstah rok-kompozicij // Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologija. 2018. T. 24. № 3. Pp. 143–146. (In Russ.).

10. Sbornik tekstov pesen gruppy «Nervy» // Text-Lyrics URL: <https://text-lyrics.ru/n1/nerve/> (data obrashheniya: 10.04.2023). (In Russ.).

11. Tihomirova E. E., Kolechkova O. I. Jetcheskie koncepty kul'tury kak osnova vospitaniya // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2011. № 3. Pp. 54–61. (In Russ.).

12. Chebykina E. E. Russkaja rok-poezija: pragmaticheskij, konceptual'nyj i formo-soderzhatel'nyj aspekty: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.01. Ekaterinburg, 2007. 23 p. (In Russ.).

13. Churilina L. N. Koncept «Ljubov'» v russkoj naivno-jazykovoj kartine mira (na materiale associativnogo tezaurusy) // Filologija i kul'tura: Materialy III-j Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Ch. 2. Tambov: Tambovskij gos. un-t im. G.R. Derzhavina, 2001. Pp. 145–148. (In Russ.).

14. Churilina L. N. Koncept «Ljubov'» v individual'noj kartine mira: tekstocentricheskij aspekt // Tradicii v kontekste russkoj kul'tury. Mezhvuz. Sb. Nauchnyh rabot. Vyp. VIII. – Cherepovec: Cherepoveckij gos. un-t, 2001. Pp. 118–124. (In Russ.).

15. Shinkarenkova M. B. Metafizicheskoe modelirovanie hudozhestvennogo mira v diskurse russkoj rok-poezii: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Ekaterinburg, 2005. 24 p. (In Russ.).

ETHICAL CONCEPTS IN THE TEXTS OF MODERN ROCK POETRY

Lyubov N. Churilina

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department
of the Russian Language, General Linguistics and Mass Communication,
Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

Veronika A. Murzina

Master's Student, Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The content of the article consists of the results of the reconstruction of the ethical concepts of "Pain" and "Love" as fragments of an individual picture of the world. The linguistic material for the reconstruction was the lyrics of the rock band "Nerves" written in Russian. The phenomenon of Russian rock lies in its confessional nature, by the end of the 20th – beginning of the 21st century, rock poetry in Russia becomes a platform for expressing a unique picture of the world, representing a system of ethical, aesthetic and philosophical concepts, which makes rock poetry an object of cognitive-discursive linguistics. The subject of the study is a set of words and word combinations that are functionally related to the explication of personal concepts in the texts. The universality of the concepts chosen for reconstruction gives the authors of the article an opportunity to reveal the uniqueness of conceptual structures in the course of analysis. The authors refer ambivalence, on the one hand, and inseparable unity, on the other, to the specific characteristics of the reconstructed concepts. The bipolar concept of "Pain – Love" revealed during the reconstruction, quite predictably, correlates with the concept of "Life – Death", which has a similar structure, in the individual picture of the world. The analysis of the lexical structure of the lyrics revealed a unique set of means of explication of conceptual structures: in search of non-banal means of self-expression, the authors of the texts create new images on a traditional basis, packaging them into metaphorical models determined by national culture. These models display originality.

Keywords: personal worldview, text linguistics, conceptual analysis, verbalization, metaphorical models

Для цитирования: Чурилина Л. Н., Мурзина В. А. Этические концепты в текстах современной рок-поэзии // Libri Magistri. 2023. № 3 (25). С. 221–230.

Поступила в редакцию 16.06.2023

ББК 81.411.2-5
УДК 81-42, 81-38

Л. Н. Чурилина¹

ORCID: 0000-0002-2898-8538

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
lchurilina@gmail.com*

А. И. Стрелкова²

ORCID: 0009-0008-6034-1831

*Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
strelkova2607@gmail.com*

ПРИНЦИП КАЛАМБУРА В ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

В статье представлены результаты исследования одного из востребованных в современной дискурсивной практике вариантов речевого поведения – языковой игры. Концепт «языковая игра» в представлении авторов является вторичным, образованным на основе культурологического концепта «игра». Вторичный концепт сохраняет в качестве смысловой доминанты представление о «правилах» / «нормах», значительно трансформируя его в рамках новой структуры: предполагаемое в первичном концепте «следование правилу», заменяется на противоположное «отступление от правила».

Материалом исследования послужили отобранные методом направленного поиска в сети Интернет тексты, построенные на основе принципа каламбура. Традиционно каламбур квалифицируется как стилистический приём, однако его активное использование в дискурсах разного типа позволяет говорить о каламбуре как принципе организации текстового пространства. Специфические признаки принципа каламбура (семантическая многослойность

---

¹ Чурилина Любовь Николаевна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

² Стрелкова Анастасия Игоревна, студентка, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

в сочетании с минимизацией формы) роднят его с паремиями. При этом, в отличие от паремий, каламбур – это не «упакованная мудрость народа», но авторский продукт, основанный на игровом принципе, т. е. на нарушении норм языка.

Предложенная в статье классификация текстов-каламбуров построена на соотнесении с правилом, отступление от которого позволило автору продуцировать творческий продукт. Наиболее частотными в современной речевой практике оказываются нарушения правил семантического согласования; семантическая глубина текста предопределяется возможностью двойного толкования полисеманта. Вторую классификационную группу составили тексты, включающие сверхсловные устойчивые обороты; их семантическая неоднозначность основывается на возможности буквального прочтения сверхсловных единиц. Наименее востребованы игра с созвучными словами и аллюзии.

Отмечается, что тексты-каламбуры перестают быть прерогативой юмористического контента, но завоёвывают новые коммуникативные площадки.

Ключевые слова: коммуникация, дискурс, речевое поведение, концепт, языковая игра, каламбур, текст, семантическая глубина, интерпретация

Введение

«Игра на гранях языка» (формула Б. Ю. Нормана [13]) как коммуникативная стратегия в последние десятилетия обнаруживает тенденцию к переходу из разряда уникальных явлений в продукт «массового производства». Не последнюю роль в активизации этого процесса, думается, играет интернет, становящийся площадкой свободного словесного творчества для любого носителя языка.

Активизация игрового начала в вербальной коммуникации мотивирует научное сообщество к исследованию самого процесса, в результате в фокусе внимания оказываются различные аспекты языковой игры: лингвофилософский – «игра как форма жизни» [5], [11], культурологический – «игра как компонент культуры» [2], [12], [15], филологический и, уже, стилистический – «игра как художественный приём» [4], [9], [14], коммуникативный [6], [7], [10].

Особый интерес для нашего исследования представляет интерпретационный потенциал текста, под которым понимаем смысловую многомерность рождаемого в процессе игры с языком

«продукта». Объектом исследования является каламбур как одна из форм языковой игры, разворачивающаяся в процессе реализации в текст.

1. Концепт «Языковая игра»: от философии к лингвистике.

Вопрос о «жизни с языком» как игре становится актуальным в гуманитарной науке в середине XX века, и не в последнюю очередь благодаря популярности вышедшей в 1938 году книги Йохана Хейзинги «Homo Ludens». В границах предложенной концепции *игра* определялась достаточно широко – как «добровольное поведение или занятие, которое происходит внутри некоторых установленных границ места и времени согласно добровольно взятым на себя, но безусловно обязательным правилам, с целью, заключающейся в нём самом; сопровождаемое чувствами напряжения и радости, а также ощущением “инобытия” в сравнении с “обыденной жизнью»» [16, 25]. Стержневым в формировании культурологического концепта «игра» становится представление о правилах и ограничениях. И эта смысловая доминанта сохраняет свою значимость в производных (вторичных) концептах, одним из которых является «языковая игра».

В философских штудиях Людвиг Витгенштейна концепт «языковая игра» строится на представлении о языке как системе конвенциональных, т. е. социально одобренных, правил, которыми субъект овладевает подсознательно, но затем может использовать и использует намеренно, соотнося, координируя «игру с языком» с целями коммуникации [1, 75–319]. «Языковые игры» в концепции Витгенштейна имеют статус функциональных единиц речевого поведения, формируемых на основе опыта коммуникативного взаимодействия, или интересубъективного опыта. Овладение «набором» функциональных единиц становится условием понимания: «Успех понимания в диалоге определяется тем, в какой степени каждый его участник овладел правилами языковой игры» [11, 162].

О важности «правил» в языковой коммуникации говорит и создатель генеративной грамматики Ноам Хомский. Однако его понимание «языковой игры» построено на убеждении в безусловно творческом характере манипулирования языком: игра с языком «выгодна» и человеку, и языку. Человеку необходим гибкий инструмент для выражения бесконечно разнообразных мыслей, в то время как языковые правила консервативны. Языку как живому организму необходимо развитие, т. е. отрицание самого себя на каждом новом этапе бытия [17].

Сегодня о *языковой игре* говорят в случае обнаружения фактов сознательного нарушения говорящим правил языка. И само понятие «языковая игра» оказывается связанным с выражением оценки

продуктов речевой деятельности субъекта – текстов. Принимаемое нами определение языковой игры, предложено Т. А. Гридиной: «форма деканонизированного употребления языковых единиц в речи, характеризующаяся творческим использованием языковых ресурсов, новой речевой комбинацией языковых средств» [3, 19].

В лингвистике второй половины XX века ключевыми при исследовании языковой игры стали два вопроса, и оба так или иначе оказались связанными с классификацией; речь идёт о попытках классификации коммуникативных ситуаций, в которых допустима языковая игра, и собственно о типах игры. В последнем случае в фокусе внимания оказывались языковые единицы разных уровней языковой системы, вернее, правила, которые нарушались (нарушение лексической и синтаксической сочетаемости, нарушение акцентологических правил и проч.).

2. Каламбур как форма языковой игры. Учитывая, что в исследовательской литературе предлагаются достаточно разнородные варианты толкования термина каламбур (от отождествления «языковая игра = каламбур» до «каламбур = игра со словом»), считаем необходимым уточнить. Мы, вслед за Б.Ю. Норманом [13], рассматриваем каламбур как явление текстовое: каламбур – это особый жанр речи, который можно поставить в один ряд с паремиями – пословицами и поговорками. С паремиями каламбур роднит формальный минимализм. Отличительный признак паремии и каламбура как текста – это их принципиальная многослойность, семантическая неоднозначность, предполагающая возможность различной интерпретации, при очевидном стремлении к минимизации используемых языковых средств. При этом, в отличие от паремий, каламбур – это не «упакованная мудрость народа», но авторский продукт, основанный на игровом принципе, т. е. на нарушении норм языка.

Материалом исследования послужили 50 текстов, отобранных с использованием метода направленного поиска на просторах сети Интернет: на платформе «Google» и в социальной сети «ВКонтакте».

В соответствии с установившейся в лингвистике традицией, первичная обработка собранного текстового материала проводилась с использованием таксономического метода, или метода классификаций. Тексты распределялись по группам в соответствии с представлением о правиле, отступление от которого позволило автору продуцировать творческий продукт.

В результате нам удалось выделить 4 основные типа текстов, построенных на основе принципа каламбура. Представим их в порядке «понижения» частоты встречаемости.

(1) Наиболее объёмной в нашей выборке оказались группа текстов, построенных на игре с правилами **семантического согласования**. Смысловая глубина текста предопределяется возможностью двойной интерпретации синтаксических структур, в которые обязательно включается полисемант:

– «*Грабители*, проникшие в квартиру Валуева, *вынесли* всё: боль, страх, побои, унижения»¹;

– «Наркоманы не *шутят*. Они *прикалываются*»²;

– «Он постоянно дарил ей всякие средства для *ухода*, но она не *уходила*»;

– «– Можно я уйду с последней пары? – Можно. – А *отмечать* будете? – На работе *не пью*»³;

– «В средневековье самой крутой считалась та ведьма, которая не *спалилась*»⁴;

– «Весной всё *распускается*: цветы, деревья, руки».

К этой группе мы отнесли и тексты, построенные на столкновении единиц разных языковых систем. В эпоху глобализации они становились всё более популярными. Возможно, тенденция к увеличению их числа в дискурсивной практике сохранится:

– «Май инглиш из *бед*...из *бед* и огорчений»;

– «Марк шагал, *Тадж махал*. Все чем-то занимались»⁵;

– «–Я из Питера, а ты? – С города любви. – Сочи что ли? – Нет.

Kiss love одск».

(2) Широко представленными в различных дискурсах оказались тексты, построенные на возможности буквального толкования устойчивых сверхсловных сочетаний:

– «*Доходы* офтальмологов *растут на глазах*»;

– «Особенно резко *точку зрения меняет* удар в глаз»;

¹ URL: <http://rusdemotivator.ru/demotivatory-prikoly/6836-grabiteli-pronikshie-v-kvartiru-valueva-vynesli-vsyo-bol-strax-poboi-unizhenie.html> (дата обращения: 07.06.2023).

² URL: <https://meme-arsenal.com/create/meme/9762654> (дата обращения: 07.06.2023).

³ URL: <https://fishki.net/mix/2807248.html/comment-33162666> (дата обращения: 07.06.2023).

⁴ URL: https://vk.com/wall47532222_833651?ysclid=liknxole5y898763513 (дата обращения: 07.06.2023).

⁵ URL: https://vk.com/wall845686_5355?ysclid=liknrrznib720375993 (дата обращения: 07.06.2023).

- «Благополучие врача-отоларинголога *держится на соплях*»;
- «Плохо питаться – это *не есть хорошо*»¹;
- «*Выходя из себя, закрывайте за собой рот*»;
- «Почему охранники на рынке всегда вежливые? *Следят за базаром*»;

– «С возрастом *дела сердечные* переходят в сердечно-сосудистые».

(3) Актуальной при создании текста-каламбура остаётся и собственно игра со словом, речь идёт о замене ожидаемого в контексте слова на созвучное. В отобранных примерах обращает на себя внимание тот факт, что включаемое в текст слово не является семантически «случайным», оно детерминировано более широким контекстом ситуации:

– «Продам или обменяю коврик для фитнеса. *Торт* уместен»² (автор решил прекратить занятия спортом и снять с себя гастрономические ограничения);

– «Гололёд как шахматы: *шаг и мат*»;

– «Начал читать книжку японского автора, да *не абы кого*, а Абэ Кобо»³.

К этой группе могут быть отнесены тексты, основанные на игре с формой слова, с обыгрыванием словообразовательных моделей:

– «Говорят, что подобное притягивает *подобное*. А как быть, если я *бесподобна*?»;

– «*Бес* полез... но *бесполезно*»;

– «*Спят* или *спятили*?»;

– «*Я с нею* яснею»;

– «*До ста* точно *достаточно*?»⁴

(4) Особенно интересны для анализа тексты, построенные на аллюзии. Автор такого текста, как правило, ориентируется на «своего» адресата – с совпадающим кругом чтения, разделяющего сферу интересов или профессиональную сферу. Семантическая глубина текстов этого типа основана на смыслах прецедентных текстов:

– «Юмор по-булгаковски: встретился как-то Берлиоз с Воландом на Патриарших, а дальше всё *как по маслу*»;

---

¹ URL: <https://vse-shutochki.ru/anekdot/97111> (дата обращения: 07.06.2023).

² URL: <https://ru.pinterest.com/pin/708613322624302713/> (дата обращения: 07.06.2023).

³ URL: <https://www.anekdot.ru/id/999323/?ysclid=liko66dz13644335396> (дата обращения: 07.06.2023).

⁴ URL: https://vk.com/wall276267506_38?ysclid=likocbeo5176185313 (дата обращения: 07.06.2023).

– «Что оставила Анна Каренина в наследство современной моде? Туфли *на платформе*»¹.

Образцы текстов этого типа не столь частотны, думается, именно потому, что интернет-площадка ориентирована на «широкого потребителя», что ограничивает авторов в использовании принципа каламбура.

Заключение

Подводя итог начального этапа работы с собранным текстовым материалом, отметим, что востребованность принципа каламбура в организации дискурсивного пространства, рассчитанного на массового адресата, становится всё очевиднее. Речь идёт уже не только о юмористическом контенте. Тексты-каламбуров завоёвывают весьма консервативную новостную площадку. Так, текст-каламбур активно используется для подачи новостного контента на платформе Известия.ру²; ср.:

- «*Перевооружён и опасен*: флагману ВМФ России наращивают новую мощь»;
- «*Какой чудесный гейм*: во что поиграть до конца апреля»;
- «*ОВЗ и ныне там*: в регионах возникли проблемы при оказании помощи нуждающимся»;
- «*Не штатная ситуация*: будет ли дефолт в США действительно опасным»;
- «*С очностью наоборот*: в ГД хотят уравнять студентов в ряде льгот»;
- «*Зыбкая одежда*: истекает срок эксплуатации скафандров космонавтов на МКС»;
- «*Голоса препятствий*: Эрдоган и Кылычдароглу вышли во второй тур выборов».

Приведённые примеры демонстрируют востребованность текстов-каламбуров преимущественно, но не исключительно, второго и четвертого типа. Новостной текст двукомпонентен: инициальную позицию в нём занимает текст, построенный на принципе каламбура, его функция – привлечь внимание посетителей сайта к не самой актуальной новости, содержание которой сформулировано во второй части новостного текста.

---

¹ URL: <https://fishki.net/mix/2233399.html/comment-25189883> (дата обращения: 07.06.2023).

² URL: <https://iz.ru/?ysclid=liknuoogjb937929011> (дата обращения: 07.06.2023).

Список источников

1. Витгенштейн Л. Философские исследования. Москва: Гнозис, 1994. 612 с.
2. Войцех К. Д. Языковая игра в кинематографическом дискурсе: лексико-семантический уровень // Вестник Башкирского университета. 2021. Т. 26. №1. С. 235–240.
3. Гридина Т. А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи (Явление языковой игры): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Москва, 1996. 46 с.
4. Добрушина Е. Р., Борзенко Е. О. Языковая игра с падежным окончанием -ОВ, или как падонки сменились котиками // Известия Российской академии наук. Сер. литературы и языка. 2022. Т. 81. № 4. С. 81–88.
5. Золотухина-Аболина Е. В. Философская «языковая игра»: проблем профессиональной коммуникации // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 45. № 3. С. 118–132.
6. Иванова И. П. Языковая игра как эффективное средство воздействия на адресата публицистического дискурса // Профессиональная коммуникация: культурологические, лингвистические и дидактические аспекты исследования: Коллективная монография. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т им. Г. И. Державина, 2012. С. 119–123.
7. Карымсакова Р. Д. Коммуникативные помехи и языковая игра (к проблеме речевого конфликта) // Юрислингвистика. 2008. № 9. С. 176–183.
8. Качалова И. Н. Языковая игра в публицистических текстах (редакторский аспект) // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2007. № 1. С. 119–124.
9. Кронгауз М. А. Вторичная номинация и языковая игра // Актуальные проблемы современного словообразования. Материалы международной научной конференции / под общ.ред. Л. А. Араевой. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2009. С. 251–257.
10. Куранова Т. П. Языковая игра как способ реализации авторской интенции в речи современных телеведущих развлекательного жанра // Ярославский педагогический вестник. 2006. № 2 (47). С. 29–34.
11. Медведев Н. В. Витгенштейн и Гадамер о «языковой игре» // Вестник Тамбовского государственного университета. Вып. 5 (121). 2013. С. 156–165.

12. Мурог И. А. Языковая игра сквозь призму теории идентификации культур // *Успехи гуманитарных наук*. 2021. № 4. С. 138–143.
13. Норман Б. Ю. «Игра на гранях языка». Москва: Флинта: Наука, 2006. 344 с.
14. Ружицкий И. В. Языковая игра у Ф. М. Достоевского // *Русская речь*. 2014. № 4. С. 15–22.
15. Топорова О.В. Языковая игра как лингвокультурный феномен (на материале русского языка) // *Наука и культура России*. 2013. Т. 2. С. 126–128.
16. Хейзинга Й. *Номо Ludens*; Статьи по истории культуры / Пер., сост. и вступ. ст. Д. В. Сильвестрова. Москва: Прогресс – Традиция, 1997. 416 с.
17. Хомский Н. О природе языка. Пер. с англ. Москва: КомКнига, 2005. 288 с.

REFERENCES

1. Vitgenshtejn L. «Filosofskie issledovaniya». Moscow: Gnozis, 1994. CH. I. Pp. 75–319. (In Russ.).
2. Vojcekh K.D. YAzykovaya igra v kinematograficheskom diskurse: leksiko-semanticheskij uroven' // *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 2021. T. 26. №1. Pp. 235–240. (In Russ.).
3. Gridina T. A. Associativnyj potencial slova i ego realizaciya v rechi (YAvlenie yazykovoj igry). Avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk. Moscow, 1996. 46 p. (In Russ.).
4. Dobrushina E.R., Borzenko E.O. YAzykovaya igra s padezhnym okonchaniem –OV, ili kak padonki smenilis' kotikami // *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Ser. literatury i yazyka*. 2022. T. 81. № 4. Pp. 81–88. (In Russ.).
5. Zolotuhina-Abolina E. V. Filosofskaya «zykovaya igra»: problem professional'noj kommunikacii // *Epistemologiya i filosofiya nauki*. 2015. T. 45. № 3. Pp. 118–132. (In Russ.).
6. Ivanova I. P. YAzykovaya igra kak effektivnoe sredstvo vozdejstviya na adresata publicisticheskogo diskursa // *Professional'naya kommunikaciya: kulturologicheskie, lingvisticheskie i didakticheskie aspekty issledovaniya : Kollektivnaya monografiya*. Tambov: Tambovskij gos. un-t im. G.I. Derzhavina, 2012. Pp. 119–123. (In Russ.).
7. Karymsakova R. D. Kommunikativnye pomekhi i yazykovaya igra (k probleme rechevogo konflikta) // *YUrislingvistika*. 2008. № 9. Pp. 176–183. (In Russ.).

8. Kachalova I. N. YAzykovaya igra v publicisticheskikh tekstah (redaktorskij aspekt) // *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Problemy poligrafii i izdatel'skogo dela*. 2007. №1. Pp. 119–124. (In Russ.).
9. Krongauz M. A. Vtorichnaya nominaciya i yazykovaya igra // *Aktual'nye problemy sovremennogo slovoobrazovaniya. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii / Pod obshch.red. L. A. Araevoj*. Kemerovo: Kemerovskij gos. un-t, 2009. Pp. 251–257. (In Russ.).
10. Kuranova T. P. YAzykovaya igra kak sposob realizacii avtorskoj intencii v rechi sovremennyh televedushchih razvlekatel'nogo zhanra // *YAroslavskij pedagogicheskij vestnik*. 2006. № 2 (47). Pp. 29–34. (In Russ.).
11. Medvedev N. V. Vitgenshtejn i Gadamer o «yazykovoj igre» // *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vyp. 5 (121). 2013. Pp. 156–165. (In Russ.).
12. Murog I.A. YAzykovaya igra skvoz' prizmu teorii identifikacii kul'tur // *Uspekhi gumanitarnyh nauk*. 2021. №4. Pp. 138–143. (In Russ.).
13. Norman B. YU. «Igra na granyah yazyka». Moskva: Flinta: Nauka, 2006. 344 p. (In Russ.).
14. Ruzhickij I. V. YAzykovaya igra u F.M. Dostoevskogo // *Russkaya rech'*. 2014. № 4. Pp. 15–22. (In Russ.).
15. Toporova O. V. YAzykovaya igra kak lingvokul'turnyj fenomen (na materiale russkogo yazyka) // *Nauka i kul'tura Rossii*. 2013. T. 2. Pp. 126–128. (In Russ.).
16. Hejzinga J. Homo Ludens; Stat'i po istorii kul'tury / Per., sost. i vstup. st. D.V. Sil'vestrova. Moscow: Progress – Tradiciya, 1997. 416 p. (In Russ.).
17. Homskij N. O prirode yazyka. Per. s angl. Moscow: KomKniga, 2005. 288 p. (In Russ.).

THE PRINCIPLE OF PUN IN THE ORGANIZATION OF THE TEXT: TRADITIONS AND INNOVATIONS

Lyubov N. Churilina

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the Russian Language, General Linguistics and Mass Communication, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia)

Anastasia I. Strelkova

Student, Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia)

Abstract

The article presents the results of the study of one of the most popular variants of speech behavior in modern discursive practice – language play. The concept of "language play" in the authors' view is secondary, formed on the basis of the cultural concept of "play". The secondary concept retains the notion of "rules"/ "norms" as a semantic dominant, significantly transforming it within the framework of a new structure: "following the rule" assumed in the primary concept is replaced by the opposite "deviation from the rule".

The research material was the texts selected by the method of directed search for the texts, which are created on the basis of the pun principle, on the Internet. Traditionally, a pun is qualified as a stylistic device, but its active use in discourses of various types allows us to talk about a pun as a principle of the organization of text space. The specific features of the pun principle (semantic layering combined with the minimization of the form) make it related to paroemias. At the same time, unlike paroemias, a pun is not a "packed wisdom of the people", but an author's product based on the play principle, i. e. on violation of the norms of the language.

The classification of punning texts presented in the article is based on correlation with the rule, deviation from which allowed the author to produce a creative product. Violations of the rules of semantic agreement are the most frequent in modern speech practice; the semantic depth of the text is predetermined by the possibility of a double interpretation of the polysemant. The second classification group consists of texts that include set word combinations; their semantic ambiguity is based on the possibility of literal reading of set phrases. The least popular play is the one with similar sounding words and allusions.

It is noted that pun texts are no longer the prerogative of humorous content, but are gaining new communication platforms.

Keywords: communication, discourse, speech behavior, concept, language game, pun, text, semantic depth, interpretation

Для цитирования: Чурилина Л. Н., Стрелкова А. И. Принцип каламбура в организации текста: традиции и новации // Libri Magistri. 2023. № 3 (25). С. 231–241.

Поступила в редакцию 10.06.2023

А. А. Якименко, Е. В. Ничипорчик

ББК 82.3(2)-411

УДК 811.161`42:398.91:070.431

А. А. Якименко¹

ORCID: 0009-0007-4580-2890

Гомельский государственный

университет имени Франциска Скорины

246028, Беларусь, г. Гомель, ул. Советская, 104

koreya.4ever@mail.ru

Е. В. Ничипорчик²

ORCID: 0000-0002-1284-6236

Гомельский государственный

университет имени Франциска Скорины

246028, Беларусь, г. Гомель, ул. Советская, 104

evnich@gmail.com

ПОСЛОВИЦЫ В ЗАГОЛОВКАХ НОВОСТНЫХ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕНИЙ

В центре исследовательского внимания – закономерности употребления пословичных выражений в заголовках новостных сообщений интернет-пространства. Актуальность темы объясняется высокой востребованностью устойчивых выражений в интернет-коммуникации. Функционирование устойчивых выражений в медийном пространстве активно изучается, однако использование пословиц в новостных жанрах пока изучено недостаточно.

Новостные сайты играют большую роль в массовой коммуникации, и пословицы, используемые в новостных сообщениях сети, вносят немалую лепту в оживление этого коммуникативного процесса, так как служат специальными средствами привлечения внимания адресата.

Для формирования базы актуальных пословичных выражений были привлечены материалы толкового «Словаря русских пословиц» под редакцией профессора В. М. Мокиенко. Источником материала

---

¹ Якименко Анна Алексеевна, студент филологического факультета, Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, г. Гомель, Беларусь.

² Ничипорчик Елена Владимировна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского, общего и славянского языкознания, Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, г. Гомель, Беларусь.

для анализа функционирования пословиц в речи послужили тексты новостных сообщений на специализированных сайтах.

Выявлено пять типов употребления пословицы в заголовке новостного сообщения: пословица представлена в заголовке в автономном употреблении без знаков препинания; пословица представлена в заголовке в автономном употреблении со знаком препинания; пословица употребляется в составе двойного названия; пословица используется как сегментированная единица заголовка; пословица используется как часть простого (в качестве фразовой номинации) либо сложного предложения-заголовка.

В заголовках пословицы могут использоваться как в каноническом, так и в трансформированном виде. Основными приемами трансформации пословиц в заголовках являются следующие: сокращение компонентного состава, распространение компонентного состава, замена компонента, буквализация переносного значения и переход утверждения в вопрос.

Ключевые слова: пословица, новостной сайт, новостное сообщение, заголовок, текст, значение, трансформация

Введение. Изучение специальной литературы убеждает нас в том, что, хотя современную публицистику характеризует высокая степень обращения к интертекстам, не все разнообразие проявления интертекстуальности в публицистике хорошо изучено. В частности, использование пословиц в качестве заголовков новостных интернет-сообщений, на наш взгляд, изучено пока недостаточно. Разумеется, есть ряд работ, в которых поднимается вопрос об употреблении пословиц в медийном дискурсе, и в частности, в заголовках публицистических текстов. Например, диссертационное исследование С. В. Птушко посвящено окказиональной актуализации пословиц в заголовках англоязычной газетно-журнальной публицистики [11]. С позиций когнитивно-дискурсивного подхода (и как пролонгация идей доктора филологических наук О. Б. Абакумовой о когнитивно-дискурсивной модели актуализации смысла пословицы в медийном дискурсе [1]) анализируется употребление пословиц в заголовках газетных статей в работе Е. В. Проскуряковой [10]. Функционирование пословиц анализируется и в традиционном ключе, причем как в средствах массовой информации, так и в художественных текстах (см. работы Т. А. Наймушиной [8], Е. В. Ничипорчик [9], М. В. Саблиной [12], Л. Б. Савенковой [13], Е. И. Селиверстовой [14] и мн. др.).

Несравненно большее количество исследований посвящено изучению употребления других устойчивых выражений в публицистике, а именно – фразеологических единиц (см. В. Н. Вакуров «Фразеологический каламбур в современной публицистике» [3], В. В. Горлов «Фразеологизмы как средство выразительности на страницах газет» [4], М. Доброва «Русские фразеологизмы в интернет-дискурсе: функциональный аспект» [5], Н. Г. Михайловская «Заголовок-фразеологизм» [7], У. Тин «Употребление фразеологизма в современном газетном заголовке» [16] и мн. др.).

Причины активного обращения публицистов к фразеологизмам и пословицам очевидны. Как отмечает профессор Санкт-Петербургского государственного университета В. М. Мокиенко, эти причины «определяются и собственно эстетическими и культурологическими качествами паремий, и теми социальными условиями, которые “возбуждают” языковую креативность» [6, 12].

Основная часть. Действительно, те условия, в которых современный человек коммуницирует, существенным образом влияют и на характер подачи информации, и на характер её восприятия. Особенно это касается общения в Интернете. Ученые говорят о следующих особенностях восприятия информации пользователями сети: 1) отсутствие концентрированного внимания к тексту из-за отвлекающих элементов; 2) менее эффективное усвоение информации с монитора по сравнению с бумажным изданием; 3) желание читателя быстро понять суть текущей в ленте информации и осознать, нужно ли тратить свое время для дальнейшего ознакомления с материалом [17, 245].

В таких условиях публицисты вынуждены искать своеобразные «зацепляющие крючки» для потенциальных адресатов новостных сообщений. В качестве таких «зацепляющих крючков» активно используются пословицы. Действительно, пословица является таким семиотическим феноменом, обращение к которому позволяет решить сразу несколько задач. Российский исследователь А. Ю. Белецкая в своей работе «Пословица как прецедентная единица в аргументативном дискурсе» отмечает, что пословица обладает свойством воздействия на человека на трех уровнях: культурологическом, социальном и психологическом: «Являясь неотъемлемой частью культурного наследия народа, пословица оказывает воздействие на человека на культурологическом уровне: приобщает индивида к восприятию ценностей этнической культуры. Воздействие на социальном уровне проявляется в способности пословицы выступать в качестве средства регуляции социального

поведения через отраженные в ней нормы поведения, принятые в социуме. Воздействие на психологическом уровне реализуется через активацию той части языковой личности человека, в которой пословица представлена как прецедентная единица, единица, отражающая авторитетное коллективное мнение, проверенное временем» [2, 15].

Наши наблюдения показывают, что публицисты предпочитают в основном 4 способа применения пословицы в новостных жанрах Интернета:

1) пословица используется как заголовок новостного сообщения;

2) пословица используется как подзаголовок новостного сообщения;

3) пословица используется и в заголовке (или подзаголовке), и в тексте новостного сообщения;

4) пословица используется внутри текста новостного сообщения.

В данной статье нами рассматривается использование пословицы в качестве заголовка новостных интернет-сообщений.

Заголовок имеет особое значение в структуре текста: он является носителем доминантного смысла текста. Употребляясь в заголовке, пословица служит основой для создания ассоциативной структуры текста, а именно не прямо, а с опорой на интригу намекает на предполагаемое содержание новостного сообщения, создает основу для целостного восприятия информации.

Заметим, что данная функция проявляется при употреблении пословицы как в каноническом, так и в трансформированном варианте.

«*Муж и жена – одна сатана*» (август, 2021) – заметка на новостном сайте Ульяновска, рассказывающая о двух печальных эпизодах в жизни одной семьи. В качестве заголовка автор использует пословицу *Муж и жена – одна сатана*. В толковом паремиологическом словаре указывается, что данная пословица употребляется в тех случаях, когда нужно подчеркнуть, что «мужа и жену воспринимают как единое целое, связанное общими интересами, образом жизни и т. д.» [15, 196]. Такой заголовок сразу бросается в глаза и привлекает внимание читателя намеком на то, что речь пойдет о семейных проблемах. Ключевым словом для формирования ассоциаций является компонент *сатана*, обладающий мощной негативной коннотацией. Ожидания читателя оправдываются: в заметке речь идет о неблагоприятных действиях супруга, угрожающих жизни супруги, и жесткой мести женщины.

А вот пример использования пословицы в трансформированном виде в качестве заголовка: *«Кто не рискует – тот не учится там, где хотелось бы»* (июнь, 2022, интернет-газета «Независимая»). Автор заменил вторую часть канонического варианта пословицы: *Кто не рискует, тот не пьет шампанское*, фиксируя тем самым внимание читателей на том, что предметом речи в статье станут выигрышные стратегии, которых следует придерживаться абитуриентам при поступлении в высшее учебное заведение.

Наблюдения показывают, что заголовок может состоять только из пословицы, но может представлять собой структуру, в которой пословица используется как её часть: сравн.: *«Любовь зла, полюбишь и козла»* (июль, 2021, новостной портал «Vologda poisk»), *«Семь бед – один ответ»* (февраль, 2019, «РИА Новости») и *«В тихом омуте черти водятся – концертный директор о скандале Бочкаревой с наркотиками»* (декабрь, 2019, сетевое издание www.tvzvezda.ru); *«“Кто о чем, а вишивый о бане”: Ходорковского снова поймали на “глупых аналогиях”»* (февраль, 2020, новостной портал «Царьград»).

Зачастую включение в название новостного сообщения пословицы объясняется тем, что она используется как цитата из речи официального лица либо просто интервьюируемого участника события. Заголовок в таком случае по своей структуре является своеобразной имитацией прямой речи. *«“Цыплят по осени считают”*. Лукашенко о ситуации с коронавирусом в Беларуси» (май, 2020) – так называется статья, помещенная на новостном канале «Белновости». В тексте самой статьи приводится фрагмент беседы главы белорусского государства с президентом Молдавии: *«Некоторые не верят. Придет время, мы потом обсудим – цыплят по осени считают. Сейчас только ленивый не бросает в меня камни по тому, как мы лечим людей, как мы себя ведем в этой сложной обстановке»*. Закономерно и то, что практически всегда в таких случаях «цитируемое» устойчивое выражение в самом тексте статьи вновь воспроизводится. *«“На Бога надейся, а сам не плошай” – Федор Повный вышел на “Минскую лыжню”*» (февраль, 2019) – так называется заметка на информационном новостном портале «Минск-Новости». В заметке говорится о физкультурно-спортивном празднике «Минская лыжня», собравшем представителей самых различных сфер – от спортсменов, журналистов и артистов до главы государства. В числе участников был и настоятель прихода храма Всех Святых города Минска протоиерей Федор Повный. Заметка заканчивается так: *«Федор Повный также отметил, что все всегда рассчитывают на божью помощь, но напомнил о поговорке “на Бога надейся, а сам не плошай”»*.

Интересно использование пословиц в качестве подзаголовков. «Нашла коса на кошелек» – подзаголовок статьи «*Сколько стоят услуги на селе*» (июль, 2019) в электронном источнике «SB news». И вновь пословица оказывается средством, намекающим на проблему, конфликт. Как известно, психика человека в большей степени реагирует на отклонение от нормы, норма же не вызывает должного интереса. Для создания подзаголовка автор использует трансформированный вариант пословицы *Нашла коса на камень*. Данная пословица служит для обозначения ситуации столкновения «двух упрямых или непреклонных людей, каждый из которых хочет настоять на своем и ни в чем не уступает другому» [15, 152]. Замена компонента связывает заголовок статьи с подзаголовком и указывает на то, что в статье речь пойдет о противостоянии материальных интересов, как выясняется из самой статьи, – интересов пенсионеров, имеющих земельные участки, и наемных рабочих, предлагающих чересчур высокие цены за покос травы на участках.

Если представить в системе наиболее типичные способы использования пословицы в качестве заголовка новостного интернет-сообщения, то картина будет следующей:

1) пословица может быть представлена в заголовке в автономном употреблении без знаков препинания, то есть в соответствии с общими правилами пунктуационного оформления заголовков, например: «*На чужой каравай роток не разевай*» (август, 2021, интернет-газета «Русская весна»), «*Чем богаты, тем и рады*» (октябрь, 2020, «Сельская газета»);

2) пословица может быть представлена в заголовке в автономном употреблении со знаком препинания (часто – с вопросительным знаком, значительно реже – с восклицательным знаком): «*Обещанного три года ждут?*» (июль, 2010, «SB news»), «*Бог терпел и нам велел?*» (сентябрь, 2015, «Чайковские. Новости»), «*По труду и честь!*» (апрель, 2022, «Новости Столина»);

3) пословица употребляется в составе двойного названия с союзом *или*: «*США добились почти всех поставленных целей, или Мавр сделал свое дело, мавр может уходить*» (октябрь, 2022, «Путин сегодня»), «*Бедность не порок или как СМИ предложили не сажать бедных преступников*» (сентябрь, 2021, «Сенсаций.Нет»);

4) пословица используется как сегментированная единица заголовка (репрезентирует тему и отделяется двоеточием, реже точкой от развернутого пояснения темы или указания на автора мысли, выраженной в образной пословичной форме): «*“На безрыбье и рак – рыба”*: Сейм утвердил второе правительство Кариньша» (декабрь,

2022, «Sputnik»), «*Лиха беда начало. Как Латвию лишат последних ресурсов*» (декабрь, 2022, «Дзен»), «*“Горбатого могила исправит”*». *Сергей Карасанов о США, НАТО и идее для России*» (февраль, 2020, «Аргументы и факты»);

5) пословица используется как часть простого предложения (в качестве фразовой номинации) или сложного предложения-заголовка: «*Лицемерие Байдена разоблачили русской поговоркой “горбатого могила исправит”*» (апрель, 2021, «Царьград»); «*Рыба гниет с головы, но... премьер Медведев продолжает чистить ее с хвоста*» (май, 2016, онлайн-журнал «Черника»).

Примечательно, что в качестве метаоператоров при употреблении устойчивых выражений в новостных сообщениях, в том числе в заголовках таких сообщений, термины «пословица» и «поговорка», как правило, используются недифференцированно.

Следует обратить внимание на основные приемы преобразования пословиц в медийном дискурсе. Российский исследователь Н. Н. Федорова в диссертации «Современные трансформации русских пословиц» систематизировала нестандартные преобразования пословиц в речи таким образом:

1) семантические трансформации (преобразование семантики с сохранением структуры паремии);

2) структурные трансформации (преобразование структуры с сохранением семантики пословицы);

3) структурно-семантические трансформации пословиц, затрагивающие как форму, так и содержание паремий [18, 8].

Наши наблюдения показывают, что все выделенные Н. Н. Федоровой типы трансформаций пословиц наблюдаются и при употреблении пословичных выражений в заголовках новостных интернет-сообщений. Нами были зафиксированы такие наиболее типичные преобразования.

1) Сокращение компонентного состава пословицы:

«*Скоро сказка сказывается*» (июль, 2008, «SB.VY») – новость, рассказывающая о попытках правительства РФ возродить в современном обществе уважение к семейным ценностям (речь идет об официальном курировании православного праздника 8 июля – Дня семьи, любви и верности, уходящего своими корнями, согласно преданию, к образу христианского супружества XIII века, браку Петра и Февронии). В данном случае наблюдается сокращение второй части канонической пословицы *Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается*. Сокращение компонентного состава пословицы *Сила есть – ума не надо* наблюдается и в заголовке «*Ума не надо*» (август,

2010) на новостном портале «SB.BY». «Строительная газета» опубликовала статью с заголовком «С кем поведешься» (апрель, 2021), в котором употребляется в редуцированном виде всем известная пословица *С кем поведешься, от того и наберешься*.

2) Распространение компонентного состава пословицы:

«News Петропавловск» опубликовали статью «Почему в Тулу со своим самоваром не ездят» (январь, 2023). В заголовке наблюдается использование пословицы «В Тулу со своим самоваром не ездят» с расширением ее компонентного состава.

3) Замена компонента в структуре пословицы:

«Не имей сто рублей, а имей сто идей» (декабрь, 2013, «SB.BY») – в данной статье заголовок представляет собой трансформ пословицы *Не имей сто рублей, а имей сто друзей*. Замена компонента канонического пословичного выражения *Простота – хуже воровства* отмечается в заголовках «Пустота хуже воровства» (март, 2010, «Коммерсантъ»), «Уродство хуже воровства» (март, 2015, «Псковская губерния»).

4) Буквализация переносного значения:

«Тише едешь, дальше будешь. Гомельская ГАИ предупредила водителей об ухудшении погодных условий» (январь, 2022) – статья на гомельском новостном портале «Рго Гомель», в которой звучит призыв, адресованный водителям автомобилей, соблюдать скоростной режим. Интересна интерпретация канонической пословицы *Была бы шея, а хомут найдется* в заголовке новостного сообщения о кремях для возрастных женщин «Была бы шея, а крем найдется» (октябрь, 2020, «Коммерсантъ»). Здесь наблюдается и замена компонента и буквализация значения первой части выражения.

5) Переход утверждения в вопрос:

В качестве примеров семантической трансформации с переходом утверждения в вопрос можно привести заголовки статей «Яйца курицу не учат?» (апрель, 2017, «obitel-minsk.ru»), «Обещанного три года ждут?» (июль, 2010, «SB.News»), «Семь бед – один ответ?» (октябрь, 2011, «SB.BY»), «Где тонко, там и рвется?» (апрель, 2008, «SB.BY»), «Лучше поздно, чем никогда?» (июль, 2005, «SB.BY»), «Не подмажешь – не поедешь?» (ноябрь, 2006, «SB.BY»).

Примечательно, что комбинированные трансформации пословиц – это излюбленный способ обыгрывания пословиц в заголовках новостных сообщений у журналистов. Так, в заголовке статьи «Когда один ум хорошо, а два – ужасно» (август, 2015, «Пресса о петербургских спектаклях») наблюдаются расширение компонентного состава и замена компонента канонической пословицы

Один ум хорошо, а два лучше. Еще одним интересным примером комбинированных трансформаций является заголовок статьи «*Человек человеку – кто?*» (март, 2023, «Невское время»). В данном случае пословица *Человек человеку друг* используется с заменой компонента и изменением коммуникативного регистра. В заголовке «*Месть благородное дело?*» (март, 2010, «LiveInternet») наблюдается аналогичный случай комбинации приемов игры с формой и содержанием другой канонической пословицы – *Риск – благородное дело*.

Итак, анализ показывает, что использование пословиц в медийном дискурсе дает возможность журналистам создавать яркие, привлекающие внимание читателей тексты. В заголовках новостных сообщений пословицы употребляются в качестве своеобразных «зацепляющих крючков», так как в лаконичной экспрессивной форме они намекают на знакомую читателю типовую ситуацию, находящуюся в ассоциативной связи с той ситуацией, о которой пойдет речь в новостном сообщении. В итоге читатель заинтригован тем, что у него есть возможность узнать что-то новое об очень близком и знакомом его сознанию.

Активное использование публицистами пословиц в заголовках новостных интернет-сообщений свидетельствует об актуальности паремиологических идей и высокой степени персуазивности пословичных выражений.

Список источников

1. Абакумова О. Б. Пословица в медийном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 330. С. 7–10.
2. Белецкая А. Ю. Пословица как прецедентная единица в аргументативном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Самара, 2002. 22 с.
3. Вакуров В. Н. Фразеологический каламбур в современной публицистике // Русская речь. 1994. № 6. С. 17–25.
4. Горлов В. В. Фразеологизмы как средство выразительности на страницах газет // Русский язык в школе. 1992. №5/6. С. 35–37.
5. Доброва М. Русские фразеологизмы в интернет-дискурсе: функциональный аспект. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2019. 283 с.
6. Мокиенко В. М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. 2010. №3. С. 6–20.
7. Михайловская Н. Г. Заголовок-фразеологизм // Русская речь. 1999. № 2. С. 55–59.

8. Наймушина Т. А. Пословицы и поговорки в художественном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Ленинград: 1984. 209 с.

9. Ничипорчик Е. В. Воспроизводимое и вариативное в текстовых реализациях паремий // *Frazeologia a Reprodukowalność w teorii i w praktyce komunikacyjnej. Problemy – Metody – Opis. Volume six.* Białystok : University of Białystok publishing house, 2020. Pp. 65–87.

10. Проскурякова Е. В. Использование пословиц в заголовках газетных статей и их анализ по когнитивно-дискурсивной модели актуализации смысла пословицы в дискурсе // *Ученые записки Орловского государственного университета.* №6. 2015. С. 206–208.

11. Птушко С. В. Оказиональные актуализации пословиц в заголовках англоязычной газетно-журнальной публицистики: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Нижний Новгород: 2006. 26 с.

12. Саблина М. В. Пословицы в газетном тексте: функциональный аспект // *Речевое общение / Краснояр. гос. ун-т, под ред. А. П. Сковородникова. Вып. 8-9 (16-17).* Красноярск. 2006. С. 220–224.

13. Савенкова Л. Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2002. 240 с.

14. Селиверстова Е. И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. Санкт-Петербург: МИРС, 2009. 270 с.

15. Словарь русских пословиц: ок. 1000 единиц / В. М. Мокиенко, Ю. А. Ермолаева, А. А. Зайнульдинов и др.; под ред. В. М. Мокиенко. Москва: Астрель: АСТ, 2007. 381 с.

16. Тин У. Употребление фразеологизма в современном газетном заголовке // *Молодой ученый.* 2016. № 9 (113). С. 1294–1297.

17. Третьякова Е. С., Антропова В. В. К вопросу о классификации жанров оперативно-новостных текстов в интернет-СМИ // *Знак: проблемное поле медиаобразования.* 2017. № 4. С. 245–249.

18. Федорова Н. Н. Современные трансформации русских пословиц: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Великий Новгород? 2007. 234 с.

REFERENCES

1. Abakumova O. B. Poslovica v medijnom diskurse [Proverb in media discourse] / O. B. Abakumova // *Vestn. Tom. gos. un-ta [Tomsk State University Journal].* 2010. № 330. Pp. 7–10. (In Russ.).

2. Beleckaya A. YU. Poslovica kak precedentnaya edinica v argumentativnom diskurse [Proverb as a precedent unit in argumentative

discourse]; avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Orenb. gos. ped. un-t. Samara, 2002. 22 p. (In Russ.).

3. Vakurov V. N. Frazeologicheskij kalambur v sovremennoj publicistike [Phraseological units as a means of expression on the pages of newspapers] // Russkaya rech' [Russian Speech]. 1994. №6. Pp. 117–25. (In Russ.).

4. Gorlov V. V. Frazeologizmy kak sredstvo vyrazitel'nosti na stranichah gazet [Phraseological units as a means of expression on the pages of newspapers] // Russkij yazyk v shkole [Russian language at school]. 1992. №5/6. Pp. 35–37. (In Russ.).

5. Dobrova M. Russkie frazeologizmy v internet-diskurse: funkcional'nyj aspekt [Russian phraseological units in Internet discourse: functional aspect]. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2019. 283 p. (In Russ.).

6. Mokienko V. M. Sovremennaya paremiologiya (lingvisticheskie aspekty): Modern paremiology (linguistic aspects) // Mir russkogo slova [The World of Russian Word Journal]. 2010. №3. Pp. 6–20.

7. Mihajlovskaya N. G. Zagolovok-frazeologizm [Title-phraseology] // Russkaya rech' [Russian Speech]. 1999. № 2. Pp. 55–59. (In Russ.).

8. Najmushina T. A. Poslovicy i pogovorki v hudozhestvennom tekste [Proverbs and sayings in a literary text]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Leningrad: 1984. 209 p. (In Russ.).

9. Nichiporchik E. V. Vosproizvodimoe i variativnoe v tekstovyh realizacijah paremij [Reproducible and variable in the textual implementations of proverbs] // Frazeologia a Reprodukowalność w teorii i w praktyce komunikacyjnej. Problemy – Metody – Opis. Volume six. Białystok: University of Białystok publishing house, 2020. Pp. 65–87. (In Russ.).

10. Proskuryakova E. V. Ispol'zovanie poslovic v zagolovkah gazetnyh statej i ih analiz po kognitivnodiskursivnoj modeli aktualizacii smysla poslovicy v diskurse [The use of proverbs in the headlines of newspaper articles and their analysis according to the cognitive discursive model of actualization of the meaning of the proverb in discourse] // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific notes of Orel State University]. №6. 2015. Pp. 206–208. (In Russ.).

11. Ptushko S. V. Okkazional'nye aktualizacii poslovic v zagolovkah angloyazychnoj gazetno-zhurnal'noj publicistiki [Occasional actualization of proverbs in the headlines of English-language newspaper and magazine journalism]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Nizhnij Novgorod: 2006. 26 p. (In Russ.).

12. Sablina M. V. Poslovicy v gazetnom tekste: funkcional'nyj aspekt [Proverbs in the newspaper text: functional aspect] // Rechevoe

obshtchenie /Krasnojarsk. gos. un-t, pod red. A. P. Skovorodnikova. Vyp. 8-9 (16-17). Krasnojarsk. 2006. Pp. 220–224. (In Russ.).

13. Savenkova L. B. Russkaya paremiologiya: semanticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty [Russian Paremiology: semantic and linguoculturological aspects]. Rostov-na-Donu: Izd-vo Rost. un-ta, 2002. 240 p. (In Russ.).

14. Seliverstova E. I. Prostranstvo russkoj poslovcy: postoyanstvo i izmenchivost' [The space of the Russian proverb: constancy and variability]. Sankt-Peterburg: MIRS, 2009. 270 p. (In Russ.).

15. Slovar' russkih poslovc [Dictionary of Russian Proverbs]: ok. 1000 edinic / V. M. Mokienko, Y. A. Ermolaeva, A. A. Zajnul'dinov i dr.; pod red. V. M. Mokienko. Moscow: Astrel': AST, 2007. 381 p. (In Russ.).

16. Tin U. Upotreblenie frazeologizma v sovremennom gazetnom zagolovke [The use of phraseology in a modern newspaper headline] // Molodoy uchenyj [Young scientist]. 2016. № 9 (113). Pp. 1294–1297. (In Russ.).

17. Tret'yakova E. A., Antropova V. V. K voprosu o klassifikacii zhanrov operativno-novostnyh tekstov v internet-SMI [On the issue of classification of genres of operational news texts in online media] // Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya [Sign: the problematic field of media education]. 2017. № 4. Pp. 245–249. (In Russ.).

18. Fedorova, N. N. Sovremennye transformacii russkih poslovc [Modern transformations of Russian proverbs]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Velikij Novgorod, 2007. 234 p. (In Russ.).

PROVERBS IN THE HEADLINES OF INTERNET NEWS REPORTS

Anna A. Yakimenko

student of the Faculty of Philology, Francisk Skorina Gomel State University (Gomel, Belarus)

Elena V. Nichiporchik

Doctor of Sciences (Philology), Head of the Department of Russian, General and Slavic Linguistics, Francisk Skorina Gomel State University (Gomel, Belarus)

Abstract

The research focuses on the patterns of the use of proverbial expressions in the headlines of news reports of the Internet space. The relevance of the topic is explained by the high demand for set expressions in Internet communication. The functioning of set expressions in the media space is being actively studied, but the use of proverbs in news genres has not been studied enough yet.

News sites play an important role in mass communication, and the proverbs used in the news reports of the network make a considerable contribution to the revival of this communicative process, as they serve as special means of attracting the attention of the addressee.

To form a database of actual proverbial expressions, materials of the explanatory “Dictionary of Russian Proverbs” edited by Professor V. M. Mokienko were used. The source of the material for analyzing the functioning of proverbs in speech was the texts of news reports on specialized websites.

Five types of use of a proverb in the headline of a news message have been identified: a proverb is presented in the headline in autonomous use without punctuation marks; a proverb is presented in the headline in autonomous use with a punctuation mark; a proverb is used as part of a double title; a proverb is used as a segmented unit of the title; a proverb is used as a part of a simple (as a phrasal nomination) or complex sentence-headline.

In the headings, proverbs can be used both in canonical and transformed form. The main techniques for transforming proverbs in headlines are the following: the reduction of the component composition, the distribution of the component composition, the replacement of the component, the literalization of the figurative meaning and the transition of the statement into a question.

Keywords: proverb, news site, news report, title, text, meaning, transformation

Для цитирования: Якименко А. А., Ничипорчик Е. В. Пословицы в заголовках новостных интернет-сообщений // Libri Magistri. 2023. № 3 (25). С. 242–254.

Поступила в редакцию 30.06.2023

АВТОРАМ

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в двадцать первом и последующих выпусках периодического рецензируемого научного журнала «Libri Magistri», издаваемого коллективом кафедры языкознания и литературоведения института гуманитарного образования Магнитогорского государственного технического университета им. Г. И. Носова.

В «Libri Magistri» предполагается осмысление следующих вопросов:

- 1) Аксиологические модели
- 2) История и теория жанров: диалектика формы и содержания
- 3) Коммуникативные исследования в филологии
- 4) Компаративистика сегодня: задачи – идеи – школы
- 5) Лингвистика текста.
- 6) Лингвокультурология и страноведение
- 7) Методика преподавания филологических дисциплин
- 8) Научная жизнь
- 9) Национальная модель мира в литературе
- 10) Перевод и переводоведение
- 11) Поэтика русской литературы
- 12) Россия и Запад: исторические мифы и их отражение в текстах культуры
- 13) Семиотика: мир как текст
- 14) Стилистика. Лингвистическая поэтика. Риторика
- 15) Филологический анализ текста: традиции, типы, конкретные разборы
- 16) Филология и ее проблемное поле, перспективы развития
- 17) Филология и междисциплинарные связи
- 18) Философия литературы

Материалы, поступившие в редакцию, проходят проверку в системе «Антиплагиат.ВУЗ» и подлежат обязательному двойному слепому рецензированию. Редакция имеет право отклонить рукопись или предложить автору ее доработать в соответствии с требованиями.

Издание 4 номера 2023 (двадцать шестого выпуска) журнала «Libri Magistri» планируется в декабре 2023 года. Номер журнала будет размещен в РИНЦ (номер договора 336-08/2017).

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77 – 85231 от 25.04.2023.

Форма заявки (в отдельном файле, ее озаглавить следующим образом *Фамилия_заявка*, например: *Иванов_заявка*):

1. Фамилия, имя, отчество (полностью) на русском и английском языках.
2. Название статьи на русском и английском языках.

3. Предполагаемый раздел номера.
4. Город, место работы, должность на русском и английском языках.
5. Ученая степень и ученое звание на русском и английском языках.
6. Домашний адрес с указанием индекса, номера телефона (с кодом города), e-mail.

Для аспирантов и магистрантов (статьи магистрантов публикуются только совместно с научным руководителем) указать кафедру, факультет /институт, учебное заведение, город, страну.

Внимание! Телефон не публикуется, используется только для связи с автором в период подготовки статьи к печати; e-mail публикуется, почтовый дом. адрес не публикуется.

Требования к оформлению статьи

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти), а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы, почтовый адрес работы, должность авторов (на русском и на английском языках)!!!

1. Языки научных статей – русский, английский. По согласованию с редакцией возможна публикация статей на других языках.

2. Статьи предоставляются в электронном виде в формате редактора Microsoft Word 2003 или 2007 на одном из рабочих языков журнала. Файл со статьей именуется следующим образом – **Фамилия_статья** (например, *Иванов_статья*).

3. Максимальное количество авторов – не более 3-х.

4. Автор предоставляет редакции статьи, ранее нигде не опубликованные. Процент оригинальности не менее 70%.

5. **Общий объем статьи** (включая заголовок, ключевые слова, список литературы, аннотацию) – 15 000-20 000 знаков с пробелами, превышение объема статьи возможно по согласованию с редакционной коллегией. Страницы не нумеруются.

6. **Общие требования. РАЗМЕР А5.** Для набора текста необходимо использовать редактор Microsoft Word для Windows. Шрифт – *Times New Roman*, размер – 10. Абзац – 1 см, междустрочный интервал – 1. Выравнивание по ширине. Все поля документа по 2 см. Кавычки в тексте оформляются «елочкой». Без нумерации страниц, без переносов, без сносок. В качестве средств выделения текста используются подчеркивание и *курсив*. Между инициалами автора и фамилией ставим пробел.

7. **Оформление заголовка (см. образец).** На первой и второй строках (выравнивание по левому краю) указываются **ББК** и **УДК** (полужирным курсивом). После интервала на четвертой строке (выравнивание по правому краю) указываются **инициалы и фамилия**

автора (полужирным курсивом). На пятой и следующих строках (выравнивание по правому краю) – *ORCID автора, полное название организации каждого автора, почтовый адрес места работы, адрес электронной почты всех авторов* (курсивом). После интервала – **НАЗВАНИЕ СТАТЬИ** (по центру прописными буквами полужирным). Название статьи (не более 15 слов) должно кратко отражать содержание статьи. Не рекомендуется использовать сокращения и аббревиатуры.

8. После интервала следует аннотация статьи (*без слова Аннотация*) на русском языке **не менее 200 слов**. Аннотация не должна повторять название статьи и должна точно отражать основное ее содержание. Рекомендуется отражать: предмет исследования, цель работы, метод или методологию проведения исследования, основные результаты работы и область применения результатов исследования актуальность, методы, результаты, новизну и значимость исследования.

9. После интервала следуют **Ключевые слова** на русском языке (**не более 7-10 слов/словосочетаний**) без точки в конце. Набор ключевых слов/словосочетаний должен включать понятия, термины, имена, названия и пр., концептуально значимые для статьи.

10. После текста статьи через интервал помещается список **Литературы** с автоматической нумерацией в алфавитном порядке с обязательным указанием издательства, количества или диапазона страниц (Шрифт – Times New Roman, размер – 10). Список литературы должен содержать не менее 15 источников. См. ниже образец.

11. После списка литературы следует **REFERENCES**, он должен содержать транслитерацию списка из раздела «ЛИТЕРАТУРА». Источники на иностранных языках не транслитерируются и приводятся в оригинале. Транслитерацию наименований журналов следует сопровождать официальным наименованием (соответствующим названию издания в наукометрических системах РИНЦ и др.) на английском или другом иностранном языке. Названия городов указываются полностью: Москва – в «References»: Moscow.

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т. п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам, используя для автоматической транслитерации программу на сайте <http://www.translit.ru>.

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

12. Текст рекомендуется структурировать *Введение* – постановка рассматриваемого вопроса, актуальность, краткий обзор научной литературы по теме, четкая постановка цели работы. *Основная часть* статьи должна быть разбита на пронумерованные разделы, имеющие содержательные названия. Возможны подразделы. Она должна содержать описание материала и методов исследования, описание проведенного анализа и полученные результаты. *Заключение* – основные выводы исследования.

13. После **REFERENCES** через интервал следуют **ЗАГОЛОВОК, ИМЯ АВТОРА**, информация о месте его работы, слово **Abstract** – по центру, **Ключевые слова** и далее сама **Аннотация** – все на английском языке. На английском языке указать **место работы**.

14. Цитирование без подробных ссылок (с указанием источника и номера страницы в квадратных скобках) не допускается! Ссылки на неавторские Интернет-ресурсы (Википедия и т. п.) не допускаются.

15. Ссылки на литературу даются в квадратных скобках по образцу [1, 13] или [1, IV, 13], где первая позиция(1) – номер цитируемого источника согласно алфавитному списку, вторая позиция (появляется в некоторых случаях) (IV) – номер тома многотомного издания, третья позиция (13) – номер цитируемой страницы.

16. В статье не использовать табуляцию.

17. Кавычки должны быть одного начертания по всему тексту. Внешние кавычки – «елочки» (« »), внутренние – «лапки» (“ ”).

18. С содержанием номеров журнала можно ознакомиться на сайте [elibraryhttps://elibrary.ru/title_about.asp?id=64809](https://elibrary.ru/title_about.asp?id=64809) и на сайте университета <http://magtu.ru/sveden/struct/instituty-fakultety-kafedry/institut-gumanitarnogo-obrazovaniya/kafedry-instituta-gumanitarnogo-obrazovaniya/napravlenie-filologiya-i-zhurnalistika/kafedra-yazykoznanija-i-literaturovedeniya.html>;

19. Оргкомитет сохраняет за собой право отклонять статьи, не соответствующие тематике и не получившие положительной рецензии. Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!! Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

20. Материалы высылать по адресу rudakovamasu@mail.ru

21. Публикация статей бесплатная.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ЗАГОЛОВКА, СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ И АННОТАЦИИ

ББК 83.3
УДК 821.161.1

С. В. Рудакова¹
ORCID: 0000-0001-8378-061X
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г. И. Носова
455000, Россия, г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38
rudakovamasu@mail.ru

К. Н. БАТЮШКОВ И Е. А. БОРАТЫНСКИЙ: «ДИАЛОГИ» С ПАРНИ

Текст аннотации. Текст аннотации. Текст аннотации.

Ключевые слова: легкая поэзия, Парни, Батюшков, Боратынский, традиции, диалог, эпикуреизм

Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи.

Литература

1. Абрамзон Т. Е. «Любовная гадательная книжка» А. П. Сумарокова в контексте культуры XVIII века, или Литературная безделка от «северного Расина». Москва: ОГИ, 2013. 192 с.
2. Баратынский Е. А. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. И. М. Тойбина. Сост., подгот. текста и примеч. В. М. Сергеева. Ленинград: Советский писатель, 1989. 464 с.
3. Рудакова С. В. Философия счастья в лирике Е. А. Боратынского // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. «Гуманитарные науки». 2012. № 4 (108). С. 103–114.
4. Рылова О. Н. Русская античность в отечественной литературе: к проблеме культурного диалога [Электронный ресурс] // Вестник ТГПУ. 2010. № 5 (95). С. 100–106. URL: http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/rilova_o_n_100_106_5_95_2010.pdf (дата обращения: 10.01.2020).

---

¹ Рудакова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия.

REFERENCES

1. Abramzon T. E. «Lomonosovskij tekst» russkoj kul'tury' ["Lomonosov Text" of Russian Culture: Selected Pages]. Moscow: OGI, 2011. 240 p. (In Russ.).
2. Baraty`niskij E. A. Polnoesobraniestixotvorenij [Full. Coll. poems'] / Vstup. st. I. M. Tojbina. Sost., podgot. tekstaiprimech. V. M. Sergeeva. Leningrad: Sovetskij pisatel', 1989. 464 p. (In Russ.).
3. Rudakova S. V. Filosofiyaschast`ya v lirike E. A. Boraty`nskogo [Philosophy of Happiness in E. A. Boratynsky's Lyrical Poetry] // Izvestiya Ural'skogofederal'nogouniversiteta. Seriya 2. «Gumanitarny`enauki». [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts]. 2012. № 4 (108). Pp. 103–114. (In Russ.).
4. Ry`lova O. N. Russkaya antichnost' v otechestvennoj literature: k problemekul'turnogodialoga [Russian antiquity in Russian literature: on the problem of cultural dialogue] [E`lektronny`jresurs] // Vestnik TGPU [Bulletin of TSPU]. 2010. № 5 (95). Pp. 100–106. URL: http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/rilova_o_n_100_106_5_95_2010.pdf (accessed 10.01.2021). (In Russ.).

K. BATYUSHKOV AND E. BORATYNSKY: «DIALOGUES» WITH PARNI

Svetlana V. Rudakova

Doctor of Sciences (Philology), Professor of Department of Linguistics
and Literature, Nosov Magnitogorsk State Technical University
(Magnitogorsk, Russia)

Abstract

Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text. Text.

Keywords: Easy Poetry, Parni, Batiushkov, Boratynsky, Traditions,
Dialogue, Epicureanism

Тел. редакции: 8(3519)22-74-74

LIBRI MAGISTRI

2023. 3 (25)

Научный рецензируемый журнал

Учредитель – Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
(455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск, пр. Ленина, д.38). 16+,
в соответствии с Федеральным законом № 436–ФЗ от 29.12.10.

Адрес редакции:

455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 26, ауд. А17.

Тел.: (3519) 227474.

E-mail: rudakovamasu@mail.ru, rudakova@magtu.ru

Адрес издателя:

455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск,

пр. К. Маркса, 45/2,

ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова», издательский центр

Адрес типографии:

455000, Челябинская обл., г. Магнитогорск,

пр. Ленина, 38, ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова»,

участок оперативной полиграфии

Сдано в набор 02.09.2023. Подписано в печать 06.09.2023.

Дата выхода 07.09.2023.

Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага тип. № 1. Плоская печать. Усл.печ.л. 16,5.

Тираж 500 экз. Заказ 297.

Цена свободная.